Я ЗАПЛАТИЛ ГИТЛЕРУ

Ф. Тиссен

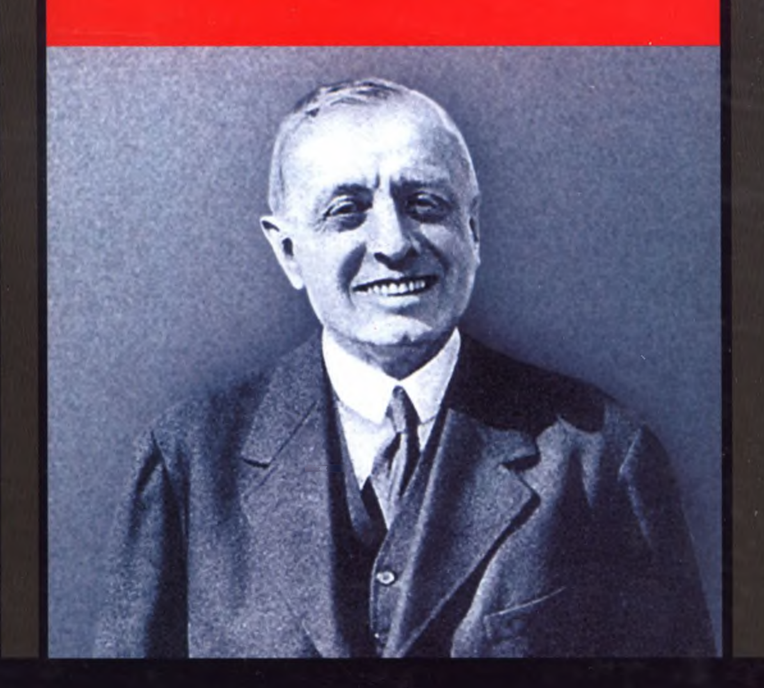

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

МЕМУАРЫ

Фриц Тиссен

Я ЗАПЛАТИЛ ГИТЛЕРУ

ИСПОВЕДЬ НЕМЕЦКОГО МАГНАТА

1939–1945

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
МЕМУАРЫ

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
МЕМУАРЫ

Fritz Thyssen

I PAID HITLER

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
МЕМУАРЫ

Фриц Тиссен

Я ЗАПЛАТИЛ ГИТЛЕРУ

ИСПОВЕДЬ НЕМЕЦКОГО МАГНАТА

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

ББК 63.3(0)62
Т44

Серия «За линией фронта. Мемуары»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Тиссен Фриц

Т44 Я заплатил Гитлеру. Исповедь немецкого магната. 1939—1945 / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. — 255 с. — (За линией фронта. Мемуары).

ISBN 978-5-9524-3704-3

В мемуарах Фрица Тиссена раскрыты основные механизмы одного из самых парадоксальных мировых кризисов, шокирующие подробности проведения антиеврейской кампании и внедрения системы концентрационных лагерей, а также причины поражения Германии во Второй мировой войне. Исповедь разочарованного и подвергнутого гонениям Тиссена внесла неоценимый вклад в разоблачение национал-социалистического режима и подвела итоги жестокого идеологического эксперимента над немецким народом.

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-9524-3704-3

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

У этой необычной книги необычная история, и рассказать ее необходимо.

Когда в сентябре 1939 года разразилась Вторая мировая война, крупный немецкий промышленник Фриц Тиссен бежал из Германии в Швейцарию. Почти все мировые газеты, журналы, агентства печати и издатели сразу же попытались приобрести его воспоминания или, по меньшей мере, правдивую историю его разрыва с Гитлером и побега из нацистской Германии.

История человека, игравшего величайшую роль в немецкой промышленности, ярого националиста, организовавшего пассивное сопротивление в Руре в 1923 году; человека, который более пятнадцати лет поддерживал Гитлера и финансировал его движение, способствовал приходу нацистов к власти, — это одна из самых необычных историй мировых кризисов. Тиссен верил, что именно нацисты смогут спасти его страну от большевизма, а они в конце концов конфисковали всю его собственность.

Я сам принимал участие в яростном состязании издателей за мемуары Тиссена, и так случилось, что победил. Я должен рассказать, почему я победил и каким образом.

Последние десять лет я возглавлял международное агентство печати Кооперэйшн. Целью этой организации было объединение ведущих государственных деятелей различных стран и публикование их взглядов на

состояние дел во всем мире. Первыми стали сотрудничать со мной лорд Сесил, сэр Остин Чемберлен, Артур Хендерсон, Поль Пенлеве, Луи Лушер, Анри де Жувенель и некоторые другие.

В довоенные годы организация разрасталась и стала чуть ли не монополистом в обладании эксклюзивными правами на статьи порядка сотни ведущих мировых лидеров, таких как Уинстон Черчилль, Энтони Иден, Альфред Дафф Купер, лорд Сэмюэль, Эттли, Хью Далтон, Поль Рено, Эдуард Эррио, Леон Блюм, П.-Э. Фланден, Ивон Дельбос, и многих других государственных деятелей Англии, Франции, Испании, Бельгии, Скандинавии и Балканских государств. Статьи почти ежедневно печатались по всему миру в выпусках около четырех сотен газет в семидесяти странах. Американские читатели, возможно, помнят эти статьи, до войны публиковавшиеся на всей территории США группой более двадцати ведущих независимых газет во главе с нью-йоркской «Геральд трибюн».

Я старался освещать все противоречивые точки зрения, существовавшие в Европе, и часто издавал статьи фашистского деятеля Вирджинио Гайда, но никогда не печатал нацистские статьи. В реальности, по мере нарастания кризиса, политика моей организации принимала все более открытый антинацистский характер и, вероятно, была единственной на Европейском континенте структурой такого рода, борющейся с нацистским влиянием и пропагандистским аппаратом Геббельса. Видимо, эти публикации оказывали определенное влияние на общественное мнение, ибо однажды сам Гитлер отдал мне должное, истерически выкрикнув в своей первой после Мюнхенского соглашения речи в Саарбрюккене, что «необходимо остановить эту пропаганду Черчилля, Идена и Даффа Купера...».

Я обязан упомянуть об этом, так как в связи с мемуарами Тиссена мне придется сделать несколько заявлений, которые в данных обстоятельствах могут быть доказаны лишь моей прошлой деятельностью.

Прибыв в Локарно, Тиссен не мог согласиться ни на одну просьбу о публикации, поскольку дал слово чести швейцарскому правительству воздерживаться от каких-либо заявлений или публикаций, пока находится на швейцарской территории. Следовательно, я понимал, что бесполезно встречаться с ним лично, и попытался установить с ним связь через своих друзей. Эти попытки успехом не увенчались. В марте 1940 года Тиссен выехал из Швейцарии в Брюссель, чтобы встретиться с умирающей матерью, и я узнал, что из Брюсселя он отправится в Париж.

3 апреля в мой парижский офис позвонили из редакций лондонской «Санди экспресс» и парижской «Пари суар», с которыми я давно сотрудничал. Мне сообщили, что они изо всех сил стараются заполучить историю мистера Тиссена, но не могут к нему подобраться, и спросили, не могу ли я чем-либо им помочь.

Я немедленно отправился к Полю Рено, премьер-министру и министру иностранных дел Франции. Я объяснил ему политическую важность мемуаров Тиссена, и он безоговорочно со мной согласился. Теперь оставалось убедить Тиссена написать мемуары и поскорее опубликовать их. Я сказал Рено, что знаю человека, который мог бы представить меня Тиссену и, может быть, убедить его доверить мне публикацию мемуаров. К несчастью, этот человек, друг Тиссена, находился в Лондоне и — из-за цензуры и запрещения международных телефонных переговоров — было чрезвычайно сложно связать его с Тиссеном. Рено поручил одному из своих атташе помочь мне и позволил связаться с французским посольством в Лондоне по телефонной линии министерства иностранных дел.

Я провел необычайно драматический день и почти целую ночь в комнате атташе на набережной д'Орсе. Из кабинета Рено я вышел почти в то же время, когда отправлялся экспресс Париж—Брюссель, на котором покидал Брюссель Тиссен. Поскольку мы не знали, где Тиссен собирался остановиться в Париже, сыскную по-

лицию обязали докладывать о его перемещениях. Каждые полчаса мы получали донесения: «Тиссен пересек границу...», «Тиссен проехал Сен-Кантен...», «Тиссен прибыл на Северный вокзал...» и, наконец, «Месье и мадам Тиссен прибыли в отель «Крийон»...».

Я тут же попытался организовать телефонную связь между Тиссеном и нашим общим другом в Лондоне, но удалось это лишь почти через сутки. В конце концов они оба оказались у телефонов и проговорили около получаса по официальной телефонной линии французского министерства иностранных дел без всякой цензуры. На следующий день я получил от Тиссена записку с приглашением навестить его в «Крийоне».

Наша первая, очень сердечная встреча продлилась почти два часа. Тиссен сказал, что готов немедленно опубликовать свои письма, посланные Гитлеру, Герингу и другим официальным лицам после его разрыва с нацистами, и те, в которых он объяснял, почему покинул Германию. На самом деле он уже послал эти письма одному своему другу в Америку для опубликования. Тиссен сказал, что был бы рад, если бы эти письма также издали бы в Англии, Франции и в как можно большем числе стран, но в данный момент больше ничего публиковать не хотел бы.

Пока Тиссен оставался в Париже, я виделся с ним каждый день и как-то напрямик спросил его: «Вы хотите помочь нам уничтожить Гитлера или нет?» Поскольку он ответил категорическим «Да», я попытался убедить его в том, что его мнение и все имеющиеся у него документы окажут максимальное воздействие, если будут оглашены во время войны, а не после. После третьего или четвертого разговора он начал понимать, что в разгар войны против гитлеризма бесполезно иметь мощное оружие и не пользоваться им немедленно.

Решившись написать воспоминания, Тиссен стремился сделать это как можно быстрее, а свои письма захотел опубликовать еще до завершения книги. Эти письма появились в американском журнале «Лайф»

29 апреля 1940 года. Одновременно они были опубликованы в лондонской «Санди экспресс» и французской «Пари суар».

Тиссену срочно понадобились некоторые документы, оставленные им в хранилищах одного из банков Люцерны в Швейцарии. Я обсудил этот вопрос в министерстве иностранных дел, и в Люцерну был послан специальный дипломатический курьер с заданием привезти документы во Францию. Пробыв неделю в Париже, Тиссен с женой выехали в Монте-Карло. Через четыре дня из Швейцарии привезли документы, и я отправился на Ривьеру со своим секретарем и сотрудником, который должен был помочь Тиссену в работе над книгой. В Монте-Карло Тиссен поселился в «Отель де Пари». Своего сотрудника я разместил рядом в отеле «Бо Риваж», а чтобы избежать внимания бесчисленных итальянских шпионов, которыми кишел тот регион, остановился милях в десяти от «Бо Риваж» в «Гранд-отеле» на мысе Ферра, одном из самых тихих и очаровательных уголков Ривьеры. В отеле было лишь несколько гостей, среди них сэр Невил Хендерсон, бывший британский посол в Германии, к тому времени только что закончивший книгу о провале своей миссии в Берлине. Рядом с отелем находилась вилла бывшего премьера Фландена, которого я часто видел во время своего пребывания на мысе Ферра. Его очень интересовало, почему Тиссен стал таким ярым врагом Гитлера.

На Ривьере я провел почти три недели, работая с Тиссеном день и ночь. Обычно он начинал работу около половины десятого утра и без перерыва диктовал часа три. Диктовал он очень быстро по-немецки и частично весьма бегло по-французски, перескакивая с одного предмета на другой. Сведения рвались из него: он словно не знал, как побыстрее избавиться от них. В час дня во время второго завтрака мы продолжали работу в длительных беседах. Все, надиктованное утром, днем распечатывалось и представлялось Тиссену вечером. Он очень тщательно по два-три раза корректиро-

вал каждую страницу и в конце концов одобрял отдельные главы.

В период нашего сотрудничества в Монте-Карло Тиссен произвел на меня неожиданное впечатление. Прежде я никогда с Тиссеном не встречался, и он оказался полной противоположностью созданному в моем воображении образу стального короля, ведущего производителя вооружений и человека, связавшего свою судьбу с нацизмом. Передо мной был очаровательный пожилой джентльмен, необычайно остроумный, с потрясающим чувством юмора. Он любил хорошую еду, изысканные вина, и наши ленчи редко занимали менее трех часов. Я водил его по всем знаменитым ресторанам Ривьеры: в «Шато Мадрид» высоко в горах, в «Бонн Оберж» близ Антиба, «Коломб д'Ор» в романтическом Сен-Поле и во многие другие, славившиеся своей великолепной кухней. Ни один из нацистских лидеров не избежал его уничижительных характеристик, как и очень немногие из его коллег-промышленников. Он рассказал десятки историй о личной жизни германских лидеров, кои, к сожалению, невозможно опубликовать в этой книге.

Говоря о серьезных проблемах и личном опыте, он почти ежедневно прерывал монолог и колотил себя кулаком по лбу, восклицая: «Ein Dummkopf war ich!.. Ein Dummkopf war ich!..» (Каким же идиотом я был!.. Каким же идиотом я был!..) Затем он выражал надежду на быстрейшее издание своей книги в Америке и неоднократно повторял: «Я очень хочу рассказать американским промышленникам о своем жизненном опыте».

У меня сложилось четкое впечатление, что его чувства к Гитлеру были не просто неподдельными, но глубоко искренними. Тиссен отвечал на все задаваемые мною вопросы, рассказывал все, что знал, за одним исключением: он не желал говорить о точном своем вкладе в нацизм, хотя признался, что где-то в безопасном месте хранит документы на все суммы, потраченные на нацистов. Мне не терпелось заполучить фотокопии расписок

и квитанций для иллюстраций этой книги, но он не желал говорить мне о их местонахождении.

10 мая в восемь часов утра я включил радио и услышал голос французского министра информации Фроссара: на рассвете немецкая армия нарушила границы Голландии, Бельгии и Люксембурга — война на Западе началась. В 10 утра я сообщил эти новости Тиссену. Он отреагировал очень своеобразно, побледнел, не хотел верить, сказал, что точно знает: немецкий Генеральный штаб всегда был против наступления на Западе, и единственное объяснение он видит в том, что таким образом высшее армейское командование стремится избавиться от нацистов, толкая их к неминуемому поражению. Тиссен заявил, что, точно зная объемы производства тяжелой немецкой промышленности, дефицит определенных видов сырья, плохое качество стали, используемой в некоторых отраслях военной промышленности, он уверен в том, что Германия никак не может победить в этой войне. Я так и не смог понять, объяснялся ли поразительный успех Германии исключительной слабостью французской армии или сверхгениальностью нацистских военных деятелей, сумевших скрыть истинное положение дел в военной индустрии даже от председателя сталелитейного концерна.

К концу мая мы почти завершили работу. Тиссен закончил, откорректировал и одобрил к изданию более половины книги. Оставшиеся главы он надиктовал, но необходимо было проверить некоторые даты и факты, что невозможно было сделать в Монте-Карло. Поэтому я вернулся в Париж, четко понимая, что где-то в начале июня придется вернуться в Монте-Карло, дабы получить готовую к немедленному изданию книгу.

Когда я приехал в Париж, немецкая армия уже прорвалась в Седан. Что случилось в течение последующих дней и какой была жизнь в Париже в тот период, знают все. С каждым часом ситуация становилась все опаснее; нечего было и думать о новой поездке в Монте-Карло, не зная, остановят ли немецкую армию и сможем ли мы бежать из Парижа.

Ночью 11 июня я выехал на автомобиле из Парижа и после невообразимой четырнадцатичасовой поездки в условиях, описанных во множестве книг, прибыл в Тур. Я захватил очень мало личных вещей, но со мной были мемуары Тиссена. Два дня спустя я снова был в дороге, ехал в Бордо, а после капитуляции Франции на английском эсминце покинул ее берега. В море я пересел на британское торговое судно, доставившее меня в Англию. Автомобиль и большую часть вывезенных из Парижа вещей я бросил в гавани Бордо, но сумел спасти рукопись Тиссена.

В Лондоне друзья-политики, редакторы газет и издатели убеждали меня издать книгу Тиссена, но я полагал, что не имею на это права, ничего не зная о его судьбе, не зная, нашел ли он безопасное убежище. Месяцами я пытался напасть на его след, но достоверная информация была недостижима. По некоторым источникам, он бежал в Америку, по другим — все еще находился на Ривьере, по третьим — передан французами в гестапо. В такой ситуации я не мог опубликовать ни одной главы из его мемуаров.

Из Англии в Соединенные Штаты я вернулся в феврале 1941 года, надеясь, что сумею выяснить, что же случилось с Тиссеном и где он находится. К несчастью, никто не знал ничего, кроме того, что он наверняка в руках гестапо, иначе его родственники в Южной Америке или его друзья в США получили бы от него хотя бы одну весточку за целый год. Мне пришлось смириться с тем, что он скорее всего находится в концентрационном лагере. Многие месяцы мне казалось, что в таких обстоятельствах эту книгу нельзя издавать, ибо ее публикация почти наверняка повлечет за собой казнь Тиссена.

Я хочу четко определить свою позицию и избежать каких-либо недоразумений. Я не собирался защищать Тиссена. Я всегда понимал, что он был одним из тех людей, кто более других способствовал возвышению Гитлера и приходу к власти в Германии национал-социалистов. Я также знал, что он, вероятно, нес максимальную

ответственность за то, что Германия сорвала конференцию по разоружению и что он и его друзья, пожалуй, даже более Гитлера виновны в страданиях, которые нацисты обрушили на мир. Около двадцати лет Фриц Тиссен играл в очень крупную и очень опасную политическую игру, и я ни в коем случае не верю, что перед высшим судом истории его признание «Каким же идиотом я был» послужило бы достаточным доводом для его оправдания.

Однако я не имел никакого отношения к тому Тиссену. Я встретился с ним, когда он был изгнанником. Я заключил с ним соглашение, как издатель с автором, и был убежден: я не имею права публиковать его мемуары, пока не буду совершенно уверен, что он свободен или мертв.

Но месяц шел за месяцем, война затягивалась, все больше и больше людей, общественных деятелей и издателей, пытались убедить меня в том, что здесь нет места личным чувствам, что эта рукопись слишком важный политический и исторический документ, что я не имею права отказываться от ее издания. Они подчеркивали, что если Тиссена действительно отправили в концлагерь, то он почти точно мертв, а если и жив еще, то ничто его не спасет. Если он разделил судьбу других врагов нацизма, заключенных в концлагерь, то наверняка надеялся на то, что его мемуары будут опубликованы, поскольку это единственное оружие, которым он мог нанести ответный удар Гитлеру. И как бы ни сложилась его судьба, ее нельзя принимать во внимание в тот момент, когда свободные народы мира ведут отчаянную борьбу с гитлеризмом и когда публикация этого уникального документа может дать необходимую информацию демократическим странам и помочь им своевременными действиями предотвратить расползание нацизма по Западному полушарию.

После четырнадцати месяцев сомнений и колебаний я в конце концов пришел к выводу, что эту книгу нельзя далее скрывать от общества. Теперь я убежден, что если

Тиссен находится в концлагере и если он еще жив, дальнейшая отсрочка издания его мемуаров никоим образом его не спасет. Наоборот, я даже верю и надеюсь, что эта публикация принесет ему некоторое удовлетворение.

И кроме возможного влияния этого издания на его судьбу, мы должны помнить, что вовлечены в борьбу не на жизнь, а на смерть с гитлеризмом, и для нас правильным является все, что может причинить вред Гитлеру. Я считаю, что мы не должны проявлять слабость и поддаваться испытанному и ужасному гестаповскому шантажу, парализующему действия свободных людей, друзей и родственников которых пытают в концлагерях. Я считаю, что мы должны набраться сил принести в жертву тех, кто находится в руках гестапо, как бы близки они ни были лично нам, и, несмотря ни на что, продолжать борьбу. Мы никогда не сможем разрушить эту чудовищную систему человеческого рабства, если в войне с ней позволим себе руководствоваться не холодным рассудком, а чувствами.

Нападение Гитлера на Россию положило конец моим сомнениям и снабдило меня решающим аргументом в решении издать эту книгу. Сразу же после начала русско-германской войны многие высшие государственные деятели заговорили о том, что Гитлер вернулся к своей прежней программе и он — тот человек, которому суждено спасти нас от коммунизма. Именно против этой величайшей недооценки нацизма хотел предостеречь мир Фриц Тиссен, именно поэтому он решил поделиться со свободными нациями своим личным опытом. Судьба Фрица Тиссена, высокопоставленного германского националиста, могущественнейшего германского промышленника и преданного католика, — яркий пример того, как Гитлер защищает патриотов, промышленников и христиан от коммунизма.

Эмери Ревес,
президент
Cooperation Publishing Co., Inc.

* * *

Предисловие автора, вся часть I, главы 1, 2 и 3 части II, главы 3, 5, 6 и 7 части III и глава 3 части IV были просмотрены, исправлены и окончательно одобрены для издания Фрицем Тиссеном.

Остальные главы были им надиктованы, но не исправлены или просмотрены. Некоторые из этих глав содержат повторения; некоторые параграфы находятся не в надлежащем месте. Было бы легко отредактировать эти главы и избежать корявости некоторых разделов, однако мы решили сохранить их в том виде, в каком они были оставлены Тиссеном.

Там, где этого нельзя было избежать, мы добавили ссылки, дабы прояснить некоторые проблемы и обстоятельства, однако весь этот дополнительный материал помечен либо как «Примечание издателя», либо как «Историческая ссылка».

В конце книги также помещен ряд биографических справок об основных персонажах, упомянутых Тиссеном.

Э. Р.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга — не просто история ошибки, трагические последствия которой я сознаю так же, как и все остальные. Мало сожалеть о прошлом; необходимо извлекать из прошлого уроки. Война, в которую Гитлер вверг мир, требует, чтобы все люди, достойные называться людьми, собрались с силами и сражались.

Десять лет до прихода Гитлера к власти я поддерживал его и его партию. Я сам был национал-социалистом и объясню почему. Сегодня, находясь в изгнании за то, что выполнил свой долг и высказался против войны, я хочу внести свой вклад в падение Адольфа Гитлера, рассказав немецкому народу и народам всего мира о том, что представляют собой фюрер и другие так называемые лидеры современной Германии.

Гитлер обманул меня, как обманул немецкий народ и всех людей доброй воли. Возможно, мне и всем другим немцам скажут, что мы не должны были обманываться. Лично я признаю обоснованность этого обвинения. Я признаю себя виновным. Я полностью заблуждался в отношении Гитлера и его партии. Я верил его обещаниям, я верил в его преданность и политический гений. Ту же самую ошибку совершили профессиональные политики.

Гитлер обманул нас всех. Однако, придя к власти, он сумел обмануть иностранных государственных деятелей точно так же, как обманывал немцев до 1933 года.

Если бы я хотел попытаться оправдать себя, я мог бы сказать, что те, кто находился за пределами Германии, были лучше информированы об изначальном преступлении, чем те, кто жил в Германии. Я говорю о поджоге рейхстага. Тем не менее великие европейские страны продолжали поддерживать нормальные дипломатические отношения с нацистскими поджигателями и убийцами. Послы и министры пользовались их гостеприимством, принимали их в своих посольствах и миссиях, пожимали им руки, как порядочным людям. Мы, жившие в Германии, по меньшей мере, можем оправдаться тем, что не знали правды.

Гитлер вооружил Германию до невероятной степени и в неслыханные сроки. Великие державы закрыли глаза на этот факт. Действительно ли они не сознавали опасность или предпочитали ее игнорировать? Как бы то ни было, они ничего не сделали, чтобы воспрепятствовать незаконному перевооружению Германии. Они даже не вооружились сами, чтобы вовремя избежать опасности. С самого начала военные усилия, предпринятые нацистским режимом, казались абсолютно несоразмерными с ресурсами страны. Даже на ранних стадиях я предчувствовал, что это неизбежно приведет к катастрофе.

Однако Гитлер одерживал одну выдающуюся дипломатическую победу за другой; на подобные успехи даже не смели надеяться ни Веймарская республика, ни имперская Германия. Он возродил обязательную военную службу; осуществил военную повторную оккупацию и укрепление Рейнской области, аншлюс Австрии, аннексию Судетской области Чехословакии, вступление в Прагу — три года побед без военных действий! В тот самый момент, когда страной овладевали сомнения и недовольство, лидер новой Германии уже имел возможность разгромить оппонентов в Германии демонстрацией — что ему всегда удавалось — исторического величия достигнутых результатов. А себя самого он объявил величайшим немцем всех времен.

Своим историческим романтическим ореолом национал-социалистический режим был обязан главным образом Мюнхенскому соглашению. В глазах народных масс это соглашение подтвердило непогрешимость Гитлера и дало возможность новым лидерам Германии и в следующем году проводить политику, ввергнувшую немецкий народ в войну, которой оно не желало и которую не предвидело.

Могут задать вопрос, почему в послевоенной Германии, стране дезорганизованной, преследуемой бесконечными экономическими и социальными кризисами и отягощенной колоссальным внешним долгом, промышленник вроде меня счел необходимым внести вклад в возрождение, которое посредством консолидации государства помогло бы его стране стать великой державой в мирном сообществе человеческой цивилизации, последующие страницы, возможно, дадут ответ на этот вопрос.

Гитлер — по крайней мере, в это верили я и многие другие немцы — способствовал возрождению Германии, возрождению национальной воли и современной общественной программы. Нельзя также отрицать, что его усилия поддерживались стоявшими за ним народными массами. В стране, имевшей одно время семь миллионов безработных, необходимо было отвлечь эти массы от пустых обещаний социалистов-радикалов. Во время депрессии левые социалисты одержали верх, как почти случилось в революционный период, после катастрофы 1918 года. Однако мои надежды на спасение Германии от этой второй опасности вскоре развеялись как дым. Это разочарование началось почти в самом начале нацистского правления. В последующие семь лет я несколько раз пытался остановить насилие, представлявшее вызов совести человечества. 1 сентября 1939 года я выступил с энергичным протестом против развязывания войны и информировал немецких лидеров о своем намерении призвать мировое сообщество к осуждению их действий.

Однако главная цель этой книги — не пессимистическая оценка ситуации. Деловой человек обязан быть оптимистом, иначе он никогда ничего не предпримет. За двадцать пять лет Европа дважды была ввергнута в пучину войны. Существующий германский режим несет прямую ответственность за катастрофу, обусловленную политикой, как непродуманной, так и преступной. Тем не менее не подлежит сомнению то, что более отдаленные и глубокие ее причины следует искать в конфликте 1914—1918 годов и в мирной конференции, доказавшей свою неспособность разрешить его. Ибо, несмотря на определенные заслуживающие уважения усилия, Версальский мирный договор (1919) не преуспел в установлении политического и экономического порядка, который бы застраховал мир от новой катастрофы.

Во избежание гибели человеческой цивилизации необходимо сделать все для того, чтобы война в Европе стала невозможной. Однако насильственное решение, о котором мечтает Гитлер, примитивная личность, обуреваемая горькими воспоминаниями, является романтической глупостью и варварским, кровавым анахронизмом.

Европа безусловно должна обрести политическую безопасность, такую, как, например, существует в Америке. Иначе погибнет наш старый континент и цивилизация, колыбелью которой является Европа. Чтобы нынешние тяжкие испытания не оказались бессмысленными, они должны привести к созданию Соединенных Штатов Европы в той или иной форме. В этом я убежден.

Возрождение имперских амбиций в сердце Европы, за которое несет ответственность гитлеровская Германия, должно заставить задуматься всех немецких патриотов. В 1923 году я сумел спасти Рейн и Рур и сохранить единство Германии. Я был заключен в тюрьму и осужден вражеским военным трибуналом. Это дает мне право говорить сегодня.

Своим преступным капризом Гитлер угрожает существованию Германской империи, чью ненадежность прекрасно сознавал Бисмарк, ее основатель и созидатель. За

почти два десятка лет своего канцлерства, проводя победоносную кампанию против Франции, Бисмарк последовательно проводил осторожную политику, нацеленную на увещевание других держав. Мудрость основателя Германской империи была быстро забыта. Опыт 1914, 1938 и 1939 годов показал, что существование в Европе государства с шестьюдесятью—восемьюдесятью миллионами подданных, управляемого политиками-империалистами, располагающими огромным военным потенциалом современной промышленности, — постоянная угроза безопасности континента.

В 1871 году гений великого государственного деятеля поставил западную культуру и технику на службу прусской воинственности. Сегодня я вижу в этом союзе основную причину политической нестабильности в Европе. Восточная Германия с навязанным ей воинственным прусским духом так и не избавилась от своего колониального менталитета завоевателя славян. В ее руках западная техника становится инструментом войны, а не орудием цивилизации.

Более того, семь лет нацистской тирании с мучительной ясностью доказали мне полную несовместимость двух Германий — колониальной, рабской Германии Востока, первоначально населенной славянами, ставшими прусскими крепостными, и Германии Запада, где христианский и римский гуманизм был основной цивилизующей силой. Преследование христианской религии, садистский антисемитизм пруссаков, так чуждые населению Рейнской области, попытки оживить варварское язычество, бесчеловечное в своих нравственных концепциях, убедили меня и многих других в том, что для спасения Германии и Европы требуется восстановление прежнего барьера между двумя народами со столь различными ментальностями. Необходимо охранять свободу, культуру и христианство Западной и католической Германии — страны, безусловно относящейся к Западной Европе.

Душа Западной и Южной Германии стремится к Западу. Ее промышленное и техническое развитие направ-

ляет ее к великим океанским дорогам мира. Нацистская концепция «жизненного пространства» в виде территорий, которые предстоит завоевать, бессмысленна для великой промышленной державы, которой для своего мирного господства необходима вселенная.

Такая политическая реорганизация, разумеется, не является конечной целью. Послевоенный мир должен жить и развиваться. Уже существующий экономический хаос несомненно усугубится в результате нынешней войны. Снова встанет вопрос сотрудничества всех людей доброй воли ради возрождения. Осознают ли демократические правительства серьезность этих проблем? Ценную поддержку представляет Америка. Было бы безумием повторить экономические ошибки, совершенные после Первой мировой. Необходимо объединить ресурсы и добрую волю европейских стран и Соединенных Штатов Америки, чтобы подняться из руин и начать сначала. В конце этой войны не встанет, как в 1918 году, вопрос о возмещении убытков. Я надеюсь, что немецкий народ сам определит наказание убийцам, преступникам и фальсификаторам. Пусть мир будет конструктивным; пусть злоба будет изгнана навсегда! Будем работать на будущее и забудем прошлое!

В этой книге я попытался изложить некоторые идеи, к которым я глубоко привязан. Они не являются результатом импровизации. Как главе одного из мощнейших промышленных концернов Германии, мне приходилось двадцать лет преодолевать последствия несовершенного мира. Изгнание подарило мне время на размышления о прошлом, иногда лишь мучительном, иногда трагическом. Результат моих раздумий представлен на этих страницах. Пусть они станут вкладом одного человека доброй воли в грядущее мирное будущее!

ФРИЦ ТИССЕН

Монте-Карло, май 1940 г.

Часть первая
МОЙ РАЗРЫВ С ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

Глава 1
МОЙ ПОБЕГ ИЗ ГЕРМАНИИ

15 августа 1939 года мы с женой приехали в Бад-Гаштайн в Австрийских Альпах. Мы нуждались в отдыхе. Это был особенно беспокойный и напряженный год.

Говорили, что я поехал в Гаштайн готовить свой побег из Германии. Это неправда. Я действительно выезжал из Германии в начале августа на выставку в Цюрих, но если бы я хотел бежать, то уже тогда остался бы в Швейцарии. В то время я еще не верил, что начнется война. Против войны выступали немецкие генералы. Более того, мне рассказывали о заявлениях Тербовена, одного из близких друзей Германа Геринга и гаулейтера Эссена, из которых можно было сделать вывод, что все это просто дипломатическая игра и никто в правительстве даже не помышляет о вооруженной авантюре. Заявления Тербовена воспринимались как выражение личного мнения Геринга. В начале августа Геринг выступил против военных действий и лишь в последний момент изменил точку зрения. Таким образом, выезжая в Гаштайн, я был вполне умиротворен.

23 августа я узнал ошеломляющие новости о пакте, заключенном Гитлером и Сталиным. Переговоры длились долго, но я и представить не мог, что они зайдут так далеко. Без этого соглашения с Россией Гитлер никогда бы не решился на Польскую кампанию. Французские и британские послы недвусмысленно предупреждали, что

их страны не потерпят нападения на Польшу. Наш посол в Париже граф Вельцек официально информировал немецкое правительство о том, что нападение Германии на Польшу послужит сигналом к началу полномасштабной войны.

Ситуация сложилась совершенно определенная. Ни Франция, ни Великобритания не смирились бы со вторым Мюнхеном. Как же случилось так, что ни Гитлер, ни Риббентроп этого не поняли? Годом ранее семидесятилетний британский премьер-министр впервые в своей жизни воспользовался самолетом и прилетел в Германию на переговоры с Гитлером. С той же целью французский премьер посетил Мюнхен. Было достигнуто соглашение, по которому Германия получила все, что хотела. Успех был беспрецедентным. Ни один германский император не мог похвастаться достижениями, сравнимыми с этим успехом. Выдающийся государственный деятель уровня Бисмарка осознал бы, что Мюнхен — исключительный дар богов, и сделал бы все, что в его силах, лишь бы избавить две великие западные державы от чувства унижения, и прежде всего посвятил бы себя мирному упрочению столь легко достигнутых результатов.

А что сделал Гитлер? 13 марта 1939 года он вторгся в Чехословакию, чью территориальную неприкосновенность пообещал уважать. Мне это показалось чудовищным. Нарушение торжественного обещания в таких условиях означало оскорбление двух великих держав, а нацистам, вероятно, показалось проявлением гениальности величайшего политика, коего знавал мир (именно таким Гитлер сам считал себя). Мне же и многим другим немцам это казалось чистейшим безумием — прыжком к катастрофе. Я скептически относился к возможности урегулировать спор с Польшей с помощью второго Мюнхена. Две великие державы, объединившиеся и располагающие колоссальными рессурсами, не поддались бы на один и тот же обман дважды.

Новости о подписании соглашения со Сталиным встревожили меня. Однако, полагаясь — может быть,

слишком — на собственное знание ситуации, я все еще верил, что этот эпизод — просто еще один в ряду эффектных эпизодов, характерных для режима. Насколько я мог судить, в Париже и Лондоне советско-германский пакт о ненападении не поколебал решимости обеих демократий к вооруженному отражению любого нового акта насилия. Меня это не удивляло. Любая другая политика была бы равносильна капитуляции западных держав, то есть чистому самоубийству. Но я все еще не верил в возможность войны.

25 августа мне порекомендовали отправиться в Берлин на заседание рейхстага. Неожиданность подобных созывов была симптоматична для роли, к которой свели это законодательное собрание. Прежде все вопросы серьезно изучались, докладывались комитетами, а затем созывалась рабочая сессия рейхстага. Сегодня все изменилось. Депутатов время от времени приглашают выслушать очередное заявление Гитлера. Это срежиссированный спектакль, единственная цель коего — пропаганда. Члены рейхстага играют роли без слов в дешевой драме. Я лично всегда считал, что, как депутат рейхстага, несу определенную ответственность и обязан выражать свое мнение. Заседание, назначенное на 25 августа, было отменено. И снова я попытался подбодрить себя.

Тем временем мой зять, граф Зичи, приехал навестить нас в Гаштайн вместе с моей дочерью Анитой и моим внуком, которому тогда было два с половиной года. Они намеревались провести с нами неделю. Их визит был совершенно незапланированным. Штраубинг в Южной Баварии, где они жили, находится всего лишь в нескольких часах езды на автомобиле от Гаштайна. Я все еще полагал, что нет никакой особой причины для волнений.

Однако вечером 31 августа я получил телеграмму от гаулейтера Эссена с инструкцией отправиться в Берлин и присутствовать на заседании рейхстага, назначенном на следующее утро в «Кроль-опере». Я вдруг осознал серьезность ситуации. Я физически не мог попасть в Берлин за такой короткой срок. Пришлось бы ночью мчаться на ав-

томобиле, чтобы сесть на первый утренний самолет из Мюнхена, и даже при наилучшем стечении обстоятельств я едва бы успел к концу заседания. В любом случае при моем здоровье подобное напряжение было мне противопоказано. Поэтому я решил извиниться за отсутствие на заседании и выразить свое категоричное мнение. Часов в девять вечера я послал президенту рейхстага Герингу срочную телеграмму следующего содержания:

«Получил от районной администрации Эссена (Gauleitung) приглашение вылететь в Берлин. Не могу принять это приглашение из-за неудовлетворительного состояния здоровья.

По моему мнению, стоило бы согласиться на нечто вроде перемирия, дабы выиграть время для переговоров. Война приведет к сырьевой зависимости Германии от России и поставит под угрозу ее статус мировой державы.

(Подпись) *ТИССЕН*».

Таким образом, несмотря на все препятствия, я чувствовал, что выполнил свой долг свободного человека и ответственного депутата рейхстага: высказал правительству свое категоричное антивоенное мнение. Должен добавить, что в тот момент я не собирался покидать Германию, хотя перспектива того, что ни генералы, ни кто-либо еще не смогут сопротивляться капризу Гитлера, вызвала во мне возмущение и отвращение.

На следующее утро мой зять предложил прослушать по радио так называемое «историческое заседание», на котором я должен был присутствовать. Я резко отказался выслушивать причины, которые Гитлер привел бы в оправдание своего безумия.

Накануне днем я получил телеграмму от моей сестры; она сообщала, что только что в концентрационном лагере Дахау умер ее зять и мой племянник фон Ремниц. Об обстоятельствах его смерти я ничего не знал. До аншлюса Ремниц был лидером австрийских легитимистов (то есть сторонников габсбургской монархии) в провинции

Зальцбург. После аннексии Австрии зальцбургские нацисты попытались его шантажировать. «Внесите вклад в партийный фонд, — заявили они, — и вам не придется расплачиваться за вашу легитимистскую деятельность». Племянник отказался, сказав, что в независимой Австрии его политическая деятельность считалась абсолютно законной. На следующий день его арестовали и отправили в Дахау. Я попытался связаться с гаулейтером Вены и имперским комиссаром по воссоединению Австрии с рейхом Бюркелем, чтобы обсудить освобождение фон Ремница, но тот даже не потрудился ответить на мою просьбу. Это стало еще одним реальным доказательством преступного беззакония, царившего в Германии, против которого я и прежде неоднократно протестовал в авторитетных кругах.

Обо всем этом я размышлял, пока зять слушал по радио речь Гитлера. Несколько минут спустя он вошел, совершенно обескураженный. «Гитлер заявляет, что немецкая армия вошла в Польшу, — сказал он. — Это означает войну. А еще Гитлер заявил: «Кто не со мной, тот — предатель, и с ним будут обращаться как с предателем».

Эта зловещая фраза была ответом на мою телеграмму. Ее значение совершенно ясно доказала страшная смерть в Дахау моего племянника.

Если бы я остался в Германии, то подверг бы опасности и собственную жизнь, и жизнь всех, кто мне дорог. С согласия жены и зятя я принял решение покинуть страну. По воле Провидения нам не пришлось расставаться в столь критический момент. Я бы никогда не уехал, если бы пришлось оставить детей заложниками гестапо.

Мы выехали в семь утра 2 сентября. У меня был собственный автомобиль, а дети приехали ко мне на своих машинах. Мы отправились без багажа, как будто на прогулку. Одна из обычных экскурсий — вокруг Гаштайна по новому альпийскому шоссе, построенному прежним австрийским правительством, затем по перевалу Глокнер в Италию и обратно по перевалу Бреннер. Вскоре после того, как мы выехали из Гаштайна, путь нам преградил

оползень. Накануне ночью здесь пронеслась сильнейшая буря; массы грязи и камней сделали дорогу непроезжей, и рабочие занимались ее расчисткой. Старший сказал мне, что движение вскоре восстановится. Мы прождали три часа, притворяясь совершенно безразличными. В конце концов расчистили достаточно места для проезда. На границе шофер, не посвященный в наши планы, показал мои документы, включая и удостоверение депутата рейхстага, и сказал, что мы едем на обычную экскурсию. Я из машины не выходил. Пограничники пропустили нас, объяснив, что мы должны вернуться на территорию Германии в течение трех часов. Оказавшись у поворота на перевал Бреннер, мы повернули не направо, а налево и поехали по направлению к Италии и Швейцарии. Я не хотел задерживаться в Италии, поскольку она, как все ожидали, могла вступить в войну. Остановились мы в первой же швейцарской деревушке Ле-Пре. Мы были спасены.

Я сразу же набросал меморандум, намереваясь при первой же возможности отослать его Герингу:

«МЕМОРАНДУМ

31 августа в девять часов вечера я послал следующую телеграмму маршалу Герингу. [Телеграмма процитирована выше.]

На заседании рейхстага 1 сентября Гитлер сказал: «Кто не со мной, тот — предатель, и с ним будут обращаться как с предателем».

Я считаю это заявление не только угрозой, но и посягательством на права депутата рейхстага, которые принадлежат мне по нашей конституции.

Я не только имею право на выражение своего мнения, но обязан делать это, если убежден, что Германию подвергают великой опасности. Гитлер не имеет права угрожать мне, если я выражаю свое мнение.

Сейчас, как и прежде, я выступаю против войны. Поскольку война уже разразилась, Германия должна сделать все возможное, дабы закончить ее как можно скорее, ибо

чем дольше она длится, тем более суровыми для Германии будут условия мирного договора.

Польша не нарушала договора с Германией, договора, который сам Гитлер неоднократно называл гарантией мира. [Здесь следует вспомнить речь Гитлера от 26 сентября 1938 года.]

Для сохранения мира Германия должна соблюдать все параграфы своей конституции. Нарушение конституции в конце концов приводит к анархии. Клятва верности, данная каждым отдельным гражданином, действенна только в том случае, если и лидеры действуют в соответствии со своими обязательствами.

На заседании рейхстага 1 сентября отсутствовало сто депутатов. Места отсутствовавших заняли функционеры нацистской партии. Я считаю это грубым нарушением конституции и выражаю протест.

Я требую информировать немецкий народ о том, что я, как депутат рейхстага, голосую против войны. Если остальные депутаты действовали так же, общество должно быть об этом информировано.

31 августа, как раз перед тем, как я послал вышеупомянутую телеграмму фельдмаршалу Герингу, мне сообщили телеграммой, что в Дахау скоропостижно скончался некий господин фон Ремниц. Господин фон Ремниц — зять моей сестры, баронессы Берг, проживающей в Мюнхене. Он был интернирован сразу же после аншлюса, очевидно, из-за того, что принимал участие в деятельности легитимистов до аншлюса. Сразу же после его ареста я обращался к гаулейтеру Бюркелю в Вену, но не получил никакого ответа. Это характерно для нынешней Германии. Я требую информации о том, была ли смерть господина фон Ремница естественной или нет. В последнем случае я сохраняю за собой право предпринять дальнейшие меры».

Я собирался отправить меморандум курьером, чтобы быть уверенным в том, что он попадет в руки маршала Геринга. Такая возможность представилась лишь двадцать

дней спустя, когда один из моих служащих приехал ко мне в Ле-Пре по делу. Я закончил и доверил ему меморандум, попросив отвезти его в Берлин и вручить маршалу Герингу лично. Но служащий не осмелился выполнить мою просьбу. Он лишь согласился отвезти запечатанное письмо господину Тербовену, гаулейтеру Эссена, который и должен был переслать его маршалу Герингу.

На следующей неделе, 26 сентября, доктор Альберт Фёглер, вице-президент концерна «Объединенные сталелитейные заводы», председателем которого я являюсь, приехал ко мне в Цюрих. В Германии распространились новости о моем отъезде. Впервые об этом объявило французское радио примерно 12 сентября. Геббельс выступил с опровержением. «Что может быть естественнее, — заявил он репортерам, — чем пара недель отпуска для промышленника, напряженно работавшего несколько последних лет?» Долгое время официальный Берлин пытался скрыть факт моего отъезда и его причины.

Доктор Фёглер приехал ко мне за информацией, ибо ни один человек как в Дюссельдорфе, так и во всем промышленном регионе не знал, что и думать. Он также передал мне любопытное устное послание от Тербовена. Гаулейтер Эссена, получивший мое письмо, сказал, что не смог взять на себя смелость передать мой меморандум маршалу, поскольку счел его слишком грубым. В то же время он письменно заверил меня, что Геринг вовсе не получал моей телеграммы от 31 августа, а фюрер, называя предателями тех, кто не разделяет его мнения, и грозя им наказанием, вовсе не имел в виду меня.

Тербовен добавил, что маршал Геринг гарантирует мне отсутствие любых личных или экономических санкций, если я немедленно вернусь в Германию. Однако мне приказали привезти в Германию все рукописные копии вышеупомянутого меморандума от 20 сентября, чтобы уничтожить их вместе с оригиналом.

Таким образом, мне предложили возможность публично отречься от моих политических взглядов в обмен на личный иммунитет в Германии, такой, как я уже по-

лучил за границей благодаря статусу депутата рейхстага, а также дали понять, что я понесу материальные убытки, если не вернусь.

Это было странное послание. С одной стороны, Тербовен уверял меня, что Геринг не получал ни письма, ни телеграммы. С другой стороны, он передавал ответ маршала на меморандум, о котором тот якобы ничего не знал.

Фёглер приводил всевозможные аргументы личного характера. Наш разговор длился три часа. Я заговорил о смерти племянника в Дахау: «Вы должны понять, что после этого я вовсе не спешу возвращаться. Сначала пусть опубликуют мой меморандум и представят объяснения по поводу господина фон Ремница. Затем, если пожелают, я напишу второе письмо Герингу, где изложу свою точку зрения. Спросите, как в Берлине к этому отнесутся». Фёглер позвонил и сообщил, что им не нужно еще одно письмо от меня, но я все равно написал. Это письмо будет приведено далее.

Я было подумал предложить нацистским лидерам связаться с Францией и Англией с целью проведения мирных переговоров. Я мог бы стать посредником, поскольку был категорическим противником войны. Однако я отказался от этой идеи, опасаясь быть обманутым нацистами. Я сказал Фёглеру, что мое возвращение в Германию будет зависеть от того, опубликуют ли мой меморандум, а также попросил его сделать все возможное, чтобы узнать, как умер мой племянник.

Позже я узнал, что в конце сентября, после вручения меморандума Герингу, гестапо произвело обыск в моем доме в Мюльхайме. Естественно, там ничего не нашли (кроме, возможно, писем Геринга, где маршал уверял меня в своей вечной благодарности и дружбе). В Германии все знают, как опасно хранить слишком много документов. Тем временем, в один прекрасный день, в Цюрихе появился один очень возбужденный немец. «Гестапо намекает, что в вашем доме найдены документы, компрометирующие других промышленников!» — воскликнул он

при встрече. — Умоляю, скажите, правда ли это!» Я успокоил его, сказав, что это не может быть правдой и что, предвидя последствия, я предпринял всевозможные меры предосторожности. Бедняга явно испытал облегчение. Я не называю его имени, поскольку он вернулся в Германию.

Глава 2
ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ С ГИТЛЕРОМ

Фёглер уехал в Берлин и больше со мной не связывался, хотя обещал информировать меня о расследовании таинственной смерти моего племянника в печально известном лагере Дахау. Перед отъездом Фёглер умолял меня вернуться в Германию, а я ответил, что вернусь только в том случае, если немецкое правительство опубликует мой меморандум от 20 сентября, адресованный маршалу Герингу. Никакого ответа я не получил, но все ждал публикации меморандума в Германии.

Не только Фёглер оказывал на меня давление. После объявления войны меня в Швейцарии навестили несколько человек, даже не пытавшихся скрывать свое недовольство режимом. «Теперь, когда война объявлена, — говорили они, — все должны сплотиться вокруг Гитлера, ибо он олицетворяет Германию». На все подобные попытки заставить меня изменить решение я отвечал: «Нет. Этот человек приведет немецкий народ к катастрофе. Мое решение непоколебимо».

Нацистские лидеры ожидали, что я смалодушничаю, отрекусь от своих убеждений, еще будучи свободным человеком. Однако я отказался возвращаться в Германию. Я не пожелал отречься от своих политических убеждений. В конце концов, чего стоили слово Геринга и его «гарантия» моей безопасности? Геринг, всесильный Геринг, не смог защитить одного из глав собственного департамента от простого нацистского гаулейтера. Он отдал в руки гестапо и жаждущего мщения Гиммлера не-

мецкого пастора Мартина Нимёллера, оправданного судом. Геринг поступил так, решив, что не в силах далее защищать его, и несмотря на то, что его собственная сестра, фрау Ригль, была одной из последовательниц Нимёллера. Нимёллер, в прошлой войне командовавший подводной лодкой, был тайно заключен в концлагерь Ораниенбург и томился там несколько лет.

Я не собираюсь делать никаких признаний, противоречащих моей совести. Пока Гитлер и его люди находятся у власти, нога моя не ступит на землю Германии. Вот что я собирался сказать Герингу в ответ на его приглашение и сомнительные гарантии. Сразу же после отъезда Фёглера я написал следующее письмо — послание, которое, как я уже упоминал, власти не пожелали получить.

«*Цюрих, 1 октября 1939*

Глубокоуважаемый!

На мое письмо и приложение от 22 сентября 1939 года, отправленные с посыльным гаулейтеру Тербовену для последующей передачи, я получил от гаулейтера следующий ответ:

«От имени фельдмаршала Геринга заявляю, что он лично не получал ни письма, ни телеграммы, и также в его офисе не получали никакого подобного документа. Это достаточное доказательство того, что последняя фраза речи фюрера никоим образом не может относиться ни к одной конкретной персоне. Если автор письма немедленно вернется, маршал гарантирует, что не будет никаких личных либо экономических последствий».

Привожу свои замечания относительно этого заявления:

1. Представляется абсолютно невероятным, что моя срочная телеграмма из Бад-Гаштайна от 31 августа не была получена. Телеграмма, адресованная маршалу Герингу, никак не может затеряться в Германии. Более того, мое письмо не могло не добраться до пункта на-

значения, иначе гаулейтер не послал бы приведенный выше ответ.

2. Возможно, моя телеграмма не прибыла вовремя, несмотря на то что я послал ее сразу же после получения приглашения на заседание рейхстага. Допускаю даже, что моя телеграмма не повлияла на речь канцлера Гитлера. Обстоятельства тем не менее убедили меня в обратном, поскольку, как полагаю, лишь я один осмелился выразить несогласие.

3. Я никогда не просил у Вас защиты ни от личных, ни от экономических последствий моих действий. Не понимаю, как Вы пришли к подобным выводам.

4. Я действительно по просьбе генерала Людендорфа поддерживал партию с 1923 года и с тех же пор неизменно выполнял пожелания ваши, Гитлера, Гесса и других. Однако я никогда, подчеркиваю, никогда, не обсуждал свои экономические решения ни с Вами, ни с остальными. Лишь трижды — к сожалению, слишком мало — я упрекал Вас в следующем.

Во-первых, когда Вейцель, которого Вы ввели в государственный совет, распространил неприличный, скандальный памфлет против католической церкви, церкви, которой я привержен еще более, чем когда-либо. Все меры, принятые мною тогда, оказались тщетными.

Во-вторых, 9 ноября 1938 года, когда евреи были ограблены и подвергнуты мучениям крайне трусливо и крайне жестоко и главный мировой судья Дюссельдорфа, лично Вами назначенный, был изгнан и едва избежал насильственной смерти.

Мои возражения остались неуслышанными. И тогда я в знак протеста вышел из состава государственного совета и предложил прусскому министру финансов прекратить выплату моего жалованья. Это не произвело никакого впечатления. Выплаты продолжаются, но переводятся на специальный счет в Тиссен-банке и доступны.

И в-третьих, когда случилось худшее и Германия снова ввергнута в войну без каких-либо рассмотрений

вопроса в государственном совете либо в парламенте, я самым решительным образом заявляю Вам, что выступаю против этой политики и не откажусь от своего мнения невзирая на обвинения в предательстве. Это обвинение — с учетом того, что в 1923 году я, безоружный человек, не защищенный вооружением стоимостью в девяносто миллиардов марок, организовал пассивное сопротивление в районах, оккупированных врагом, и тем самым спас Рейн и Рур, — почти так же смехотворно, как тот факт, что национал-социализм неожиданно отказался от своих доктрин, чтобы завести дружбу с коммунизмом.

Даже с практической точки зрения эта политика равносильна самоубийству, ибо одна-единственная сторона, которой она принесла дивиденды, — это вчера еще смертельный враг нацизма, ныне превратившийся в друга, — Россия, страна о которой ближайший советник фюрера Кепплер, выступая на заседании совета директоров Рейхсбанка, всего несколько месяцев назад сказал: «Ее необходимо германизировать до самых Уральских гор».

На данном этапе я могу лишь обратиться к Вам и фюреру с настоятельной просьбой отказаться от политического курса, успешное проведение коего бросит Германию в объятия коммунизма, а провал будет означать гибель Германии. Постарайтесь найти способ предотвращения катастрофы.

В любом случае Германия должна восстановить конституционные нормы, дабы вернуть смысл договорам и соглашениям, закону и порядку.

В заключение я хочу выразить сожаление, что вместо откровенного разговора с Вами мне приходится писать из-за границы. Однако вы понимаете, что в моем случае было бы чрезвычайно глупо действовать иначе, учитывая судьбу политических противников, допустим, с 1934 года. Тот факт, что эти методы не изменились, подтверждает дело Ремница, который, как указано в моем письме от 22 сентября, умер в Дахау, и никто не

позаботился сообщить о причине его смерти. Однако я не ожидал, что герр фон Риббентроп, не колеблясь, конфискует собственность покойного.

С уважением

(подпись) *ФРИЦ ТИССЕН*,
депутат рейхстага».

Один из моих знакомых отправил это письмо с почты в Гейдельберге, зарегистрировав его на мое имя.

Это был окончательный разрыв. С того момента, как я честно информировал Геринга, я становился политическим противником национал-социалистов, которым помогал захватить власть. Я собирался остаться за границей, чтобы сохранить право на выражение собственного мнения и свободу действий.

Геринг до сих пор не признал получение моего письма. Но на этот раз у меня были причины подозревать, что он его получил, ибо 13 октября 1939 года гестапо наложило арест на всю мою собственность в Германии. Наверняка это был ответ на мое письмо. Мистер Рейнгардт, управляющий Коммерческим и Частным банком, глава Ассоциации германских частных банков, разослал всем немецким банкам секретный циркуляр, текст которого мне передали. Циркуляр гласил:

«На основании письма от 13 октября, присланного мне из управления тайной государственной полиции, находящегося в Берлине, я обращаю внимание всех членов нашей Ассоциации на следующее распоряжение, отданное государственной полицией Дюссельдорфа.

Во исполнение приказа маршала Геринга комиссару национальной обороны четвертого военного округа, гаулейтеру и старшему президенту Тербовену все состояние объявленного государственным преступником доктора Фрица Тиссена, Мюльхайм-Рур, Шпельдорф, переводится под контроль государства в соответствии с параграфом I декрета от 28 февраля 1933 года и параграфом I закона о тайной полиции. Единственный, кто уполномочен рас-

поряжаться этими средствами, — доверенное лицо маршала Геринга, а именно комиссар национальной обороны, гаулейтер, старший президент Тербовен.

Поскольку не представляется возможным точно оценить состояние герра Тиссена и его жены, приказываю вам разослать всем банкам конфиденциальный циркуляр с требованием в течение пяти дней после получения этого распоряжения сообщить обо всех счетах, депозитах и банковских депозитных ячейках на имя Фрица Тиссена и его жены, урожденной Амалии цур Хелле, родившейся 9 декабря 1877 года в Мюльхайм-Руре. Это сообщение отправить в штаб-квартиру полиции в Дюссельдорф на имя старшего советника доктора Хассельбахера или его заместителя.

Хайль Гитлер!

Руководитель экономической ассоциации

Германских частных банков

(подпись) *Рейнгардт*».

Гаулейтер Тербовен назначил доверенным нацистского банкира Курта фон Шредера из кельнского банка Штейна. Шредер назначение принял.

Не вполне ясна юридическая фразеология текста этого приказа о наложении ареста на имущество. Можно опротестовать эту меру в отношении собственности моей жены, которая не совершала никаких преступлений lese majeste[1] против режима. Этот приказ практически базируется на законе, предоставляющем гестапо неограниченную власть. Ни один суд в Германии не имеет права оспаривать меры, принимаемые зловещим гестапо, даже когда оно посягает на свободу личности.

На самом деле этот арест имущества, обычно предварявший конфискацию, проводился в целях оказания на меня давления. Нацистские власти предпочитали вы-

---

[1] Покушение на высшую власть (*фр.*).

ждать, прежде чем принимать окончательное решение. А вдруг бы я оказался сговорчивым. Но я не дрогнул.

Два месяца спустя, 14 декабря 1939 года, официальная немецкая газета Reichsanzeiger объявила о том, что государство Пруссия конфисковало мое состояние на основании закона от 26 мая 1933 года о конфискации собственности коммунистической партии! Потрясающее бесстыдство.

Газетная публикация, подписанная в Дюссельдорфе главой правительства провинции, не опиралась на законный приговор суда. Пресса получила официальное распоряжение не упоминать об этом. Иностранные журналисты в Берлине, интересовавшиеся моим делом, также не обратили на это внимания.

Во всей этой истории поражала одна деталь. Конфискация осуществлялась государством Пруссия, а не правительством рейха. Однако, в сущности, собственность состояла главным образом из акций крупных промышленных предприятий, сталелитейных заводов, имевших огромное значение для национальной обороны. В обычных обстоятельствах при конфискации они должны были перейти рейху, но в этом случае никто не принял бы в расчет Геринга. Геринг же был не только президентом рейхстага, но и премьер-министром государства Пруссия! Геринг часто бывал у меня в гостях в Шпельдорф-Мюльхайме[1] и всегда восхищался маленькой, но весьма ценной коллекцией картин и гравюр; некоторые из них я дарил жене начиная с нашей свадьбы в течение сорока лет. Геринг — словно дитя; хочет иметь все, что видит. Конфискуя мою собственность от имени прусского государства, он мог не сомневаться в том, что эти картины, гравюры XVIII века и другие предметы искусства от него не ускользнут. Ибо Геринг — фактиче-

---

[1] При обыске моей резиденции гестапо, должно быть, обнаружило многочисленные письма Геринга ко мне с уверениями в его вечной благодарности и дружбе. Я не сомневаюсь в том, что Генрих Гиммлер, как глава гестапо, аккуратно сложил эти письма в досье под именем Геринг, которое тщательно хранит по сей день. (*Примеч. авт.*)

ский властелин Пруссии. Он не раз это демонстрировал. И сейчас ему было недостаточно просто снять картины со стен моего дома в Мюльхайме и унести их. Он совершил набег на дом моего зятя в Штраубинге в Баварии, где завладел картинами, принадлежавшими моей дочери и ее мужу. И это при том, что мой зять — венгерский подданный.

Эти незначительные детали могут показаться несколько смешными. Тем не менее они очень важны с экономической точки зрения, ибо моя доля в крупнейшем германском металлургическом концерне «Объединенные сталелитейные заводы» не перешла к рейху, а была захвачена Пруссией. Очевидно, у Геринга были определенные мысли на этот счет. Действительно, владение большим количеством акций сталелитейных заводов могло спасти концерн «Рейхсверке Герман Геринг» от банкротства. В дальнейшем я подробнее расскажу об этом металлургическом предприятии.

Вышеупомянутая заметка была напечатана в официальной Gazette 14 декабря. Мне сообщили о ней чуть ли не под Рождество, и я немедленно решил написать напрямую Гитлеру, как главе немецкого государства, и выразить протест против этого совершенно незаконного акта, объяснить ему лично причины моего поведения, а также сформулировать мои мысли относительно его политики. Привожу текст своего письма:

«*Люцерн, 28 декабря 1939*

Сэр!

Я только что прочитал в официальной Gazette, № 293, 14 декабря 1939, следующую заметку:

«Во исполнение закона от 26 мая 1933 года относительно конфискации коммунистической собственности (sic) (Reich Statutes Bulletin, № 1, с. 293) и в соответствии с параграфом I декрета от 31 мая 1933 года (закон № 39) и законом от 14 июля 1933 года, касающимися конфискации собственности врагов народа и государства (Reich Statutes Bulletin № I, с. 479), все движимое имущество

доктора Фрица Тиссена, бывшего жителя Мюльхайм-Рура, ныне проживающего за границей, вместе с его недвижимостью конфискуется государством Пруссия. После опубликования этого указа в немецкой официальной Gazette и прусской государственной Gazette вышеупомянутое имущество переходит в собственность государства Пруссия. Этот указ обжалованию в судебном порядке не подлежит.

Дюссельдорф, 11 декабря 1939.

Окружной управляющий
Редер».

Не указаны причины принятия этой меры. Отмечаю, что против меня не было проведено ни юридического, ни административного расследования. До сего дня я не получал никаких посланий от немецкого правительства, кроме привезенного мне доктором А. Фёглером от имени гаулейтера Эссена, в котором меня просили отозвать меморандум, представленный мной, как депутатом рейхстага, и уничтожить копии. Если это будет выполнено, то не последует никаких личных и экономических санкций. Известно, что я отверг это мирное предложение, так как мои политические взгляды, как депутата рейхстага, не являются предметом купли-продажи. Более того, меня никогда не просили отчитаться ни за мои личные или политические пристрастия, ни за что-либо еще. На самом деле ваш министр пропаганды выступал против каких-либо действий против меня. Таким образом, конфискация моей собственности, о чем объявлено в официальной Gazette, тем более направленная против привилегированного депутата рейхстага, является неприкрытым и грубым нарушением закона, противоправным и неконституционным действием. Я категорически протестую против этой меры и заявляю, что правительство рейха, и в особенности все те, кто принимал и до сих пор принимает участие в этой конфискации, главным образом назначенный доверенный барон фон Шредер из Кельна, несут личную ответственность. Придет час, когда я встану на

защиту своих прав. В особенности предупреждаю Вас не трогать имущество моей жены, моих детей, графа и графини Зичи, а также наследство моего отца, Августа Тиссена, одного из основателей германской тяжелой промышленности.

Совесть моя чиста. Я знаю, что не совершал никакого преступления. Моя единственная ошибка в том, что я верил в Вас, наш лидер Адольф Гитлер, и в созданное Вами движение, верил со страстью человека, пылко любящего мою родную Германию. С 1923 года я много жертвовал на национал-социалистическую партию, боролся словом и делом, не прося для себя наград, просто вдохновленный надеждой на возрождение несчастного немецкого народа. События, последовавшие сразу же за приходом национал-социалистов к власти, казалось, оправдывали эту надежду, по меньшей мере, пока герр фон Папен был вице-канцлером, герр фон Папен, который предложил Гинденбургу назначить Вас канцлером. Перед ним в гарнизонной церкви Потсдама Вы торжественно поклялись уважать конституцию. Не забывайте, что своим восхождением к власти Вы обязаны не великому революционному подъему, а либеральному порядку, который Вы поклялись поддерживать.

Затем развитие событий приняло зловещий характер. Преследование христианской религии, вылившееся в жестокое преследование священников и осквернение церквей, вызвало мои возражения еще в первые дни, например, когда полицей-президент Дюссельдорфа подал протест маршалу Герингу. Это не принесло никаких результатов.

Когда 9 ноября 1938 года по всей Германии евреев ограбили и подвергли мучениям крайне трусливо и крайне жестоко, а их храмы сровняли с землей, я также протестовал. Подкрепляя свой протест, я подал в отставку с поста государственного советника. И это оказалось безрезультатным.

Теперь Вы нашли компромисс с коммунизмом. Ваш министр пропаганды даже осмеливается заявлять, что

честные немцы, голосовавшие за Вас, как за противника коммунизма, по сути идентичны кровавым революционерам, ввергнувшим Россию в пучину страданий, и которых Вы сами заклеймили (Майн кампф, с. 750) «жестокими, запятнанными кровью преступниками».

Когда страшная катастрофа стала свершившимся фактом и Германия снова вовлечена в войну без согласия парламента или консультаций с ним, я категорически заявляю, что решительно возражал против этой политики.

Мой долг, как депутата рейхстага, выражать свое мнение и отстаивать его. Когда людям, особенно народным избранникам, которые в глазах всего мира несут ответственность за свою страну, не позволяют выражать свое мнение — это преступление против немецкого народа. Я не могу покориться этому игу. Я отказываюсь покрывать своим именем Ваши деяния, несмотря на Ваше заявление на заседании рейхстага 1 сентября 1939 года: «Кто не со мной, тот — предатель, и с ним будут обращаться как с предателем».

Я осуждаю политику последних нескольких лет; более всего я осуждаю войну, в которую Вы легкомысленно втянули немецкий народ и за которую Вы и Ваши советники должны нести полную ответственность. Мое прошлое ограждает меня от обвинения в предательстве. В 1923 году я, безоружный человек, организовал пассивное сопротивление на оккупированных территориях, подвергая себя колоссальной опасности, и тем самым спас Рейн и Рур. Я предстал перед вражеским военным трибуналом и бесстрашно провозгласил свое мнение, как немец. Но именно это убеждение не позволяет мне отказаться от истинных идей и первоначальной доктрины национал-социализма, которые, как Вы сами объясняли в моем доме, по существу, тождественны принципам германской монархии и должны привести к умиротворению общества и стабильному порядку. Я позволю себе напомнить, что Вы поручили мне продолжить Institut für Standewesen в Дюссельдорфе в этом смысле. Правда, год спустя Вы предоставили меня са-

мому себе; Вы одобрили интернирование в дурной славы концлагерь Дахау директора института, назначенного мной по согласованию с герром Гессом. В Дахау, мой канцлер, где внезапная смерть постигла моего племянника. Его замок Фушль близ Зальцбурга бросили, как подачку, герру фон Риббентропу, и он бесстыдно принимал там министра иностранных дел Италии и посланца Муссолини.

Далее напоминаю Вам, что Геринга точно не посылали в Рим навестить папу римского и в Дорн на встречу с бывшим кайзером, дабы подготовить их к надвигающемуся альянсу с коммунизмом. И все же Вы неожиданно заключили альянс с Россией, поступок, который Вы категоричнее всех отвергали в Вашей книге «Майн кампф» (раннее издание, с. 740—750). Там Вы говорите: «Сам факт любого соглашения с Россией содержит предпосылки следующей войны. Конец этой войны будет означать конец Германии». И еще: «Нынешние лидеры России вовсе не собираются ни заключать честное соглашение, ни выполнять его условия». Или: «Можно сделать вывод, что невозможен договор с партнером, чей единственный интерес заключается в уничтожении своего партнера».

Ваша новая политика является самоубийством. Кто извлечет из нее выгоду? Если не отважные финны со своей верой в Бога, то уж точно бывший смертельный враг нацистов и их нынешний «друг», большевистская Россия. Та самая Россия, которую Ваш ближайший советник, герр Кепплер, статс-секретарь министерства иностранных дел и ловкий дипломат, в мае 1939 года на заседании рейхстага призвал германизировать до Уральских гор. Я искренне надеюсь, что эти откровенные слова Вашего доверенного советника не ослабят эффект поздравительной телеграммы, которую Вы послали своему другу Сталину на его день рождения.

Ваш новый политический курс, герр Гитлер, состоит в подталкивании Германии к пропасти, а немецкий народ — к уничтожению. Дайте задний ход, пока еще не поздно! В конечном счете Ваша политика означает Finis

Germaniae (гибель Германии). Вспомните Вашу клятву в Потсдаме. Дайте рейху свободный парламент, дайте немецкому народу свободу совести, мысли и слова. Обеспечьте необходимые гарантии восстановления закона и порядка, дабы возродить доверие к договорам и соглашениям. Ибо если покончить со злом и дальнейшим бесплодным кровопролитием, еще возможно добиться для Германии достойного мира и сохранения единства.

Международное сообщество ждет от меня объяснений, почему я покинул Германию. До сих пор я хранил молчание. Все документы и письменные свидетельства моего пятнадцатилетнего конфликта еще не опубликованы. В то время, когда мое отечество ведет жестокий бой, я не хочу отдавать в руки его врагов мощное моральное оружие. Я — немец и остаюсь немцем до мозга костей. Я горжусь своей национальностью и буду ею гордиться до последнего вздоха. Именно потому, что я — немец, я не могу и не хочу говорить, пока страдает мой народ, и буду молчать до того дня, пока интересы истины не потребуют обратного. Однако я чувствую в себе сдавленный голос немецкого народа, взывающий: «Вернись и восстанови свободу, закон и человечность в немецком рейхе».

Я буду молча ждать Ваших действий. Но я основываюсь на предположении о том, что это письмо не станут скрывать от немецкого народа. Я подожду. Если мои слова, слова свободного и искреннего немца, утаят от народа, я намереваюсь воззвать к совести и мнению остального мира. Я жду.

Да здравствует Германия!

(Подпись) *ФРИЦ ТИССЕН*

P.S. Я отдаю это письмо в немецкое посольство в Берне для дальнейшей передачи; я послал заверенную копию в канцелярию в Берлине и на Ваш личный адрес в Оберзальцберг в Берхтесгадене. Я вынужден принять эти меры, поскольку мне официально сообщили, что мои письма и телеграммы фельдмаршалу Герингу не были получены.

Копии также посланы фельдмаршалу Герингу и председателю правительства Редеру, который отдал приказ о конфискации моего имущества. Копия первого параграфа этого письма также отослана барону Курту фон Шредеру в Кельн, предположительно нынешнему управляющему моей собственностью».

Это письмо Гитлеру означало не просто разрыв. Оно означало, что я более не ограничиваюсь теоретической оппозицией нацистским лидерам. Я намеревался объявить им войну. Надеюсь, что моя позиция не будет неправильно истолкована. Как депутат рейхстага, я имею право — и мой долг обязывает меня — выступить с протестом против войны, если я убежден в том, что объявление войны — зло и ошибка. Однако я подчинился бы имеющему законную силу решению, поскольку такое решение было принято. Я признал бы, что во время войны долг любого гражданина поддерживать правительство, выражающее волю народа. Я также избежал бы разрыва или активных оппозиционных действий, если бы правительство опубликовало мой меморандум Герингу, о чем я просил через Фёглера. Но я так и не получил ответа на свою просьбу. Берлин продолжал скрывать тот факт, что агрессивная политика национал-социалистического правительства привела к официальной оппозиции по меньшей мере одного немецкого патриота.

Я долго молчал и решил действовать. Уже некоторое время международная общественность интересуется причинами моего выезда из Германии. Меня постоянно спрашивают, почему я порвал с национал-социализмом. Пока я пользовался правами беженца на швейцарской территории, я молчал. Федеральные власти Швейцарии пожаловали мне разрешение оставаться в их стране до 31 мая 1940 года. Однако это разрешение на проживание в Швейцарии обязывает меня воздерживаться от любого рода политической деятельности.

Через некоторое время после отправки своего письма Гитлеру я узнал, что правительство рейха выдало ордер

на мой арест по обвинению в растрате или в чем-то подобном. Это была неуклюжая попытка добиться моей экстрадиции немецким властям. Швейцарское правительство, информированное о причинах моего отъезда, отказалось даже рассматривать эту просьбу. Я пользуюсь данной возможностью еще раз выразить швейцарскому правительству свое восхищение и благодарность.

Не сумев добраться до меня, правительство рейха решило, в качестве последнего средства, лишить меня германского гражданства. 4 февраля 1940 года официальная немецкая Gazette опубликовала распоряжение министра внутренних дел о лишении меня и моей жены германского гражданства. Таким образом, меня сначала преследовали, как уголовного преступника, а когда эти попытки закончились провалом, правительство сочло приемлемым объявить, что я больше не гражданин Германии. Подобная непоследовательность является таким же признаком замешательства нацистов, как и молчание, которым окутано все это дело в Германии.

Я заявляю, что не давал никакого повода к этому последнему акту, как, собственно, и к остальным. Я всего лишь осуществил свои права депутата рейхстага. В своих действиях я руководствовался — и сейчас руководствуюсь — парламентским мандатом, коим я обязан немецкому народу, и только ему. Что касается лишения германского гражданства моей жены, никогда не занимавшейся никакой политической деятельностью против режима, могу объяснить это лишь корыстными мотивами, на которые уже ссылался.

Узнав о мерах, принятых против меня министром внутренних дел, я отправил ему следующее письмо протеста:

«Локарно, 16 февраля 1940 г.

Сэр!

Я узнал из газет о том, что Вы официально объявили о лишении меня и моей жены всех прав гражданина Германии.

Настоящим выражаю протест в должной форме. Выступая против нынешней политики правительства рейха, я выполнил свой долг, как депутат рейхстага. Я покинул Германию, поскольку чувствовал, что депутатский иммунитет, прописанный в конституции, более не гарантируется. Ни конфискация моего имущества, ни ордер на арест, ни потеря гражданства не помешают мне выполнять мой долг депутата рейхстага, поскольку я чувствую свою ответственность перед немецким народом.

(Подпись) *ФРИЦ ТИССЕН*,
депутат рейхстага».

Несколько месяцев минуло с момента моего первого протеста и просьбы к лидерам Германии его обнародовать. Теперь я обвиняю канцлера Германии в предательстве и нарушении его торжественной клятвы; я призываю его восстановить конституцию, закон и справедливость в Германии; и я обращаюсь к международной общественности, предъявляя ей документы по этому делу.

Глава 3
КОНЕЦ ОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОШИБКИ

Когда после 1871 года империю Наполеона III сменила Третья республика, французы повсеместно приговаривали: «Мы восхищались республикой, существовавшей у нас в эпоху империи». Сколько национал-социалистов в Германии и Австрии могли бы в наши дни позволить себе аналогичные грустные высказывания! Ибо «национал-социализм» при Брюнинге и Шушниге действительно вызывал восторг.

На самом деле и я несколько лет испытывал такое же чувство. Однако мой разрыв с режимом не является результатом разочарования. Ситуацию обострила развязанная Гитлером война. По расхожему мнению, промышленник, особенно представитель сталелитейной промышленности, всегда приветствует войну, принося-

щую бесчисленные выгоды именно его отрасли. Моя личная позиция может послужить ответом на обвинения подобного рода.

Сегодня я порываю с традициями и определенной линией поведения, характерной для всех времен, особенно после поражения 1918 года. Такое поведение диктовалось страстным желанием способствовать величию и процветанию империи, в которой я родился через два года после ее основания и ради которой трудился всю свою жизнь.

Я не политик, я промышленник, а промышленник всегда склонен считать политику неким дополнительным средством — подготовкой к своей основной деятельности. В упорядоченной стране, где власть разумна, налоги умеренны, а полиция хорошо организована, промышленник может отстраниться от политики и целиком посвятить себя бизнесу. Но в пораженном кризисом государстве, каковым была Германия с 1918 по 1933 год, любой предприниматель волей-неволей втягивается в политический водоворот. После 1930 года надежды немецкой промышленности можно было сформулировать одной фразой: «Здоровая экономика в сильном государстве». Насколько я помню, таким был девиз встречи рурских промышленников в 1931 году, состоявшейся в разгар экономического и общественного кризиса. Той зимой насчитывалось шесть или семь миллионов безработных, то есть около трети всего работоспособного населения Германии. Веймарскую республику раздирали партийные и прочие разногласия, и государственный корабль мог затонуть в любой момент. Правительство не справлялось ни с осуществлением своих властных полномочий, ни хотя бы с поддержанием общественного порядка. Даже полиция не в силах была совладать с ежедневными мятежами и политическими уличными беспорядками.

И я одобрял этот девиз. Для преодоления кризиса было необходимо укрепить государственную власть. Немецкий народ ясно продемонстрировал, что не годится для республики. Вот почему я оказывал предпочтение восстановлению монархии. Однако я также верил, что,

поддерживая Гитлера и его партию, смогу внести свой вклад в восстановление дееспособного правительства и создание условий, в которых все сферы деятельности — и особенно бизнес — смогут снова нормально функционировать.

Однако бессмысленно горевать о непоправимом. Сильное государство, о котором я тогда мечтал, не имело ничего общего с тоталитарным государством — или, скорее, с карикатурой на государство, созданной Гитлером и его приспешниками. И на мгновение я не мог вообразить, что через сто пятьдесят лет после Великой французской революции и провозглашения Декларации прав человека в великой современной стране закон заменят произволом, подавят самые элементарные гражданские права и в самом сердце Европы воцарятся азиатская тирания и отжившие устремления к завоеваниям и мировому господству.

Как католик, родившийся на берегах величественного Рейна, где влияние западной культуры и римского закона всегда было сильнее, чем в других частях Германии, где очень рано привилось христианство и где Великая французская революция оставила неизгладимый след, я не мог поверить, что в наше время возможно уничтожить все нормальные условия человеческой и политической жизни. В 1930 году я удивился бы, если бы кто-нибудь назвал меня либералом, но, скорее всего, таковыми были мои истинные убеждения, хотя я тогда этого не сознавал. Я желал восстановить порядок в государстве, восстановить полную гармонию власти и дисциплины с достоинством каждого отдельного человека и уважением к фундаментальным свободам. Гарантия этих свобод казалась мне такой же естественной, как дыхание.

Бурный промышленный рост, начавшийся в 1870 году, одним из зачинателей которого был мой отец, привел к тому, что после 1918 года Германия стала державой со слишком мощной индустрией. Вся структура страны претерпела глубокие изменения. Проблемы, созданные существованием промышленности, которой приходится

кормить две трети населения, не всегда вполне осознаются в таких странах, как Франция или Соединенные Штаты Америки. До войны 1914 года монархия Пруссии и Германская империя, самодержавные в политической и административной сферах, в общественной и экономической сферах были абсолютно либеральны. Несмотря на определенные ошибки, политический аппарат имперского государства, и в частности, его очень квалифицированные государственные служащие почти всегда соответствовали возложенным на них задачам.

Самые основы этой системы были разрушены национальным поражением и революцией 1918 года. Германия, изнуренная войной, деморализованная поражением, изголодавшаяся в результате блокады, из последних сил обеспечивала существование своего населения. Вместо того чтобы напрячь все силы ради возрождения, она поддалась анархии и радикализму, которые определенно препятствовали любым попыткам истинного возрождения.

Внутренний кризис усугубился давлением со стороны победителей. Он проявился не только в политической сфере, но и в бизнесе, обремененном внушительным залогом, а именно военными репарациями. Политические круги, управлявшие страной почти целое столетие, и компетентные, заслуживающие доверия чиновники, возглавлявшие надежный и корректный государственный аппарат, почти полностью исчезли в послевоенном хаосе.

Стоя вместе с отцом во главе огромного промышленного предприятия, я столкнулся с грозной проблемой занятости трудоспособного населения и обеспечения его средствами к существованию. Речь шла уже не только о технической и экономической организации. Германия должна была вернуть доверие и уважение к себе, возродить экспорт, восстановить порядок внутри страны.

Чтобы справиться с давлением наших недавних врагов, я организовал пассивное немецкое сопротивление во время оккупации Рура в 1923 году. Ради победы над

политическим радикализмом и анархическими тенденциями, распространенными в первые годы Веймарской республики, я поддержал различные полувоенные патриотические формирования, среди них национал-социалистическую партию. Позднее, после первых кризисов, когда события, казалось, стали развиваться более нормально, я обратил свое внимание на бизнес. Моя последующая политическая деятельность ограничивалась членством в оппозиционной парламентской фракции, Немецкой национальной народной партии, возглавляемой графом Вестарпом, а затем Альфредом Гугенбергом. Немецкие националисты были консерваторами и монархистами.

Модификация системы репараций в 1929 году, завершившаяся в следующем году принятием в Германии плана Янга, показалась мне роковой экономической ошибкой, и в тот момент я перешел в более активную оппозицию. Я присоединился к тем группам, которые предлагали сопротивляться политике противоестественной уступчивости, проводимой рейхом. Я считал это адекватной реакцией на сложившуюся ситуацию и полагал, что таким образом расчищаю путь к созданию более разумных экономических условий сначала в Германии, а затем и во всем мире. Я не участвовал в ежедневных политических спорах, но, как представитель правого крыла, полагал, что Гитлер — активная движущая сила в возрождении Германии, и именно поэтому оказывал ему все возраставшую поддержку.

В январе 1933 года национал-социалистическая партия, в которой я на тот момент состоял уже два года, пришла к власти. Я, как и все, думал, что ей удастся восстановить политическое равновесие и способствовать возрождению страны. Я даже надеялся, что это приведет к восстановлению монархии, системы, отвечающей уважению, которое немецкий народ традиционно испытывает к власти. Монархия, по моему мнению, гарантировала бы более-менее нормальную эволюцию и предотвратила бы революционный кризис.

Разочарование настигло меня почти в самом начале нацистского правления. Гитлер изгнал из правительства консерваторов, лидером коих являлся, что послужило поводом для моей тревоги. Однако меня сдерживало впечатление от поджога Рейхстага. Теперь я знаю, что это преступление было срежиссировано самими национал-социалистами с целью достижения большей власти. По всей Германии они сеяли страх перед вооруженным коммунистическим восстанием. Они внушали, что этот поджог, организованный ими самими, был сигналом для второй красной революции, которая ввергла бы страну в кровавую пучину гражданской войны. Тогда я верил, что благодаря своей энергии Гитлер и Геринг спасли страну. Сейчас я знаю, что, как и миллионы других, был обманут. Однако почти все немцы, населяющие рейх, до сих пор находятся во власти этого обмана. Мне пришлось бежать за границу, чтобы узнать правду.

Поджог Рейхстага, организованный Гитлером и Герингом, был первым шагом в колоссальном политическом надувательстве. Опираясь на это якобы коммунистическое преступление, лидеры нацистской партии заставили президента Гинденбурга подписать так называемый «Закон о подозреваемых», разрешающий упрощенное приведение в исполнение приговора к смертной казни. Благодаря этому закону нацисты заставили замолчать всех своих политических оппонентов.

Тот же закон, «в целях защиты народа и государства», гестапо использовало как предлог для незаконной конфискации моей собственности. Этот так называемый закон противоречил всем основным конституционным гарантиям личной свободы, свободы совести и убеждений, временно отмененным до сих пор. Эта чрезвычайная мера стала обычным орудием правительства.

Месяц спустя дрожащий от страха рейхстаг, сто депутатов которого были арестованы и заключены в тюрьмы, проголосовал за этот закон, передающий все полномочия правительству и лежащий в основе правительственного самоуправства с 1933 года. Так начался ряд револю-

ционных актов, теоретически облеченных в законную форму, а на деле базирующихся на преступлении и лжи. Общественное мнение других стран никогда не протестовало против этих актов.

Сейчас я больше не сомневаюсь. Я утверждаю, что все «законы», все указы, изданные национал-социалистическим правительством, незаконны. С юридической точки зрения они не имеют законной силы, поскольку базируются на преступлении и злоупотреблении доверием.

Гитлер пришел к власти, прибегнув к политическим интригам. Своим существованием национал-социалистическое правительство не обязано какому-либо революционному событию, сравнимому с походом Муссолини на Рим. Гитлер торжественно поклялся фельдмаршалу фон Гинденбургу уважать конституцию, гарантирующую права человека и политическую свободу в Германии. Поджог Рейхстага — клятвопреступление, с помощью которого он узурпировал власть.

Сегодня я в этом убежден, но шесть лет назад я был обманут. Геринг, офицер прежней имперской армии, награжденный орденом «За заслуги», 1 марта, указывая мне на дымящиеся руины Рейхстага, сказал: «Это преступление совершили коммунисты; вчера я чуть не арестовал одного из преступников». Двумя месяцами ранее он позвонил мне домой, чтобы предупредить о том, что в Руре вот-вот разразится восстание, а я возглавляю список намеченных заложников. Об этом, мол, ему сообщили его шпионы в коммунистической партии. Как я мог сомневаться в его словах?

Поэтому я начал открыто сотрудничать с режимом. Вульгарный антисемитизм раннего периода не повлек непосредственных практических последствий, и я счел его не очень опасной уступкой общественному мнению. На моей родине, в рейнских провинциях, где население не настроено против евреев, такая глупость вызывала иронический смех над нацистами. Я был поглощен задачей, порученной мне главой правительства, а именно подготовкой плана перевода экономики Германии на «корпо-

ративные» рельсы. В этом я видел свою политическую или государственную задачу.

Роковой день 30 июня 1934 года, когда Гитлер приказал жестоко убить своих революционных соратников, ужаснул меня и вызвал отвращение. В этой бойне было нечто абсолютно не присущее немцам. Это было настоящее варварство. Несколько месяцев спустя я на несколько месяцев отправился по делам в Южную Америку. По возвращении я обнаружил, что режим прочно утвердился и начал вводить в действие план строительства и перевооружения, который привел к отставке доктора Ялмара Шахта с постов министра экономики Германии и президента Рейхсбанка. С того момента я вступил в открытый конфликт с национал-социалистами.

Первый инцидент имел место в 1935 году. В Дюссельдорфе уже был распространен позорный антикатолический трактат. В нем повторялись самые смехотворные небылицы из устаревшего списка противников церкви, критиковались христианские догмы и мораль, папа римский, священники и религиозные ритуалы. Одну из брошюрок, распространяемых в Дюссельдорфе, принесли мне. К моему величайшему изумлению, она была подписана Вейцелем, полицей-президентом Дюссельдорфа. Он поставил свою подпись без упоминания своей должности, но этот трактат никак не мог распространяться без его попустительства и помощи.

Национал-социалистическое правительство ранее подписало с католической церковью конкордат, по которому последняя защищалась от подобных нападок, особенно со стороны официальных персон. В государстве, где законы действительно соблюдаются, автору столь скандального документа предъявили бы обвинение и подвергли бы судебному преследованию. Однако в национал-социалистической Германии это было немыслимо, ибо ни один судья не осмелился бы применить закон. Как государственный советник, я написал Герингу, привлекая его внимание к тому, что считал нетерпимым примером нарушения порядка. Геринг не ответил, но некоторое

время спустя сказал мне, что приказал провести расследование. На этом все и закончилось.

Преследование католиков было лишь началом. С того времени нарушение порядка, беззаконие и произвол были главным оружием в арсенале национал-социалистов.

В сентябре 1935 года меня вызвали в Нюрнберг на внеочередное заседание рейхстага. Перед заседанием я узнал, что рейхстаг, по просьбе Гитлера и по соглашению с главнокомандующим армией генералом фон Бломбергом, должен будет проголосовать за закон, по которому прежний черно-бело-красный флаг империи заменялся свастикой национал-социализма. Я немедленно покинул Нюрнберг поездом, не став дожидаться заседания. С тех пор я не голосовал за позорные законы, принимаемые в Нюрнберге, которые возвели антисемитизм в ранг государственной политики, и даже в самых торжественных случаях, таких как свадьба моей дочери, которую посетил архиепископ Кельна (я пригласил Геринга, но он не приехал), даже тогда, когда нам приказывали вывешивать флаги, я ни разу не поднимал свастику над своим жилищем в Шпельдорфе.

Несколько позже моя жена при встрече с генералом фон Бломбергом выразила свое удивление: «Как вы могли согласиться на такое?» — «Печальная история, — ответил Бломберг, — армии пришлось пойти на уступку фюреру». Нацисты действительно вырвали у армии согласие, заявив, что ради перевооружения можно пойти на компромисс с флагом. Они ловко использовали тот факт, что во многих районах, и особенно в рейнских провинциях, население, чтобы выразить несогласие с режимом, редко вывешивало флаг со свастикой, но неизменно поднимало старый черно-бело-красный флаг. Нацисты интерпретировали это как политическую агитацию против их партии.

Четыре года я был грустным и бессильным свидетелем непоследовательности, поверхностности и коррупционности национал-социалистических лидеров. Только еще

раз я выступил с официальным письменным протестом, и случилось это во время антисемитских актов насилия в ноябре 1938 года. Но ни Гитлер, ни Геринг не могли не знать о моем отношении к их политическому курсу. Я выражал свои чувства публично на государственном совете и посещаемых мною экономических собраниях. Однако какая польза в оппозиции к диктаторскому режиму? Даже один генерал, которому я сказал, что «так больше не может продолжаться», пожал плечами и ответил: «А что я могу сделать?» Промышленник еще бессильнее генерала. Его можно арестовать по любому обвинению.

Важные события 1938 года сделали меня скептиком. На следующий год, вопреки торжественным обещаниям, данным правительствам трех великих держав, была оккупирована Чехословакия. Я счел эту оккупацию преступной и позорной и в то же время видел в ней опасную политическую ошибку. Затем была спровоцирована Польша. В течение пяти лет Гитлер неизменно провозглашал дружбу между Германией и Польшей. По моему мнению, его изменение отношения к полякам объясняется тем, что польское правительство отказалось присоединиться к нему в великом планируемом наступлении на восток — в операции, которая должна была подчинить Германии всю Европейскую Россию до Уральских гор. На самом деле этот план был раскрыт экономистом и уполномоченным доверенным лицом фюрера Вильгельмом Кепплером на заседании совета директоров Рейхсбанка, где я присутствовал, как раз перед конфликтом с Польшей.

Когда 23 августа 1939 года мне сообщили о заключении пакта между Сталиным и Гитлером, я уже был в Гаштайне. Я внимательно изучил изменение международной ситуации. Я все еще рассчитывал на успех национал-социалистического движения в дипломатической игре. Дальнейшее развитие событий дало мне пищу для тревоги, и все же я и вообразить не мог, что Гитлер совершит столь чудовищную глупость: втянет Германию в европейскую войну. Несколькими днями ранее я получил от Аль-

берта Фёглера письмо, заставившее меня серьезно задуматься. Фёглер встретился с директором одного из заводов, членом делегации немецких промышленников, только что вернувшейся из России. На прощальном обеде в честь делегации русский комиссар промышленности провозгласил тост за «дружбу между Россией и Германией». Должен признаться, я задумался о том, что нас ждет. Невозможно было поверить в вероятность соглашения между Советской Россией и национал-социалистической Германией.

Я всегда предостергал как промышленников, так и военные круги против сближения с коммунистической Россией. Я считал этот режим врагом Германии и всей Европы. Соглашение с Россией казалось мне таким же страшным преступлением, как предательство германских протестантских князей, вступивших в союз с Ришелье против императора Священной Римской империи в Тридцатилетней войне.

Гитлер разделял мои антипатии. По крайней мере, я в это верил. Его книга «Майн кампф» содержит целые страницы проклятий в адрес русского режима. И вдруг, совершенно неожиданно, ради политического комфорта, он изменяет своим прежним убеждениям и заключает союз со страной, которую в других обстоятельствах называл врагом Европы номер один. Столь бесцеремонное поведение Гитлера и Риббентропа можно было бы рассматривать как искусную дипломатию; меня же оно ужаснуло. Они совершили коренной переворот в традиционной внутренней и внешней политике Германии. До того момента национал-социалистическое правительство боролось с большевизмом на внутреннем и внешнем фронтах. Антикоммунистические пакты были заключены с Италией, Японией, Венгрией и Испанией. Гитлер выступал за крестовый поход против большевистской России, как врага человеческой расы, и вдруг сам заключил союз с этим монстром.

Ему хватило наглости просить поддержки здравомыслящих людей в этой авантюре. Лично я никогда не

был таким трусом или идиотом, чтобы поддержать его в этом.

Однако немцы — народ, никогда особо не ориентировавшийся в политике — были совершенно сбиты с толку потоком изливаемой на них лжи. Они думали, что союз со Сталиным ничем не отличается от любого другого союза. Ведь сам Бисмарк заключил союз с царем! Один из самых гротескных аспектов этого дела состоит в том, что некоторые немцы, действительно боявшиеся большевизма, вместо того чтобы возражать Гитлеру, обвинили меня в потворстве пришествию большевизма в Германию. Они говорят, что к конфискации моего личного состояния привел мой протест против политики Гитлера. И это создает опасный прецедент. Вот до чего они докатились!

Изменение политики России — кроме политических интересов — я могу объяснить двумя политическими факторами. Говорят, что после событий 30 июня 1934 года Сталин выразил восхищение Гитлером. Убийством своих политических оппонентов Гитлер продемонстрировал Москве задатки истинного диктатора. С того момента Сталин начал принимать Гитлера всерьез. Кроме того, на русских произвело огромное впечатление отношение западных держав к оккупации Чехословакии. В 1939 году политический реализм подсказал им, как отвести гитлеровскую угрозу от России и в то же время вернуть свои бывшие территории. Заключение этого пакта было гениальным приемом Сталина. С его помощью он на некоторое время избавился от вполне реальной угрозы, которую представляла немецкая армия, — неизмеримо более мощная, чем Красная армия — оснащенная и вымуштрованная главным образом для войны на Востоке. В те августовские дни 1939 года пакт с Москвой казался мне отвратительным по двум причинам: во-первых, из-за противоестественности союза с врагом западной цивилизации и, во-вторых, потому, что являлся первым шагом к войне.

Как упоминалось выше, я направил официальный протест национал-социалистическим лидерам 1 сентяб-

ря. Последующие события оправдали этот мой поступок. Вторжение в нейтральные государства: Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию и Люксембург — вычеркнуло Третий рейх из списка цивилизованных государств. Вполне вероятно, что в самой стране подавляющее большинство немцев, ослепленных стремительными победами и одурманенных лживой пропагандой, не в состоянии осознать этот факт.

До последнего момента я полагал, что можно будет избежать войны. Я утешал себя, воображая, будто ответственные генералы смогут сдержать Гитлера. До блицкрига на Западном фронте я все еще надеялся, что удастся предотвратить нападение на Западе. Вот почему я просил нацистских лидеров опубликовать меморандум, в котором изложил причины моих возражений против войны.

Но Гитлер и его советники не прислушались к моим призывам. Они думают, что могут заставить судьбу сражаться на их стороне. Насилие, которое они обрушили на Европу, падет на них и — к несчастью — на их слепое орудие, невидящий и неслышащий немецкий народ.

Я же все для себя решил и действую согласно своему решению. Но я надеюсь и верю, что непременный после падения Гитлера мирный договор будет заключен с учетом опыта, приобретенного после 1918 года. Эта история политической ошибки, заставившей меня поверить в Гитлера, и моего разочарования — мой вклад в лучшее будущее.

Часть вторая
ПУТЬ В ТРЕТИЙ РЕЙХ

Глава 1
ПОРАЖЕНИЕ И РЕВОЛЮЦИЯ

Германии грозит анархия

В Первую мировую войну я был офицером. До последнего дня я страдал, как и все солдаты на фронте, и вдохновлялся теми же надеждами. Я давно знал, что гражданское население на родине подвергалось тяжелейшим испытаниям. В нашем Рейнско-Вестфальском промышленном регионе, где размещались отцовские заводы, тлели очаги восстания. В 1917—1918 годах прокатилась волна забастовок, сопровождавшихся такими серьезными беспорядками, что в промышленных городах Рейна было арестовано великое множество людей. Забастовки были вызваны дефицитом продовольствия и, соответственно, страданиями семей рабочих, но политическая агитация усугубляла положение.

В Киле экипажи военных судов подпали под влияние социалистической пропаганды, вышли из повиновения и совершили попытку восстания[1]. Начиная с 1918 года экстремистская агитация приняла еще более революционный характер. Пример, поданный русской революцией и тайно поддержанный высшим немецким командованием, серьезно повлиял на события в Германии. Большевики, захватившие власть в Москве во время Октябрьской ре-

[1] См. исторические примечания в конце главы.

волюции, отправляли через границу своих самых опасных агентов. Волнения прокатились по всей Германии; женщины и дети выходили на демонстрации против перебоев в снабжении продовольствием или в защиту мира. На фронте Людендорф предпринял последнюю попытку разрешить проблему военным путем. Успех наступления 1918 года поначалу укрепил моральное состояние немецкого народа. Окончательное поражение деморализовало народ.

Ни армейские офицеры, ни даже огромные солдатские массы не избежали влияния пораженческой и революционной пропаганды. Измученная армия не устояла под подавляющим превосходством вражеских войск.

В октябре 1918 года призрак революции начал обретать плоть. Социалисты крайне левого крыла сформировали группу под названием «Спартак»[1] в честь римского гладиатора, начавшего в 73 году до н. э. третье восстание рабов. Группа «Спартак» впоследствии стала Коммунистической партией Германии (КПГ). Радикальные элементы, вдохновленные примером русских, готовились к образованию рабочих и крестьянских советов, то есть «Советов». Буря приближалась.

Первый гром грянул в Киле. Мятеж в имперском военном флоте в начале ноября ознаменовал начало немецкой революции, быстро распространившейся по всем городам Северной Германии. Еще до подписания перемирия социалистические демонстрации прокатились по улицам Кельна. Солдат, возвращавшихся с фронта, разоружали прямо на вокзалах. Большинство из них сочувствовало толпе. Поначалу умеренным социалистическим лидерам удавалось предотвращать беспорядки в рейнских городах, но прибывшие из Киля делегаты мятежников, сопровождаемые профессиональными агитаторами, изменили ситуацию. В крупных промышленных городах — Хамборне, Мюльхайме и Эссене — быстро были созданы и захватили власть рабочие и солдатские советы.

---

[1] См. исторические примечания в конце главы.

Крупный рейнский промышленник Хуго Штиннес вел переговоры с профсоюзами в Рейнско-Вестфальском регионе с целью избежать беспорядка и саботажа. Он добился обещаний, гарантирующих порядок и общественный мир в регионе, но часть рабочих, подпавших под влияние революционной пропаганды, отказалась подчиняться руководству социал-демократической партии. Рабочие и солдатские советы распахнули ворота тюрем и освободили политических узников последних двух лет. Вместе с ними на свободу вышло множество личностей с весьма сомнительным прошлым; они могли быть как искренними революционерами, так и уголовными преступниками.

В Мюльхайме мы провели пять тягостных недель. Рабочие и солдатские советы, оказавшиеся у власти, повсюду расклеивали предупреждения о наказании за экстремистские выходки и грабежи, однако улицы больше не были безопасными. Если вначале количество умеренных в советах составляло большинство, то теперь они уступили давлению крайне левых агитаторов.

Вечером 7 декабря у моего дома появилась группа мужчин, вооруженных винтовками и пистолетами. Они пришли арестовать меня, но забрали и моего отца, несмотря на то что ему было семьдесят шесть лет. Нас сопроводили в тюрьму Мюльхайма, где к нам вскоре присоединилось четверо других промышленников. Глубокой ночью нас разбудили, и дюжина похожих на бандитов личностей, вооруженных винтовками, вывела нас во двор. Я подумал, что нас ожидает казнь, но, как оказалось, они собирались вывезти нас в Берлин. Охранники ввели нас в вагоны третьего класса и сели у дверей, несомненно, чтобы предупредить любую попытку побега. Было холодно. К счастью, отец успел захватить с собой одеяло. Следующим вечером поезд остановился на потсдамском вокзале Берлина. На платформе нас ожидал военный отряд. Сопровождающие передали нас новой охране и удалились, отпуская язвительные замечания. Мой отец обратился к одному из

охранников и очень вежливо попросил принести забытое в поезде одеяло. «За кого вы меня принимаете? — высокомерно спросил тот. — Я начальник полиции Берлина!»

Позже я узнал, что это был Эмиль Эйхгорн, опасный коммунистический агитатор, служивший Советской России и во время революции самолично назначивший себя начальником полиции Берлина. Он превратил полицейское управление на Александерплац, известное как «Красный дом», в крепость и подобрал личную охрану из самых сомнительных берлинских пролетариев, в большинстве своем бежавших из тюрьмы. Поговаривали, что Эйхгорн приказал арестовать многих чиновников прежнего режима и политических оппонентов и казнил их без суда во дворе полицейского управления. Месяц спустя этот странный начальник полиции организовал бунты на улицах Берлина, и социал-демократическое правительство обратилось к армии с призывом выдавить его из «Красного дома», где он забаррикадировался и подвергся настоящей осаде.

И в руки такого человека мы теперь попали. Он забрал нас в полицейское управление и допросил.

«Вы обвиняетесь, — заявил он, — в измене и антиреволюционной деятельности. Вы — враги народа и просили ввести французские войска, чтобы помешать социалистической революции».

Ни один из нас не имел никаких контактов с французской оккупационной армией. Мы стали возражать.

«Не пытайтесь отрицать, — грубо продолжал Эйхгорн. — Я хорошо информирован. Позавчера вы совещались в Дортмунде с другими промышленниками и решили послать делегацию к французскому генералу с просьбой оккупировать Рур. Это измена. Что вы на это скажете, господа?»

Мы в изумлении посмотрели друг на друга. Никто из нас не ездил в Дортмунд. Лично я ничего не знал о таком решении. Позже я узнал, что подобного совещания вообще не было. Мы с отцом смогли представить али-

би. Мы целую неделю не покидали Мюльхайм, что могли подтвердить многочисленные свидетели.

«Знаю я этих свидетелей! Сплошь буржуи! — жестко ответил Эйхгорн. — Их слова ничего не стоят. Уведите арестованных».

Нас вывели из кабинета начальника. О спокойствии не могло быть и речи. Неужели мы избежали смерти в Мюльхайме, чтобы быть расстрелянными здесь? Вскоре какой-то служащий сообщил нашим охранникам, что в полицейском управлении для арестованных больше нет места.

«Забирайте их в Моабит», — сказал он.

Моабит — главная берлинская тюрьма. У ворот полицейского управления нас ждал тюремный фургон. Сквозь решетки мы видели возбужденные толпы на улицах Берлина; близ Александерплац патрулировал автомобиль с пулеметом. Через двадцать минут наш фургон вкатился в тюремный двор. Встретивший нас начальник тюрьмы сказал: «Я ничего не знаю о вашем деле. В любом случае, может, и лучше, что вы здесь. Со мной, по крайней мере, вы в безопасности».

Его слова, казалось, подтверждали мрачные слухи о казнях в полицейском управлении. Начальник Моабитской тюрьмы был старым служакой, подчинявшимся прусскому правительству, а не внушавшему ужас начальнику полиции.

Моего отца — из-за преклонного возраста — поместили в тюремную больницу. Он воспринимал случившееся с потрясающим спокойствием: «Не беспокойся, в моем возрасте ничего особенного со мной случиться не может». Остальных — и меня в том числе — заключили в камеры для подследственных. Нашу жизнь там можно назвать почти шикарной. Каждый день нас выводили на прогулки в тюремный двор. Позже я получил множество писем от узников с воспоминаниями о совместном пребывании в Моабите.

На следующее утро в мою камеру вошел тюремный протестантский священник с утешениями своей веры. Я

сказал ему, что я католик. Он ушел, не попрощавшись. Я был вне его компетенции. Явившийся через несколько минут католический священник произнес небольшую речь, которую я буду помнить всю свою жизнь. «Да, я знаю. Всегда одно и то же: в первый день вы притворяетесь мужественным и не верите, что с вами может что-то случиться. Но подождите третьего дня, и увидите, что с вами произойдет, когда вы узнаете о своей судьбе. Тогда вы будете раздавлены». Этот добрый человек думал, что нас уже приговорили к смерти, и разговаривал со мной так, как привык разговаривать с приговоренными преступниками. Чтобы убедить их принять отпущение грехов и раскаяться в совершенных преступлениях, он пугал их вероятными суровыми наказаниями.

На четвертый день нас всех освободили. Возможно, Эйхгорн проверил наши заявления и ничего криминального не обнаружил. Таким был мой первый контакт с революцией 1918 года.

19 ноября я стал свидетелем возвращения войск в Кельн. На рассвете 6-я и 17-я армии походным порядком прошли по рейнским мостам. Город был расцвечен флагами, население приветствовало солдат, угощало их кофе и сигаретами.

Егерская дивизия маршировала на Кафедральной площади перед генералом фон Дасселем. Впереди развевались черно-бело-красное знамя рейха, черно-белое знамя Пруссии и зеленое знамя дивизии. Марширующие во главе каждого батальона оркестры играли военные марши. Все солдаты шли гусиным шагом. Это было успокаивающее зрелище, олицетворявшее порядок и дисциплину посреди революционного хаоса, расползающегося все шире и шире.

Мюльхаймский полк вернулся три недели спустя под бурные приветствия горожан. Однако покой длился недолго. Все рабочие Мюльхайма знали и уважали моего отца, но в Хамборне, где у нас тоже был завод, власть захватили радикалы. Революционное движение во всем промышленном районе было организовано коммунис-

том Карлом Радеком, делегатом русских советов в Эссене. Стоит отметить, что в самом Эссене ему удалось более-менее договориться с бургомистром Хансом Лютером, который позднее стал рейхсканцлером, затем президентом Рейхсбанка и в конце концов послом в Вашингтоне. Политиком Лютер всегда был более успешным, чем финансовым экспертом. Не знаю, как ему удалось смягчить русского революционера Радека, однако факт остается фактом: Радек не стал провоцировать беспорядки в Эссене, зато усилил свою активность в других городах.

В канун Рождества в Хамборне объявили забастовку. Встревоженный бургомистр позвонил мне по телефону и попросил приехать. Однако, как я уже говорил, Хуго Штиннес путем переговоров сразу после прекращения военных действий добился соглашения с профсоюзами от имени всей промышленности региона. Это соглашение не было расторгнуто, о чем я напомнил бургомистру, добавив, что не могу заключать никаких сепаратных соглашений. На этом дело не закончилось. На следующий день, рано утром, в мой дом в Мюльхайме приехала делегация из пяти рабочих-коммунистов. Они хотели отвезти меня в Хамборн силой, а мне вовсе не улыбалось повторить свой недавний берлинский опыт.

Я велел дворецкому сказать им, что я одеваюсь, пригласить в дом и угостить кофе. Пока они пили кофе, я попросил жену уехать с нашей маленькой дочкой в Дуйсбург, занятый бельгийскими войсками, а я тем временем решил предупредить отца, жившего милях в восьми от Мюльхайма в замке Ландсберг на Руре. Я вышел через незаметную дверь и отправился в Ландсберг. Оттуда мы с отцом сразу же пошли по дороге пешком, но вскоре нас подвезли на автомобиле, что избавило моего старого отца от мучительной семимильной пешей прогулки. У нас были все основания бояться повторного ареста. Уже распространились слухи о расстрелах известных людей коммунистическими бандами. Самая известная из тех казней заложников имела место в Мюнхене, где революционное

правительство приказало арестовать и казнить видных горожан без суда и следствия.

Мне никогда не забыть впечатлений тех бурных дней. Я всю свою жизнь провел среди рабочих. Мой отец работал вместе с ними в начале своей карьеры. Никогда рабочие наших заводов, даже коммунисты, не проявляли к нам никакой враждебности, тем более ненависти. Всеми беспорядками, всеми эксцессами мы почти неизменно были обязаны иностранцам.

Хамборн всегда был «самым красным» городом промышленного региона. Через несколько лет после революции Немецкая национальная народная партия, членом которой я был, пригласила меня на предвыборное собрание в эту коммунистическую цитадель. На всем пути нам встречались демонстрации против присутствия в Хамборне кандидата от реакционеров, что толпа считала провокацией. Из предосторожности я оставил свою машину на некотором расстоянии от места, где проводилось собрание. Партийный комитет весьма недальновидно организовал предвыборное собрание в здании, обычно используемом коммунистами. Подойдя к дверям зала, я заметил на большинстве собравшихся коммунистические партийные значки. Атмосфера была наэлектризованной. Однако кандидата, произносившего речь, не прерывали. Затем отвечала оппозиция. Местный коммунистический лидер дал характеристику всем промышленникам региона. Я сидел в первом ряду, и он не мог не видеть меня. Говорил он резко. Я уж думал, что он набросится на меня и тем самым спровоцирует враждебные действия толпы, но ничего подобного не случилось.

В период кризиса, предшествовавший приходу Гитлера к власти, мне часто приходилось иметь дело с коммунистами, работавшими на наших заводах. Беседуя с ними, я понял, что многих из них подстегивает идеализм. Они верили в ту фальшивую доктрину, обещавшую пролетариату безоблачное счастье. Однако во время революции беспорядки провоцировали вовсе не местные

рабочие. Организаторами забастовок и мятежей были профессиональные политические агитаторы, многие из которых состояли на службе у московских революционеров: именно они несут ответственность за мятежи и убийства. Социал-демократическая партия состояла из благоразумных и сдержанных людей. Когда в январе 1919 года забастовали шахтеры, я принял участие в переговорах с забастовщиками. Они понимали непростое положение промышленников, которые, со своей стороны, пытались сделать все возможное, дабы справиться с дефицитом продовольствия, возникшим из-за блокады союзных держав, выступавших против Германии. Мы пришли к соглашению и неуклонно придерживались бы его, если бы не вмешательство радикалов и анархистов, чьей единственной задачей в период кризиса было подстрекательство к беспорядкам.

Весь год (1918—1919) я чувствовал, что Германия катится к анархии. Забастовки следовали одна за другой, начинаясь без каких-либо причин и не приводя ни к каким результатам, поскольку пропитание работающего населения не зависело от хозяев заводов. Реорганизовать промышленное производство было невозможно. Добыча угля уменьшалась с каждым днем. Мы даже боялись, что саботажники могут уничтожить оборудование. Никто больше не был уверен в том, что останется на свободе или даже сохранит свою жизнь. Любого могли арестовать и расстрелять без всяких мотивов.

Именно тогда я осознал необходимость — чтобы Германия не скатилась в анархию — борьбы со всей этой радикальной агитацией, которая не только не приносит счастья рабочим, но ведет к хаосу. Социал-демократическая партия пыталась сохранить порядок, однако была слишком слаба. Во многом память о тех днях склонила меня предложить помощь национал-социализму, который, как я верил, был способен по-новому разрешить неотложные индустриальные и социальные проблемы великой промышленной страны, коей была Германия.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Мятежи в Киле

Германская революция началась в октябре 1918 года с мятежа матросов военных кораблей, стоявших в Киле. Непосредственной причиной было недовольство матросов плохой едой на военных кораблях летом 1918 года. Командиры арестовали ряд матросов, принимавших участие в беспорядках, и грозили им суровыми наказаниями. При арестах многие морские офицеры проявили жестокость. Тайные революционные организации, уже созданные по всей стране, воспользовались этими инцидентами для агитации в экипажах военных кораблей. Когда перемирие казалось почти неизбежным, некоторые чины адмиралтейства все еще готовили определенные линкоры и крейсеры германского флота к выходу в море в надежде дать решительное морское сражение. Однако матросами и низшими морскими офицерами все сильнее овладевал дух противоречия. В начале ноября десятки матросов сошли с кораблей и организованно промаршировали по городу под красным флагом. К ним присоединилась масса рабочих и солдат-отпускников. После нескольких случаев мародерства пришлось закрыть магазины. В Киль прислали Носке, члена социал-демократической фракции рейхстага. Ему удалось направить Кильское движение в цивилизованное русло, особенно после того, как стало известно, что в Берлине провозгласили республику.

«Союз Спартака»

После раскола социал-демократической партии в период войны из-за вопроса о военных кредитах левые радикалы начали агитацию в среде рабочих-социалистов. Сначала она была нацелена главным образом на критику правительства и его политики в военный период. Однако, когда в России победила большевистская револю-

ция, пропаганда приняла более революционный характер и ее целью стало руководство социал-демократической партии. Самую важную роль в этой пропаганде сыграл ряд писем, подписанных «Спартак», в память о вожде исторического восстания рабов в Древнем Риме. Безусловно эти письма внесли огромный вклад в разжигание германской революции. Их усердно читали, хотя как полиция в тылу, так и военная полиция на фронте конфисковывали все экземпляры, до которых могли добраться. Установить, кто входил в «Союз Спартака», распространявший эти письма, не удалось. Позже выяснилось, что руководителем союза был старый депутат рейхстага Ледебур, а его ближайшими сподвижниками — Карл Либкнехт и Роза Люксембург.

Правительство народных уполномоченных

Сразу после провозглашения Германской республики страной стал править «Совет народных уполномоченных», состоявший из трех членов крыла старейшего большинства социал-демократической партии и трех членов «независимых социалистов», вышедших из социал-демократической партии после того, как она проголосовала за военные кредиты на первом этапе мировой войны. Возглавил правительство Фридрих Эберт, председатель социал-демократической партии.

Глава 2
НАЦИОНАЛЬНОЕ УНИЖЕНИЕ

Версаль и Рур

Моя семья всегда исповедовала католичество. Мои предки — крестьяне из пограничного района между Льежем и Экс-ла-Шапелем, с левого берега Рейна. После мировой войны мы с отцом принадлежали к католической

партии «Центр»[1]; отец был очень дружен с лидером партии Маттиасом Эрцбергером. Мы были чуть ли не единственными католиками среди промышленников региона, в большинстве своем протестантов. Заметный католик в регионе, управляемом пруссаками, — положение не всегда выгодное. Известен пример из эпохи Бисмарка, периода знаменитой «Культуркампф» (борьба Бисмарка с иностранным влиянием через католиков). По этой причине мы и поддерживали католическую партию «Центр», защищавшую права католиков от государственной полиции, зачастую чрезмерно прусской и протестантской. Однако после войны партия «Центр» и особенно ее председатель Эрцбергер совершенно лишились чувства национальной гордости. Во время перемирия и подписания Версальского договора[1] мы с отцом были сильно огорчены демонстративным унижением Германии. Мы вышли из партии «Центр» после того, как она приняла участие в подписании договора.

Весной 1919 года я поехал в Париж с одним из членов немецкой мирной делегации, министром почт Иоганном Гисбертсом. Гисбертс вошел в состав делегации, главным образом как член влиятельной католической партии. У меня же не было никакого официального статуса. Однако я надеялся, что пригожусь немецкой делегации при обсуждении экономических вопросов, регулируемых мирным договором, воспользовавшись многочисленными знакомствами, которые завел во Франции до войны. Правда, возобновить те знакомства оказалось абсолютно невозможным. Я несколько раз ездил из Версаля в Париж, и всегда за мной неотступно следовали полицейские.

Нет необходимости вспоминать тягостный процесс переговоров в Версале. Сейчас все понимают гнусность договора, навязанного Германии, но я должен отдать дань уважения памяти графа Брокдорфа-Ранцау. Социалистическое правительство Германии, воспользовав-

---

[1] См. исторические примечания в конце главы.

шись его дипломатическим опытом, назначило его министром иностранных дел и главой делегации по переговорам о мире. Брокдорф согласился на эту роль, надеясь, что сможет провести переговоры и заключить мир, основанный на законе. Поведение союзных держав разбило его надежду. Клемансо навязал договор, по которому на Германию возлагалась вина за войну, обязал ее выплатить репарации, абсурдные с точки зрения экономики, изменил ее границы и лишил немецкий народ права решать собственные проблемы. Брокдорф, с которым я был хорошо знаком, возражал против подписания этого договора. Экономические эксперты (к коим я неофициально был прикомандирован), призванные изучить вопрос о репарациях, объявили поставленные условия невыполнимыми[1].

Я провел в Версале почти три месяца и 16 июня 1919 года уехал с немецкими министрами, входившими в мирную делегацию, в Веймар, где тогда заседали правительство и Учредительное национальное собрание. Брокдорф изо всех сил уговаривал немецкое правительство не подписывать договор. Я же пытался убедить знакомых депутатов-католиков в том, что ни в коем случае нельзя принимать драконовские условия, поставленные союзными державами. Почти все они считали, что договор невыполним, но об отказе от подписания не может быть и речи.

Это была главная политическая ошибка. Подписывая договор, мы обрекали себя на его выполнение. По моему мнению, величайшая политическая ложь, отравлявшая Европу более двадцати лет, началась в день подписания Версальского мирного договора.

Споря с правительством, Брокдорф настаивал на отказе от подписания договора, хотя полностью сознавал последствия подобного шага для Германии. Фельдмаршал фон Гинденбург, проконсультировавшись по поводу возможности военного сопротивления, заявил, что

---

[1] См. исторические примечания в конце главы.

подобное сопротивление на Западе было бы бесполезным, учитывая превосходство врагов. Однако он прибавил: «Мой долг, как солдата, предпочесть смерть позорному миру». Брокдорф советовал позволить союзникам вторгнуться в Германию и тем самым возложить на них ответственность за военные действия против народа, который не может себя защитить. Он предусмотрел перспективы иностранного господства, оккупации, голода...

«Можем ли мы сейчас требовать подобных жертв от немецкого народа? — обратился он к немецкому канцлеру Фридриху Эберту и гордо добавил: — Полагаю, что должны, ибо это последние жертвы, коих война требует от нашего народа».

Эберт хорошо понимал сложившуюся в стране ситуацию. Он знал, что отказ, требуемый Брокдорфом, может привести к революции. Он боялся привести Германию к коммунизму и анархии. По моему мнению, Эберт преувеличивал опасность, что позже, во время оккупации Рура, подтвердило потрясающее поведение всего населения.

В трогательном письме, адресованном канцлеру-социалисту, Брокдорф все же признал мотивы Эберта весьма убедительными. «Однако, — добавил он, — если положение дел действительно таково, я не могу проводить внешнюю политику, которую намеревался проводить». И он подал в отставку.

Дилемма, подкараулившая немецких лидеров, была трагической. Они знали, что одобрение договора в предложенной форме представляло обман союзных держав и обман немецкого народа, поскольку договор был невыполним. С другой стороны, отказаться от подписания договора значило обречь страну на немедленную иностранную оккупацию и революционный переворот. В ноябре 1918 года Эберт заявил: «Я ненавижу революцию так же, как ненавижу грех». Он решил подписать договор. Его поддержал лидер партии «Центр» Маттиас Эрцбергер, по своему политическому темпераменту склонный к компромиссу и тайным интригам. Он никогда ничего не считал окончательным; по его мнению, для изменения хода

событий и исправления ситуации необходимы лишь терпение и ловкость.

Для нас с отцом отказ подписать договор повлек бы за собой самые мрачные последствия, так как рейнско-вестфальская промышленность первой почувствовала бы железную хватку союзных держав. Это стало очевидным несколько лет спустя, когда Пуанкаре отдал приказ оккупировать Рур. Враждебное иностранное давление спровоцировало неожиданный всплеск патриотизма. Может быть, это все равно произошло бы. Как бы то ни было, мы с отцом освободились от абсолютно невыполнимых обязательств. Именно в тот момент мы порвали с Эрцбергером, несмотря на тесную дружбу, связывавшую его с моим отцом. Мы вышли из партии, которой традиционно принадлежала наша семья и членом которой мой отец был с самого ее основания, — партии «Центр».

Экстремистские бури 1918 и 1919 годов грозили уничтожить Германию в огне и крови. Подписание унизительного договора приговорило целую нацию к некоему экономическому рабству, которое — кроме всего прочего — предназначено было оскорбить немецкий народ и заставить его признать свою вину. Капитуляцию, навязанную так называемым «военным преступникам», все ветераны войны восприняли как возмутительную и оскорбительную. Угроза революции и унижение Версальского договора вызвали взрыв националистических и антисемитских настроений по всей Германии.

Для предотвращения беспорядков повсеместно формировались группы под командованием бывших армейских офицеров, получившие название «добровольческие корпуса» («фрайкоры»). Правительство относилось к ним весьма терпимо, ибо члены правительства — социалисты, и особенно военный министр Густав Носке[1], были убеждены в необходимости создания прочного барьера наступлению

---

[1] Носке Густав — министр рейхсвера. Рейхсвер — вооруженные силы Германии, существовавшие с 1919 (официально с 1921 года) по 1935 год, созданные на основе Версальского мирного договора 1919 года. (*Примеч. пер.*)

анархии ради возрождения страны. Сам Эберт, которому впоследствии предстояло стать президентом республиканской Германии, вовсе не был экстремистом. В те трудные годы именно благодаря его личному влиянию и абсолютной гармонии его отношений с фельдмаршалом фон Гинденбургом (его возможным преемником на посту президента) армия смогла внести свой вклад в восстановление дисциплины и ощущение порядка в Германии.

Именно военные и консервативные круги Германии совершили первый военный переворот в 1920 году. Даже во время подписания Версальского мирного договора, в июне 1919 года, группа офицеров хотела установить военную диктатуру и обращалась к своему шефу Густаву Носке, министру обороны, социалисту. Мартовский переворот 1920 года фактически был возрождением этого проекта. Только на этот раз генералы хотели полностью избавиться от радикализма левого крыла: они оттеснили Носке, освободив место доктору Вольфгангу Каппу, чиновнику-консерватору из Восточной Пруссии, основателю партии «Фатерланд» (отечество), в военное время возражавшему против мирного решения, за которое рейхстаг проголосовал в 1917 году.

Новый проект был поддержан генералом Людендорфом. Война доказала, что этот генерал — великий солдат, но ему всегда недоставало политического чутья. Величайшей ошибкой его карьеры была просьба освободить его от командования осенью 1918 года. Я убежден в том, что если бы он остался на своем посту, то сумел бы предотвратить отречение кайзера и его побег в Нидерланды. В этом случае история послевоенной Германии была бы совершенно иной.

Переворот 1920 года, впоследствии названный Капповским путчем, был в политическом отношении плохо подготовлен. Единственной подлинной поддержкой заговорщиков была лишь бригада морской пехоты капитана Эрхардта и несколько других военных частей. Однако армию в целом убедить не удалось. Тем не менее путчистам удалось захватить Берлин и расположенные в горо-

де правительственные учреждения, после чего правительство объявило всеобщую забастовку.

В промышленном регионе последствием сей неуклюжей попытки контрреволюции стал новый подъем революционного движения. В Эссене, Дуйсбурге, Дюссельдорфе и Мюльхайме революционные комитеты, напоминающие советы рабочих и солдат 1918 года, под предлогом объявленной правительством Эберта всеобщей забастовки захватили политическую власть. Ситуация еще более обострилась, когда рабочие узнали о том, что генерал Ваттер, командовавший рейхсвером в Мюнстере и сочувствовавший берлинским контрреволюционерам, готовится войти в Рур. Рабочие немедленно организовали милицию, большую часть которой вооружили сохранившимися с послевоенного времени винтовками.

Как только начались волнения, я с семьей выехал из Мюльхайма в Крефельд, на левый берег Рейна. Бельгийцы, охранявшие мост через Рейн, пропустили нас. Немецкие промышленники с опаской следили за новым революционным движением, ибо оно снова дезорганизовывало экономическую жизнь региона. Беспорядки продолжались две недели. В конце концов рейхсверу пришлось вмешаться, чтобы восстановить порядок; в Дуйсбурге и Везеле между рабочей милицией и армией произошли настоящие бои.

Безуспешный Капповский путч и прокатившаяся за ним волна радикализма сильно отразились на нашем индустриальном регионе. Умиротворить взволнованные умы уже не представлялось возможным. В следующем году по многим промышленным городам Рура пронеслась новая волна забастовок и уличных боев. На восстановление спокойствия требовалось время. Не успела миновать угроза революции, как экономику затрясло под тяжестью репараций.

Инфляция[1] нарастала, медленно, но неуклонно разоряя средний класс Германии, не разбиравшийся в моне-

---

[1] См. исторические примечания в конце главы.

таризме[1]. Даже мой отец больше его не понимал. Однажды по возвращении из деловой поездки он с возмущением рассказал мне, что отель, в котором он обычно останавливался, потребовал двойную цену за его номер. Он отказался платить новую цену и поселился в другом номере, стоившем столько, сколько он привык платить. Но это оказалась жалкая мансарда под самой крышей! В другой раз отец приказал продать пакет ценных бумаг, по, казалось бы, выгодной цене, а в действительности сумма в бумажных марках оказалась дутой.

Самым серьезным последствием инфляции было то, что она не позволяла привести зарплаты в соответствие с постоянным ростом прожиточного минимума. Семья рабочего больше не могла приобретать товары первой необходимости, ибо недельная зарплата, покупательная способность которой уменьшалась с каждым днем, не давала возможности распределить ежедневные покупки на неделю, следующую за получением зарплаты. Чтобы исправить ситуацию, рурские промышленники в конце концов выпустили нечто вроде чрезвычайных денег постоянной стоимости; это позволяло домохозяйкам регулярно совершать покупки в кооперативных магазинах для рабочих.

Пока мы обсуждали пути и способы преодоления этих трудностей, в начале 1923 года французское правительство Пуанкаре решило оккупировать промышленный регион[2]. 11 января французские и бельгийские войска вошли в Эссен и Гельзенкирхен. На следующий день оккупация распространилась на Бохум, Дортмунд и весь Рурский бассейн. В нескольких городах произошли кровопролитные стычки между войсками и населением, в ходе которых было убито несколько рабочих.

На мой взгляд, этот акт насилия со стороны Пуанкаре мог дать нам шанс денонсировать Версальский дого-

---

[1] Монетаризм — экономическая теория, согласно которой количество денег в обращении является определяющим фактором формирования хозяйственной конъюнктуры и существует прямая связь между изменениями объема денежной массы в обращении и величиной валового национального продукта. (*Примеч. пер.*)

[2] См. исторические примечания в конце главы.

вор. В сущности, решившись на такую крайнюю меру, как военная оккупация целого региона Германии под предлогом несоблюдения сроков некоторых совершенно незначительных поставок, бельгийское и французское правительства первыми нарушили договор, выполнение коего они якобы хотели обеспечить. Даже британские юристы никогда не признавали существования законных оснований для оккупации Рура.

В Гамбурге собрались представители немецкого угольного консорциума. Я приехал на заседание вместе с такими промышленниками, как Кирдорф, Крупп фон Болен, Клёкнер и Хуго Штиннес. Я полагал, что оккупацией Пуанкаре нарушил Версальский договор, и раз уж мы не воспользовались этим для денонсирования договора, то теперь должны организовать сопротивление.

Второе заседание состоялось несколько дней спустя в Эссене. Остальные промышленники признали мою правоту и попросили меня выступить от их имени. Собрание приняло резолюцию о том, что промышленность будет поставлять уголь союзным державам с согласия берлинского правительства. Одновременно мы послали эмиссара в Берлин с просьбой к правительству прикрыть нас запрещением поставок. Не все были столь же непримиримы, как мы. Через два дня после оккупации прибыли французские инженеры и обратились к владельцам шахт. Некоторые из них вступили в переговоры. Для того чтобы добиться уважения к резолюции, принятой в Эссене, мы решили учредить трибунал для наказания непокорных владельцев.

Для Германии это был весьма критический момент. Если бы Франции удалось завладеть рурской промышленностью, Германия никогда бы не смогла возродиться. Два года спустя я встретился в Париже с начальником отдела министерства иностранных дел, которым тогда руководил Бриан. Он сказал мне: «Во время войны немцы стремились победить Францию, чтобы добраться до ее полезных ископаемых. В период оккупации Рура Франция решила взять реванш и уничтожить Германию,

чтобы заполучить ее уголь». Это была чистая правда. Но насколько выгоднее было бы обеим странам прийти к соглашению!

Через несколько дней после вступления французских войск в Рур меня вызвал французский генерал. Он принял меня очень вежливо и спросил: «Промышленники приняли решение осуществлять поставки, на которые Германия согласилась по Версальскому договору?» Я ответил, что правительство Германии считает оккупацию немецкой территории нарушением Версальского договора, а потому мы получили инструкции не осуществлять поставки. Генерал заявил, что в таком случае промышленникам лично придется отвечать за последствия этого отказа.

20 января меня и нескольких владельцев шахт арестовали и перевезли в военную тюрьму Майнца. Там я провел три дня.

При известии о моем аресте среди рабочих наших заводов вспыхнули волнения. В Бохуме еще до этого произошло серьезное столкновение между населением и оккупационной армией. Из-за этих волнений французское правительство решило не приговаривать меня к пятилетнему тюремному заключению, чего я вполне от него ожидал. Военный суд просто наложил на меня штраф в триста тысяч золотых марок. На свободу меня выпустили еще до уплаты этого штрафа.

Когда мы покинули зал суда, население Майнца и делегации рабочих, прибывшие из Рура, устроили огромную демонстрацию в нашу честь. Нас с триумфом доставили к железнодорожному вокзалу. С моим отцом, посетившим судебное заседание, французские власти обращались очень учтиво.

Вернувшись в Мюльхайм, я организовал пассивное сопротивление, которое было ответом Германии на оккупацию. Из-за преклонного возраста мой отец не принимал в этом движении никакого участия. Правительство наложило запрет на поставки угля. Чиновникам приказали не подчиняться приказам оккупационных

властей. Железнодорожные служащие начали забастовку. Была остановлена навигация на Рейне. Французам самим пришлось обеспечивать перевозки пассажиров и товаров по автодорогам, железным дорогам и водным путям. Армия заняла выходы из шахт, принадлежавших прусскому государству. Шахтеры тут же покинули шахты. На других шахтах работа продолжалась, но уголь скапливался огромными грудами на поверхности. Ни один поезд, ни один корабль ничего не вывозил ни в Бельгию, ни во Францию.

Для подавления сопротивления оккупационные власти установили таможенный кордон между оккупированными территориями и остальной Германией. Запретили вывоз любых товаров. Тем не менее нам несколько раз удалось отправить целые железнодорожные составы. Литейные цеха Августа Тиссена в Мюльхайме имели собственные товарные станции. Их охраняли бельгийцы. Чтобы отвлечь внимание солдат, мы подсылали к ним милых девушек, прекрасно исполнявших возложенную на них миссию. За выигранное время мы погрузили и отправили, кажется, четыре состава. К несчастью, один из грузов оказался слишком тяжелым и вагонные сцепки не выдержали. Нас застали на месте преступления, и в ходе расследования наш секрет был разоблачен.

Организация пассивного сопротивления полностью легла на мои плечи, но мне всесторонне помогало население. Католические священники, особенно архиепископ Кельна, решительно поддержали наши условия. Именно благодаря им удалось создать в Руре истинно национальный союз, позволивший сохранить целостность рейха.

Сейчас необходимо объяснить такое поведение католического духовенства. Министр труда Пруссии Браунс был священником. Именно он принял все те меры, которые позволили остановить работу на государственных шахтах Пруссии. В то тяжелое время Ватикан оказался единственным государством, осмелившимся прислать в

Рур своего дипломатического представителя. Американский посол, к которому я обратился, чтобы получить помощь квакеров в снабжении продовольствием рабочего населения, не осмелился приехать или хотя бы прислать своего представителя.

Национал-социалисты не имели никакого отношения к пассивному сопротивлению. Позднее они хвастались тем, что организовывали акты саботажа, но это абсолютная ложь. Их «герой» Шлагетер, которого французский военный совет арестовал и приговорил к смерти, вовсе не был нацистом, а принадлежал к добродетельному католическому семейству.

Гитлер так никогда и не понял общенациональной важности борьбы, которую мы тогда вели на Рейне. В то время он уже мечтал о захвате власти и готовил свой знаменитый Мюнхенский путч.

На глубоко патриотичное поведение католического духовенства и населения в период оккупации Рура Гитлер ответил самой черной неблагодарностью. Десять лет спустя нацистское государство чудовищно обвинило католиков в том, что они плохие немцы. По гнусным фальшивым обвинениям Гитлер арестовал наших священников; они предстали перед нацистскими судами, где их оскорбляли. Позже я расскажу о тех выводах, которые рейнские католики готовы сделать из случившегося.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Партии Германского законодательного учредительного собрания и немецкого рейхстага

Сразу после начала революции в Германии существовали две социалистические партии: старая социал-демократическая партия, составлявшая большинство, и независимая социалистическая партия. Коммунистическая партия появилась значительное время спустя, когда раскололась независимая социалистическая партия; комму-

нисты взяли на себя руководство большинством членов почившей партии, а остальные присоединились к социал-демократам.

Что касается несоциалистов, некоторое время словно не существовало буржуазии, способной сорганизоваться и найти свое место в партийной системе. Ситуация изменилась лишь тогда, когда стало ясно, что немецкая республика одобрит парламентскую форму правления. Первой из несоциалистов на политическую арену вышла Немецкая демократическая партия. Она рекрутировала своих членов из сторонников прежней Немецкой прогрессивной партии и Национал-либеральной партии, которые ранее играли важную роль в имперском рейхстаге. Политическая платформа новой партии была республиканской и пацифистской. Партия ратовала за возрождение экономики Германии в сотрудничестве со всеми европейскими нациями; одобряла экономическую финансовую политику и расширение существующего социального законодательства; хотела подготовить вступление Германии в Лигу Наций.

Поскольку основатели демократической партии отказались предоставить руководящий пост в своей партии Густаву Штреземану, одному из бывших лидеров национал-либералов, другие члены прежней национал-либеральной партии уговорили Штреземана принять на себя руководство еще одной новой партией — Немецкой народной партией. Эта партия состояла в основном из представителей крупной торговли, университетских профессоров, а главное, из промышленников, которые стремились восстановить покупательную способность на немецком внутреннем рынке. В программе Немецкой народной партии республика признавалась свершившимся фактом; выдвигались требования по восстановлению самоуважения немецкого народа, отстаивались разумные уступки в трудовом и социальном законодательстве в целях мирного урегулирования споров с рабочим классом, ставилась цель восстановления немецкого сельского хозяйства.

Сразу после основания Немецкой демократической партии возобновила активную деятельность католическая партия «Центр», решившая нецелесообразным менять свое название. Партия «Центр» была основана в 1875 году, после того как Бисмарк объявил «Культуркампф», политико-религиозную борьбу против мнимого вмешательства папы римского во внутренние дела Германии. Суровые меры, принятые Бисмарком против религиозных организаций и священнослужителей, заставили все большее количество немецких избирателей-католиков — почти половину общего числа избирателей — вступить в партию «Центр». Отчасти как оппозиционная партия, отчасти как коалиционная правительственная партия (во время мировой войны) католическая партия «Центр» неуклонно приобретала все больший вес. Революция не внесла никаких изменений в структуру ее членов. Как и до войны, в ней были представлены все экономические слои: от католиков-рабочих до католиков-аристократов. Естественно, как во всей Германии, так и в партии «Центр» консервативная ее часть — главным образом аристократы, крупные промышленники и бизнесмены — теперь была согласна на любые уступки, диктовавшиеся новыми условиями. Партия «Центр» также одобряла республиканскую форму правления, проповедовала пацифизм, выступала за восстановление селького хозяйства и повышение уровня жизни среднего класса.

Вновь основанная Немецкая национальная партия представляла собой современную версию довоенных консервативных партий. Ее членами стали крупные землевладельцы, многие представители тяжелой промышленности, рабочие, объединившиеся в группы христиан-протестантов, и выходцы из средних классов, связанные с бывшими германскими монархами сентиментальными узами либо материальными интересами. В нее вошло и много университетских профессоров. Программа Немецкой национальной партии была умеренной, но максимально националистической, насколько это было возможно в то время. Ее экономические требования

состояли в достижении работоспособности и эффективности среднего класса и сельскохозяйственных общин Германии.

Национал-социалистическая немецкая рабочая партия появилась в рейхстаге сравнительно поздно. Поначалу она была представлена очень маленьким числом депутатов; более того, они раскололись на несколько групп. В конце концов она стала второй по величине партией в рейхстаге, а незадолго до захвата власти Гитлером сумела лишить социал-демократическую партию статуса самой крупной партии рейхстага.

Среди наиболее значимых отколовшихся партий, часто игравших решающую роль в сохранении баланса власти, были Баварская народная партия (баварская версия католической партии «Центр») и немецкая экономическая партия, состоявшая главным образом из крестьян и мелких лавочников, убежденных в своей экономической важности и невозможности обеспечить должное уважение со стороны более мощных политических группировок.

Подписание мирного договора

Законодательное учредительное национальное собрание в Веймаре с большим трудом решало дилемму принять или отвергнуть условия Версальского мирного договора. Результат голосования оставался непредсказуемым до самого последнего момента. Социал-демократы и Немецкая демократическая партия согласились проголосовать за договор. Немецкая народная партия и Немецкая национальная партия его отвергли. Окончательное решение зависело от католической партии «Центр», хотя еще не определилось несколько представителей народной партии. Позиция тех, кто — по крайней мере, в душе — хотел подписать мирный договор, ослаблялась тем, что граф Брокдорф-Ранцау, министр иностранных дел, ушел в отставку, в интересах немецкого народа, как он

объяснил в своем письме президенту Эберту. Он, мол, не мог подписать Версальский договор, так как, по его мнению, условия договора этим интересам противоречили. Еще более подрывал их позицию слух о том, что, если бы Германия отказалась подписать договор сейчас, то скрытые разногласия между союзными державами обострились бы и в будущем позволили бы Германии добиться более приемлемых условий. С другой стороны, надежные источники сообщали, что в случае неподписания договора мощные военные силы готовы войти в Германию. Последствия возможной оккупации союзниками еще больших немецких территорий теперь вызывали серьезные опасения. Страшило не только то, что новые революционные беспорядки могли расползтись по всей стране, но и то, что правительства отдельных государств, составляющих Германию, могли подписать сепаратные мирные договоры с союзниками. По слухам, правительство Вюртемберга уже решилось на такой шаг. Страх подобного исхода в конце концов и объединил большинство членов Учредительного собрания, объявившее, что проголосует за мирный договор, несмотря на полную неопределенность ситуации.

«Политика выполнения»

Много лет жесткие экономические условия, навязанные Версальским договором и выразившиеся в выплате военных репараций, вызывали серьезные разногласия в немецком народе. С самого начала часть общества призывала сопротивляться выплатам репараций, в то время как другие требовали выполнения условий договора. И те и другие соглашались с тем, что требования, навязанные договором, выполнить, пожалуй, невозможно. Однако сторонники «выполнения» утверждали, что необходимо доказать победившей стороне: соглашения невыполнимы не только потому, что Германия не способна осуществлять поставки, но и потому, что выполнение

Германией своих обязательств тут же приведет к хаосу на мировом рынке и в международных финансах, а это союзникам очень невыгодно. То есть следовало доказать, особенно Великобритании и Соединенным Штатам Америки, что немецкие платежи не возместят им займы, предоставленные их союзникам и партнерам по последней войне. Сторонники выполнения условий договора полностью сознавали, что их метод потребует от немецкого народа определенных жертв, но твердо верили в то, что постепенно добьются аннулирования жестких условий Версальского договора мирными и законными способами.

Инфляция в Германии

Германия финансировала свою войну почти полностью за счет займов. Неудивительно, что еще до окончания войны инфляция выросла до неимоверных размеров. Напечатали около девяноста миллиардов марок, в то время как их золотое обеспечение составляло не более трети. Революционное правительство народных уполномоченных еще больше увеличило денежную массу, поскольку другие страны продолжали принимать немецкие банкноты в оплату перевозок продовольствия и сырья. Хотя вскоре после созыва Учредительного собрания был введен федеральный подоходный налог, обращение банкнотов снова увеличилось, поскольку капитал, необходимый немецким промышленным предприятиям, можно было сколотить на кредитах Рейхсбанка. Действительно, немецкая промышленность работала бесперебойно, поскольку — из-за девальвации германской валюты — могла выбрасывать свою продукцию на мировой рынок по низким ценам. Эта процедура нашла поддержку у доктора Хавенштайна, президента немецкого Рейхсбанка. Он прекрасно сознавал, что таким образом ценность марки будет постоянно снижаться, но считал это наилучшим способом доказать миру неспособность Германии вы-

плачивать военные репарации. Многие промышленники воспользовались этой возможностью, учитывая колоссальные переводные векселя в Рейхсбанке и выплачивая их все более и более девальвирующимися банкнотами. На полученные прибыли они не только покупали сырье и платили зарплату рабочим, но приобретали новые предприятия, либо расширяя собственные заводы, либо скупая акции; после чего они объединяли свои предприятия в более крупные концерны. Вследствие этого частные банки и Рейхсбанк Германии теряли все больше своего золотого обеспечения. В начале организованного «пассивного сопротивления» оккупации Рура французскими и бельгийскими войсками немецкой валюте был нанесен смертельный удар. Колоссальная стоимость этой борьбы безусловно покрывалась не доходами от налогообложения, а с помощью печатания новых банкнотов. К концу сопротивления трудящиеся начали бунтовать, поскольку на те деньги, что мужья приносили домой вечером, наутро жены рабочих не могли купить на рынках никакой еды. Чтобы рабочие не сожгли заводы, промышленникам и муниципалитетам пришлось создать чрезвычайную валюту на фиктивном золотом базисе. В общем правительство было вынуждено перейти к стабилизации валюты, что ему и удалось с помощью иностранных правительств. В ноябре 1923 года официальная стоимость американского доллара была установлена на уровне в сорок два миллиарда марок!

Оккупация Рура

Германия обязалась выплачивать союзным державам военные репарации в форме денежных платежей и товарных поставок. С самого начала большинство немцев было убеждено, что выполнить все обязательства Германии практически невозможно, особенно в отношении товаров. Канцлер Куно и его кабинет стремились достичь нового соглашения по обязательствам Германии. Француз-

ское правительство уже пригрозило, что, если Германия задержит платежи, Франция воспользуется правом, полученным по мирному договору, и оккупирует Рурский регион, самый важный промышленный район Германии. Все предложения, выдвинутые кабинетом Куно, были отвергнуты. Члены кабинета постепенно укрепились во мнении, что «ужасный конец» в виде оккупации Рура предпочтительнее «бесконечного ужаса», то есть статус-кво. Более того, члены кабинета считали, что получили надежную информацию о том, что Англия не позволит Франции перейти к жестким военным мерам. В конце концов комиссия по репарациям действительно заявила, что Германия затягивает выполнение своих обязательств, поскольку не поставила около сотни тысяч деревянных телеграфных столбов. Несмотря на незначительность повода, французские и бельгийские войска вошли в Рурский регион в конце 1922 года, причем никто из союзников этому не препятствовал. Немецкое правительство поддержало народное сопротивление оккупации — решение, нашедшее также поддержку всех партий, как коммунистов, так католиков и немецких националистов. Летом 1923 года сопротивление в Руре потерпело неудачу, и кабинет Куно был заменен правительством, которое возглавил Штреземан.

Глава 3
МОЯ ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ГИТЛЕРОМ

В октябре 1923 года, после окончания пассивного сопротивления, я отправился в Мюнхен, где нанес визит генералу Эриху Людендорфу, с которым познакомился в отцовском доме во время войны. Я всегда восхищался Людендорфом. Под влиянием второй жены он в последние годы активно выступал против католицизма и чуть не стал основателем новой религии. Однако во время последней болезни, когда он лежал в католической больнице Мюнхена, за ним ухаживали монахини, и, как мне

рассказали, он каждый день заказывал цветы для украшения алтаря.

После революции 1918 года патриоты высоко чтили генерала Людендорфа. Будучи пруссаком, он через два года после войны переехал в столицу Баварии, где поселился с сестрой и продолжил работу над мемуарами, не отрываясь от политической жизни. Когда Рур был оккупирован, Хуго Штиннес связался с Людендорфом, и тот поехал в Берлин, надеясь с помощью правительства и генерала фон Зекта организовать военное сопротивление оккупантам. Но и генерал фон Зект, в то время главнокомандующий немецкой армией, и правительство рейха уклонились от его предложения, и, как мне кажется, не без причины, ибо в том положении, в котором оказалась Германия, военное сопротивление лишь усугубило бы катастрофу.

Опыт организованного мною пассивного сопротивления и более поздний опыт нацистов в Чехословакии продемонстрировали, что население, систематически противопоставляющее насилию незащищенную пассивность, лишает военщину всех возможностей действовать. Военные могут убивать, но не могут принудить к подчинению население, которое им не сопротивляется.

Сразу же после рурского конфликта меня попросили возглавить правительство рейха, сменившее кабинет Вильгельма Куно, который все считали слишком слабым. С этой просьбой ко мне обратился доктор Класс, лидер Пангерманского союза. Он предложил мне воспользоваться авторитетом, заработанным в период оккупации Рура, и возродить национальную контрреволюцию, не удавшуюся Каппу в 1920 году. Я ответил доктору Классу так: «Я — промышленник. Как промышленник и патриот, я организовал пассивное сопротивление. Я не политик. Я хочу служить своей стране, просто исполняя свой долг».

Я отправился к Людендорфу главным образом с визитом вежливости, но также хотел обсудить с ним серьезные вопросы, касающиеся судеб страны и волновавшие

тогда нас обоих. К моему сожалению, в то время в Германии не было личностей, чей глубокий патриотизм помог бы улучшить ситуацию.

«У нас остается всего одна надежда, — сказал мне Людендорф, — и эта надежда возлагается на патриотические группы, стремящиеся к возрождению страны». Он особенно порекомендовал мне Пангерманский союз и, прежде всего, национал-социалистическую партию Адольфа Гитлера. Все эти союзы были объединениями молодых людей и ветеранов мировой войны, полных решимости бороться с социализмом, как причиной всех беспорядков. Людендорф искренне восхищался Гитлером: «Он — единственный человек, обладающий политическим чутьем. Как-нибудь сходите и послушайте его».

Я последовал этому совету. Посетил несколько публичных собраний, организованных Гитлером. Именно тогда я оценил его ораторский дар и способность вести за собой массы. Однако более всего меня поразил царивший на его собраниях порядок, почти военная дисциплина его сторонников.

Несколько дней спустя я познакомился с Гитлером в доме доктора Макса Эрвина фон Шёбнер-Рихтера, молодого аристократа из Прибалтики, бежавшего в Германию после большевистской революции. Обаятельный хозяин послужил посредником между Гитлером и инициировавшим нашу встречу Людендорфом. Разговор шел о политике.

Бушевала инфляция. Денежная масса, печатаемая рейхом, провинциями и имеющими самоуправление районами, обесценивалась с каждым днем. Правительство в Берлине находилось в бедственном положении. Финансовый кризис. Власть рушилась. В Саксонии сформировалось коммунистическое правительство и воцарился красный террор, организованный Максом Хёльцем. В Гамбурге вспыхнуло коммунистическое восстание. Говорят, что были убиты сотни человек. Вслед за Саксонией коммунистическое правительство пришло к власти в Тюрингии. В Рейнской области восстания сепаратистов, более или менее открыто финансируемые оккупационной армией,

вспыхнули в Дюссельдорфе, Экс-ла-Шапеле, Майнце и Пфальце. Немецкий рейх, прошедший испытания войной и поражением, вот-вот мог рухнуть.

Посреди всего этого хаоса Бавария казалась последним оплотом порядка и патриотизма. Именно в Мюнхене революция 1918 года произвела наибольшие разрушения. Правительство Курта Эйснера[1], красный террор и казнь заложников произвели на жителей неизгладимое впечатление. Однако Бавария оправилась первой из всех германских государств. Католическое правительство, поддержанное большинством баварцев, сумело ликвидировать революцию. Мюнхен стал центром всех, кто стремился восстановить дисциплину и власть. В Берлине преемником канцлера Куно стал Густав Штреземан. Он положил конец пассивному сопротивлению и пытался достичь согласия с Францией. Его политику подвергали жестокой критике. Патриотические союзы считали ее изменой Германии. Консерваторы и католики Баварии с тревогой следили за развитием радикализма в Германии.

Мало-помалу в Мюнхене стал формироваться новый политический курс. Говорили, что, если Германия распадется на части, Бавария останется ядром порядка, откуда начнется восстановление всей страны. Баварское правительство открыто заявило, что отныне не признает Версальский договор, нарушенный Пуанкаре, и объявило на своей территории чрезвычайное положение.

Расквартированный в Баварии армейский корпус под командованием баварца генерала фон Лоссова отказался выполнять приказы Берлина и перешел на службу к баварскому правительству. В ответ на меры берлинского правительства Бавария обзавелась главой государства в лице Густава фон Кара, объявившего себя генеральным комиссаром Баварии. Это было открытым неповиновением Берлину. Старый фельдмаршал фон Гинденбург, как раз проводивший отпуск в своем поместье в Дитрамс-

---

[1] Независимый социалист Курт Эйснер был премьером Баварии, в 1919 году его убил граф фон Арко, молодой «патриот»-националист. (*Примеч. пер.*)

целле в Баварских Альпах, послал баварскому правительству телеграмму с предупреждением против непоправимых действий и советом обдумать союз с рейхом. Несколько дней спустя баварское правительство официально заявило, что баварцы — самые лояльные немцы, но они разорвали дипломатические отношения с коммунистической Саксонией.

В такой атмосфере состоялась моя первая встреча с Гитлером. Не могу точно вспомнить, какой линии каждый из нас придерживался в том разговоре, однако помню общее содержание. И Людендорф, и Гитлер считали необходимой военную экспедицию против Саксонии с целью свержения коммунистического правительства доктора Цейгенера и в конечном счете уничтожения веймарской демократии, слабость коей вела Германию к анархии.

Средств не хватало. Людендорф принял гонорар за интервью корреспондентам американских газет, что, как он сказал мне, не слишком улучшило его финансовое положение. К тому времени он уже добился помощи от нескольких промышленников, в частности от господина Минноукса из фирмы Штиннеса. Я же передал ему около ста тысяч золотых марок. Это был мой первый вклад в национал-социалистическую партию. Однако эти деньги я передавал не Гитлеру и не Шёбнер-Рихтеру, казначею «Кампфбунда» (военно-патриотической организации, руководимой Гитлером), а лично Людендорфу, который, как я надеялся, использовал бы их наилучшим образом. Я не вдавался в детали планов Людендорфа и Гитлера. Я уже говорил, что не желал вмешиваться в политику. Я воспользовался поездкой в Мюнхен, чтобы посетить господина фон Кара, практически главу баварского государства.

Будучи доверенным лицом кронпринца Рупрехта, Кар считал, что необходимо как можно скорее восстановить династию Виттельсбахов на баварском троне. Баварская династия никогда не отрекалась от престола. Когда разразилась революция 1918 года, король Людвиг III покинул свою страну, уполномочив офицеров и чиновников

поддерживать новый порядок. После эксцессов, допущенных красным правительством, большинство баварцев снова стало монархистами. Первым делом Кар хотел восстановить правление Виттельсбахов, а там, кто знает, один из Виттельсбахов стал бы императором Германии или, по меньшей мере, католической Германии, к которой присоединились бы западные провинции Австрии. Сюда не вошла бы Вена, красная цитадель, где у власти находились социалисты.

Таковой была ситуация в Мюнхене осенью 1923 года. Политическое воображение вырвалось на свободу. Повсюду маячили бесконечные возможности. Лично у меня не было никаких амбиций; я не собирался играть никакой роли в этом движении. На первое место я ставил свой долг промышленника, а это само по себе тяжкое бремя. Как только мы навели бы порядок, необходимо было избавиться от разрушений, нанесенных войной и революцией; возродить Германию.

Людендорф и его союзники, патриотические союзы занялись политическим оздоровлением Германии. Я материально поддерживал их, но не хотел принимать участие в политической жизни.

К тому же я тогда не сознавал важной роли Адольфа Гитлера, лидера национал-социалистов. Несомненно, он был хорошим оратором — политическим агитатором, умевшим зажигать своими речами массы, но не более того. Двумя главными фигурами я считал Людендорфа и Кара. Я ничего не знал об их глубоких разногласиях по вопросу восстановления баварской монархии. Людендорф был личным врагом кронпринца Рупрехта по причинам, уходящим корнями к периоду мировой войны. Однако все это я узнал гораздо позже.

Подлинные факты, касающиеся гитлеровского путча 9 ноября 1923 года, так никогда и не были полностью раскрыты. Похоже, что у главных фигур того неудавшегося переворота — Людендорфа, Кара, Гитлера и генерала фон Лоссова — были разные намерения. Этим, видимо, объясняется отсутствие согласия в день путча.

Однако я помню очень красноречивую деталь, которая может заинтересовать будущих историков.

Генерал фон Зект, тогда еще командовавший рейхсвером в Берлине, в те кризисные недели прислал в Мюнхен свою жену. Она вернулась в Берлин только после 9 ноября. Зект выразил протест баварскому правительству, когда последнее переподчинило себе войска генерала фон Лоссова, расквартированные в Баварии. Вел ли он двойную игру? Он не поддержал попытку переворота Каппа в 1920 году, окончившуюся неудачей из-за бездействия армии. Не планировал ли он теперь — в 1923 году — устроить свой собственный переворот и искал поддержку у баварцев? Пожалуй, присутствие в Мюнхене фрау фон Зект подтверждает это объяснение. Если так, то торопливость Гитлера определила провал всего плана.

Решение о походе баварской армии и вооруженных политических союзов против коммунистических Тюрингии и Саксонии было принято в Мюнхене, но претворил его в жизнь Берлин. Армейский корпус, квартировавший в Саксонии, получил приказ выдвинуться к Дрездену и свергнуть правительство Цейгенера. Армия с энтузиазмом выполнила поставленную задачу. После Саксонии настала очередь Тюрингии. Оба красных правительства подали в отставку. Крупный политический проект, созданный в Мюнхене, потерял актуальность.

Тем не менее Гитлер решил выступить. Кар и Людендорф возражали против его плана. Всем известно, что Гитлер заставил генерального комиссара согласиться под дулом револьвера. Людендорфа поставили в известность лишь в последний момент, но он встал во главе демонстрации, продефилировавшей по улицам Мюнхена на следующее утро. Авантюра закончилась плачевно. Полиция стреляла по демонстрантам, четырнадцать человек были убиты, среди них Шёбнер-Рихтер, с которым я встречался всего несколькими днями ранее. Людендорф гордо вышагивал под пулями, свистевшими рядом с его головой. Гитлер бежал в Уффинг близ Мюнхена, где через два дня и был арестован.

На следующий день я отправился повидать Людендорфа. Он удивился: «Как вы отважились прийти ко мне после вчерашнего? Все обвиняют меня в государственной измене».

Людендорф так и не объяснил мне, почему присоединился к акции, которую не одобрял. По моему мнению, он не уклонился лишь потому, что был связан офицерской присягой и считал себя обязанным принять участие в демонстрации. Кроме того, мюнхенский трибунал, осудивший заговорщиков 9 ноября, оправдал Людендорфа, ибо его вину в подготовке заговора не смогли доказать.

Генерал фон Зект, генерал фон Лоссов, генеральный комиссар фон Кар и баварское правительство хотели сформировать в Баварии правое правительство. Безусловно, они расходились в деталях претворения в жизнь своего плана, но в целом речь шла о повторении того, что пытался сделать Капп в Берлине. Только на этот раз в надежде на удачу переворот затеяли в Мюнхене с монархически настроенным населением. Однако Гитлер стремился к одному — личному захвату власти.

Никогда больше Людендорф не упоминал при мне Гитлера. Я так и не узнал, почему он порвал с нацистским лидером, которого так расхваливал при нашей встрече перед Мюнхенским путчем. Что касается господина фон Кара, то впоследствии он отошел от политики, что не помешало Гитлеру казнить его, семидесятидвухлетнего, 30 июня 1934 года.

Глава 4
БОРЬБА С ПЛАНОМ ЯНГА

Я выступаю в защиту франко-германского согласия

Я финансировал национал-социалистическую партию по одной конкретной причине: я верил, что план Янга сулит Германии катастрофу. Я был убежден в необходимо-

сти объединения всех правых партий и верил в возможность соглашения на разумных договоренностях. С этой целью я и вел переговоры со «Стальным шлемом» (организацией патриотов-ветеранов мировой войны) и молодежными группами немецкой национальной народной партии — вел по наущению Гитлера и Геринга. Герман Геринг выразил желание переподчинить национал-социалистические штурмовые отряды (известные как СА) «Стальному шлему». Он всегда опасался, что СА плохо кончат.

Одним из основателей и главным организатором отрядов СА был Эрнст Рём, бывший офицер имперской армии, позднее руководитель штаба СА и ближайший соратник самого Адольфа Гитлера. Рём был военным авантюристом. Долгое время он прожил в Южной Америке, где занимался реорганизацией боливийской армии. Впечатления и опыт, полученные в Южной Америке, сформировали идеологическую основу отрядов СА. Они стали отрядами вооруженных наемников, чья главная цель — готовность к действию в случае революционных переворотов. Геринг боялся, что мораль штурмовиков окажется препятствием на пути любой конструктивной политики.

Я обратился к национал-социалистической партии лишь после того, как убедился, что ради спасения Германии от полной катастрофы борьба с планом Янга[1] неизбежна. Я никоим образом не был противником плана Дауэса[1], поскольку этот план предлагал систему репарационных выплат в основном товарами, тогда как по плану Янга репарационные поставки полностью заменялись денежными выплатами. По моему мнению, образовавшийся финансовый долг непременно разрушил бы всю экономику рейха. Вальтер Ратенау[2] также считал это бе-

---

[1] См. исторические примечания в конце главы.

[2] В а л ь т е р Р а т е н а у, выдающийся немецкий либерал еврейского происхождения, государственный деятель и экономист, глава одного из крупнейших германских электрических концернов AEG, разработал систему нормирования продуктов и прочего в военный период и организовал экономное использование военных ресурсов как ответ на

дой, разделяя мнение о том, что Германия может расплачиваться лишь производимыми товарами.

Одним из наших представителей в экспертной комиссии, проводившей в Париже предварительные переговоры относительно пересмотра плана Дауэса, был Фёглер, генеральный директор металлургического концерна в Гельзенкирхене. Эти парижские переговоры были прерваны; Фёглер и Ялмар Шахт, президент Рейхсбанка, вернулись в Германию, так как обоих обуревали дурные предчувствия насчет предложенного плана. В конце концов Фёглер не подписал новые предложения, ставшие основой плана Янга, и я должен признать, что сделал все возможное, дабы убедить его в обоснованности его опасений.

Моя позиция определилась в большой степени тем, что я узнал от одного американского банкира и Фёглера. Я имею в виду мистера Кларенса Диллона из фирмы «Диллон, Рид и К°», еврея, с которым меня связывали самые дружеские отношения. Мистер Диллон недвусмысленно сказал: «Если вам нужен мой совет, не подписывайте». Я не забыл его слов и всегда испытывал особую благодарность за совет, идущий вразрез с его собственными интересами, но на благо Германии.

Любой здравомыслящий человек понимал, что по плану Янга залогом выполнения обязательств Германии служило все ее национальное богатство. В результате в Германию непременно хлынул бы американский капитал. Отдельные группы в Германии пытались своевременно освободить свою собственность от непомерного заклада. В этой связи я припоминаю следующие предприятия, образующие часть электрической индустрии: AEG (один из двух ведущих немецких электрических концернов), SOFINA и электротехнический концерн «Фельтен унд Гийом». Акции этих компаний были в это

британскую блокаду. По сложившемуся мнению, это спасло Германию от преждевременной капитуляции. Министр иностранных дел в послевоенный период; жестоко убит нацистскими головорезами. (*Примеч. первого изд.*)

время проданы франко-бельгийской холдинговой компании, которая с тех пор ими и владеет. Подобные действия были неправильными, ибо означали начало финансовой ликвидации Германии. Гораздо полезнее было бы, если бы промышленники сопротивлялись, опираясь на принцип всей Версальской системы и, особенно, плана Янга.

Более того, необходимо отметить, что весь этот замысел США, так сильно повлиявший на детали плана Янга, дал очень плохие результаты в самой Америке. Ибо и там тоже многие немецкие концерны были преобразованы в корпорации, а их акции выброшены на свободный рынок. Сейчас акции этих американских компаний стоят всего лишь четверть их первоначальной цены. Это принесло большую выгоду банкирам, но по сути вызвало денежную инфляцию, сильно превышающую обычную прибыль деловой операции. То был период, когда люди теряли всякое представление о разумной прибыли. Не следует забывать, что сам план Янга оценивался в астрономическую сумму — двадцать миллиардов долларов.

План Янга был одной из главных причин подъема национал-социализма в Германии. Конечно, этому способствовала радикальная агитация Альфреда Гугенберга. Верно и то, что Гитлера не назначили бы канцлером — по меньшей мере, не так скоро, — если бы не интриги Франца фон Папена. Но тем не менее были и более глубокие причины: опасность коммунизма в Германии, оккупация Рура французами и бельгийцами и, наконец, план Янга.

Вскоре после решения рурской проблемы я поехал в Париж. Это было задолго до Локарно, в те дни, когда непреклонный Раймон Пуанкаре еще был премьер-министром Франции. Я неоднократно беседовал с французскими министрами, включая Аристида Бриана, который в 1925 году стал министром иностранных дел. Сначала мне казалось, что моя миссия будет удачной, хотя французский министр торговли заставил меня прождать полчаса в приемной. Бриан, наоборот, был очень вежлив и все-

гда принимал меня сразу же. К несчастью, ситуация в целом оставалась весьма напряженной. По Парижу ходили слухи, что французский Генеральный штаб не согласен с политикой сближения, проводимой Брианом.

И все же я всячески старался способствовать налаживанию взаимопонимания через франко-германское общество, одним из основателей которого являлся. Однако напряжение не ослабевало, и жуткий случай в Гермерсхайме в Пфальце вызвал новые волнения. Хотели организовать еще несколько конференций, но это оказалось невозможным. Все это происходило до того, как на Локарнской конференции началась новая серия переговоров, провозглашенная началом новой эры доброй воли.

Если бы германское правительство того периода не приняло план Янга, наверняка можно было бы многое сделать и достичь более благоприятных результатов. Тем не менее причиной трудностей того периода была серьезная психологическая ошибка немецкой стороны. В тот момент Германия действительно оказалась в трудной ситуации, но именно в трудных ситуациях нельзя идти на компромиссы по основополагающим вопросам. Сопротивление было возможным даже тогда, когда американцы сказали: «Ради бога, не делайте это!» Денежные выплаты были просто невозможны, ибо деньги нельзя производить, как товары.

Возвышению национал-социалистов способствовали также ошибки других партий. Я уже упоминал о том, как национал-социалисты склонили меня к переговорам со «Стальным шлемом» с целью переподчинить отряды СА верховному командованию «Стального шлема». Я целую ночь проговорил с майором Дюстербергом, руководителем «Стального шлема», но в конце концов он отверг предложение национал-социалистов. Национал-социалисты попытались договориться и с кабинетом канцлера Брюнинга: они, мол, готовы терпеть Брюнинга, не будучи представленными в его правительстве, если канцлер пообещает расстаться с социалистами. Йозеф Геббельс тогда заявил: «Если Брюнинг порвет с социалистами, мы

поддержим его, не входя в его правительство». Это предложение было отвергнуто, хотя его следовало бы принять.

Благодаря своей необыкновенной ловкости Гитлер сумел использовать уязвленный патриотизм немецкого народа в личных целях. Народ, обладающий такими историческими традициями, как немцы, невозможно превратить в послушную овечку. Если бы социал-демократы были более патриотичными, они смогли бы сделать свою партию сильнейшей в стране. Один социал-демократический министр рейха Густав Носке был националистом. Если бы Отто Браун, социал-демократический премьер Пруссии, оказался хоть чуточку умнее!

Версальский договор, с экономической точки зрения, был ошибочным, а план Янга являлся непосредственным развитием принципов, лежавших в его основе. Именно по этой причине я вошел в состав комитета, собиравшегося объявить плебисцит по проблеме плана Янга до его принятия. Я знаю, что многие считали, будто именно радикальная агитация против плана Янга позволила Гитлеру привести свою партию к власти. И я также знаю, что в определенных кругах Франции движение против плана Янга рассматривалось как возрождение желания отомстить. Но у меня подобного чувства в этой связи никогда не возникало и не могло возникнуть, несмотря на заявления, которые неоднократно делал в то время Гитлер.

Сейчас уже ясно, что Гитлер играл не по правилам, вел себя вероломно, но в те первые годы он постоянно подчеркивал, что отказался от мысли отомстить Франции. Несмотря на все написанное в своей книге «Майн кампф» (на которую тогда не обратили особого внимания), он регулярно повторял: «Мы больше не конфликтуем с Францией. Мы хотим забыть обо всем. Нелепо всегда помнить о населении Эльзаса и Лотарингии. Конечно, население Эльзаса — немецкоговорящее, но по высоким политическим мотивам от Эльзас-Лотарингии можно отказаться». (Точно так же, чтобы произвести впечатление на Италию, Гитлер отказался от Южного Тироля, населенного главным образом немцами.)

Лично я всегда считал франко-германское сближение более важным, чем англо-германское, во всяком случае в целях умиротворения Европы. Англия традиционно желала рассорить страны Европейского континента. Я всегда считал, что Наполеон — как и Карл Великий — хотел объединить Европу, и, хотя в немецких учебниках истории Наполеона всегда представляют как человека, стремившегося господствовать над Европой, я верю, что он руководствовался более высокими помыслами.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

План Дауэса

После подавления сопротивления в Руре и краха немецкого денежного обращения, вызванного инфляцией, канцлер Штреземан добился согласия Комиссии по репарациям на иностранную помощь в целях реабилитации немецкого Рейхсбанка и немецкой валюты. Более того, он вырвал обещание перевести все финансовые обязательства Германии в другую форму. В ноябре 1923 года для исследования ситуации в Германии и составления предложений по новым способам платежей была сформирована экспертная комиссия под руководством американца Чарлза Дауэса. Результатом ее работы стал так называемый «план Дауэса», принятый рейхом 16 апреля 1924 года. Согласно этому плану, Германии был открыт иностранный золотой кредит в 800 миллионов марок для формирования нового золотого запаса Рейхсбанка. Таким образом получивший прочную основу Рейхсбанк оказывался под контролем иностранной финансовой системы. Иностранный заем обеспечивался закладом немецких железных дорог и ценных бумаг некоторых немецких предприятий, а также транспортным и другими налогами. Постоянная иностранная контрольная комиссия, разместившаяся в Берлине, должна была следить за немецким бюджетом и функционированием заложенных

предприятий. План Дауэса не фиксировал общую сумму обязательств Германии, и действительно, было бы сложно договориться о какой-либо точной сумме. План Дауэса просто определил способ выплат. Было решено, что в течение пяти лет Германия будет вносить ежегодные платежи, начав с одного миллиарда золотых марок и постепенно, к пятому году, увеличив их до двух с половиной миллиардов. Если после 1928 года цена золота поднимется или упадет на десять процентов, обязательства Германии следовало пересмотреть. Каждый год обязательства Германии считались бы выполненными, если бы ежегодные платежи вручались главному представителю Комиссии по репарациям в Берлине. Затем он должен был конвертировать полученную от Германии сумму в иностранную валюту и распределять ее между союзными державами, выступавшими против Германии и ее союзников в мировой войне. После того как план Дауэса был утвержден на международной конференции в Лондоне, а Германия приняла необходимые законы, был выделен заем Дауэса — сто миллионов долларов в США, остальное в Европе.

План Янга

Условия плана Дауэса выполнялись вплоть до 1928 года, первого года мирового экономического кризиса, серьезно повлиявшего на экономическое положение Германии. По условию соглашений Дауэса Германия должна была потребовать пересмотра плана. По просьбе Германии летом 1928 года в Париже была созвана еще одна экспертная комиссия опять же под председательством американца, Оуэна Д. Янга. Он предложил новый план, «план Янга», который был принят 31 августа 1929 года на международной конференции в Гааге. Ежегодные платежи Германии были значительно сокращены, однако отныне их требовалось выплачивать только валютой. Основное различие между планом Дауэса и планом Янга

состояло в том, что последний не учитывал политических аспектов соглашений и основывался лишь на экономической необходимости. Кроме всего прочего, отменялся международный контроль за бюджетом Германии и данными Германией обязательствами. Заложенные предприятия освобождались от залога, а генерального агента Комиссии по репарациям сменял Банк международных расчетов в Базеле, Швейцария. Этот банк был основан правительственными банками всех союзных держав и немецкого Рейхсбанка.

Когда начал проводиться в жизнь план Янга, ряду немецких частных банков пришлось приостановить платежи, так как они были не в состоянии выполнять требования американских банков по возвращению предоставленных им кредитов. Экономическое положение Германии казалось настолько плачевным, что о дальнейших выплатах военных репараций в настоящий момент и речи не шло. Президент Гувер уступил требованию Германии и объявил мораторий на один год, поддержанный и другими заинтересованными державами. Год спустя, в 1932 году, на международной конференции в Лозанне канцлер фон Папен добился еще одной уступки, а именно освобождения Германии от всех обязательств после окончательного платежа в один миллиард золотых марок.

Существуют серьезные разногласия относительно общих сумм, выплаченных Германией в качестве военных репараций. По самым низким оценкам ненемецких экспертов, эта сумма составляет двенадцать миллиардов марок, тогда как, по самым высоким оценкам внутри Германии, речь идет о сорока четырех миллиардах марок. Однако сумма, озвученная Германией, состоит не только из фактических платежей, но и из денежного выражения уступки Эльзас-Лотарингии, Верхней Силезии, немецких колоний, а также приблизительной стоимости частной немецкой собственности за границей, доходов от которой Германия лишилась по условиям Версальского договора.

Глава 5
МОИ ЛИЧНЫЕ И ФИНАНСОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ С НАЦИСТСКОЙ ПАРТИЕЙ

Поддержка партии тяжелой индустрией

Я вступил в национал-социалистическую партию только в декабре 1931 года. Это случилось после моего участия в массовом собрании в Гарцбурге, на котором Альфред Гугенберг, лидер Немецкой национальной народной партии, и Гитлер, лидер Немецкой национал-социалистической рабочей партии, объявили о сотрудничестве между обеими партиями. Немецкая национальная народная партия была наследницей старой имперской консервативной партии. Немецкая национал-социалистическая рабочая партия — официальное название национал-социалистов, обычно называемых нацистами. В том, что это партнерство не стало настоящим союзом, который мог бы продлиться и после назначения Гитлера рейхсканцлером, Гугенберг, пожалуй, виноват больше Гитлера. Лично я с энтузиазмом работал на немецких националистов, но в конце концов разошелся с их лидером. Даже когда я еще был членом Немецкой национальной партии, взгляды национал-социалистов были мне близки. Я считал их благоразумными и практичными.

Как я уже упоминал, я познакомился с Адольфом Гитлером в Мюнхене, еще будучи членом Немецкой национальной партии. Я не завязывал с ним более близких отношений еще некоторое время, да и после мы так и не стали друзьями.

Личным посредником между мной и нацистами стал Рудольф Гесс. Он приехал ко мне в 1928 году, точнее не помню, по инициативе тайного советника Кирдорфа, с которым я находился в дружеских отношениях. Кирдорф в течение многих лет занимал пост генерального директора Рейнско-Вестфальского угольного синдиката. Гесс объяснил мне, что нацисты купили «Коричневый дом» в Мюнхене и не могут наскрести средства на его оплату. Я

предоставил Гессу необходимые суммы, поставив условия, кои он так никогда и не выполнил. Я ни в коем случае не желал преподносить нацистам подарок; я просто организовал через банки иностранный кредит для национал-социалистической партии. Гесс тогда получил деньги, которые обязался вернуть, однако он вернул лишь небольшую их часть; за остальное мне просто пришлось «подтвердить получение».

Тайный советник Кирдорф вступил в ряды национал-социалистической партии задолго до меня. Его важная роль в Германии всегда довольно сильно преувеличивалась. Даже создание угольного синдиката, благодаря которому его имя стало известно за пределами Германии, нельзя приписать ему одному; основателем синдиката был и его коллега Ункель. Правда, Кирдорф был первым президентом синдиката и в отношениях с внешним миром занимал господствующую позицию. В те времена, когда кайзер Вильгельм II ввел свои первые законы по социальному обеспечению, Кирдорф яростно выступил против политики императора. В глубине души он был реакционером, хотя его ни в коем случае нельзя назвать недобрым. Он просто имел плохую привычку в приступе гнева быстро принимать решение. Во время своей знаменитой ссоры с кайзером он назвал маленький замок, где тот жил, «полем битвы».

Кирдорф не всегда поддерживал хорошие отношения с Гитлером. Как-то он написал Гитлеру письмо, которое отдал мне для личного вручения адресату. Он боялся, что иначе послание может не достичь цели, так как персонал Гитлера частенько придерживал неприятные письма. В этом письме Кирдорф выступал против преследования евреев, продолжавшегося в Германии в 1933 году. Так уж случилось, что своей успешной карьерой Кирдорф во многом был обязан евреям. Несмотря на это, он тогда уже оказывал огромную финансовую помощь нацистам. Кирдорф также отрекся от официальной церкви, причем еще до того, как нацисты пришли к власти. Однако, боясь смерти, он уступил Матильде фон Людендорф (жене

генерала) и перешел в основанную ею новоязыческую церковь «Источник немецкой силы».

Кирдорф умер в почти девяностолетнем возрасте. Я присутствовал на его похоронах. Ужасное зрелище. Эффектно накрытый нацистским флагом гроб; очень неискренняя речь рейхсминистра экономики доктора Вальтера Функа, целиком состоявшая из льстивого восхваления присутствовавшего на похоронах Гитлера. В конце исполнили партийный гимн «Хорст Вессель». Я уехал сразу же после церемонии. Гитлер покидал похороны в то же время, и я спрятался за деревом, чтобы он меня не заметил. Я видел, как фюрер встал в своем автомобиле, явно ожидая оваций собравшихся рабочих, но поскольку никакой подготовки к демонстрации не провели, то зрелище было плачевным, не говоря уж о смехотворно напыщенной позе Гитлера. Я пожалел старину Кирдорфа; он заслужил лучших похорон.

Расскажу о своем знакомстве с Германом Герингом. Однажды ко мне пришел сын одного из директоров моих угольных компаний, некий господин Тенгельман, и сказал: «Послушайте, в Берлине живет некто Геринг. Он изо всех сил старается принести пользу немецкому народу, но немецкие промышленники его почти не поддерживают. Не могли бы вы с ним познакомиться?» Через некоторое время я встретился с Герингом. В те дни он жил в крохотной квартирке и отчаянно пытался похудеть. Я оплатил ему стоимость лечения.

Тогда Геринг казался весьма приятным человеком, очень здравомыслящим в политических вопросах. Я также познакомился с его первой женой Карин, урожденной шведской графиней. Она была очаровательной женщиной и не проявляла никаких признаков психического расстройства, омрачившего последние годы ее жизни. Геринг поклонялся ей, и только ей удавалось укрощать его, словно он был молодым львом. Она также имела на него огромное влияние. После ее смерти Геринг превратил свое поместье Каринхалле в фантастический памятник первой жене.

Гитлера же я в следующий раз увидел в Мюнхене, на собрании по вопросу плана Янга. Позже я иногда встречался с ним в доме Геринга, но никогда не посещал его ни в Оберзальцберге, ни в «Коричневом доме». Однажды Гитлер, Гесс и Рём ночевали в доме моего покойного отца. Этим, пожалуй, и исчерпывались наши отношения.

Тем не менее я действительно связал Гитлера со всеми рейнско-вестфальскими промышленниками. Общеизвестно, что 27 января 1932 года — почти за год до прихода к власти — Адольф Гитлер произнес речь, длившуюся два с половиной часа, в «Индустриклубе» в Дюссельдорфе. Речь произвела глубокое впечатление на собравшихся промышленников, и в результате в кассу национал-социалистической партии хлынули крупные вливания из промышленных концернов.

Подготовительные мероприятия к этой «исторической» речи не стоят упоминания. Поначалу я вовсе не собирался давать Гитлеру слово. Обращение национал-социалистов к собранию не было предусмотрено. Наоборот, комитет «Индустриклуба» разрешил произнести речь одному социал-демократу, что сильно взволновало членов комитета, и многие пригрозили подать в отставку. На очень бурном заседании комитета я сказал, что есть лишь один способ исправить ошибку, а именно пригласить выступить на собрании кого-нибудь из национал-социалистов. Это предложение было одобрено.

Однако, выдвигая свое предложение, я думал не об Адольфе Гитлере, а о Грегоре Штрассере, ибо именно Штрассер был в те дни самой популярной фигурой из национал-социалистов в Рейнской области. Он был образованным человеком, фармацевтом по профессии; его принимали всерьез, несмотря на его национал-социалистические взгляды. Со Штрассером можно было поспорить, и он не производил такого неприятного впечатления, как, например, доктор Роберт Лей, который в то время издавал газету в Кельне, а сейчас является руководителем Германского рабочего фронта. Поэтому я по-

просил Штрассера произнести речь в Дюссельдорфском клубе, но вскоре после этого случайно встретился в Берлине с Адольфом Гитлером. Когда я упомянул о планируемом выступлении перед Дюссельдорфским «Индустриклубом», он сказал: «Думаю, мне лучше приехать самому». Я согласился, и именно из-за этого приглашения Гитлера хорошо узнали в Рейнской области (Рейнланде) и Вестфалии. Я не видел в этом приглашении никакой политической значимости, но Гитлер, без сомнения, сразу же понял политическую ценность предоставленной мною возможности.

Мой полный личный вклад в национал-социалистическую партию составил один миллион марок. Не более того. Моя поддержка сильно преувеличена, поскольку я всегда считался богатейшим человеком в Германии. Но что же, в конце концов, означает владение заводами? Уверяю, вовсе не то, что хозяин имеет много наличных денег, чтобы поделиться. В любом случае, у Гитлера были и другие финансовые источники. Например, знаменитый издатель Брукман из Мюнхена и Карл Бехштейн, всемирно известный производитель роялей из Берлина, давали нацистам большие денежные суммы. Кроме этого, Гитлер получил небольшие субсидии от отдельных промышленников.

Крупные промышленные корпорации начали спонсировать нацистов только в последние перед их приходом к власти годы. Деньги передавались не напрямую Гитлеру, а доктору Альфреду Гугенбергу, который предоставил в распоряжение национал-социалистической партии около одной пятой полученных средств. В целом суммы, переданные тяжелой промышленностью нацистам, можно оценить примерно в два миллиона марок в год. Однако следует понимать, что сюда входят лишь добровольные дары, а не различные суммы, которые промышленные предприятия обязаны были предоставлять на многочисленные партийные манифестации.

Я так и не сблизился с Гитлером, видимо, из-за враждебности Рудольфа Гесса и Йозефа Геббельса, министра

пропаганды. Хотя Гесс знал, что я избавил партию от большого долга, связанного с покупкой «Коричневого дома» в Мюнхене, они оба работали против меня. Поскольку они оба были левыми, то с подозрением относились ко мне, как к представителю крупной промышленности. Я также знаю, что и многим другим не нравилась связь Гитлера с тяжелой промышленностью.

Однако симпатии Гитлера не распространялись на промышленников в целом. Фактически, кроме старого Кирдорфа, который, по существу, не был владельцем предприятий тяжелой промышленности, я был единственным представителем этого племени, не боявшимся демонстрировать свои связи. С Круппом фон Болен унд Гальбахом[1], руководителем знаменитых военных заводов, все было совсем не так, как со мной. До захвата власти Гитлером фон Крупп был его жестким противником. Еще за день до того, как президент фон Гинденбург назначил Адольфа Гитлера канцлером, фон Крупп настойчиво предостерегал старого фельдмаршала против этого шага. Однако как только Гитлер пришел к власти, фон Крупп стал одним из самых преданных сторонников его партии. Я говорю это ни в коем случае не для того, чтобы бросить тень на господина фон Круппа. В любом случае, это не преуменьшает мою собственную ошибку. Я чистосердечно признаю, что, поверив Адольфу Гитлеру, совершил колоссальную ошибку. Просто было бы гораздо лучше, если бы и господин фон Крупп смог заставить себя признать свою ошибку.

Делая это признание, я должен еще и еще раз подчеркнуть — не в качестве безусловного, но частичного оправдания, — что источником неприятностей являлась не сама нацистская партия, а некоторые ее представители, в чем главным образом виноват партийный лидер. Он удерживал в партии всех руководителей безотносительно их характера, и они могли делать все, что угодно. Гаулейтер, чьи функции в партийной организации

---

[1] См. исторические примечания.

примерно соответствуют полномочиям окружного управляющего в структуре государства, сегодня священен и неприкосновенен.

Это разрушит партию, ибо ни одна страна не может процветать в подобных условиях. В каждой системе, даже коммунистической, лидер должен нести ответственность за порядок. В России Сталину удается сохранять порядок — но уж точно своими особенными методами!

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Заводы Круппа

Корпорация Фридриха Круппа в Эссене всегда была самым известным арсеналом Германии. Еще в 1860-х годах, когда корпорация была частной фирмой, она получила субсидию в пять миллионов талеров от Прусского государства. Вся артиллерия, использованная Пруссией в датской войне 1864 года, войне с Австрией 1866 года и Франко-прусской войне 1870—1871 годов, была произведена на заводах Круппа. После Франко-прусской войны предприятия Круппа разрослись до такой степени, что заняли целые районы города Эссена, население коего увеличилось главным образом за счет рабочих Круппа. Городские власти стали марионетками концерна Круппа. Чтобы выйти на иностранный рынок и конкурировать с французским концерном «Шнейдер-Крезо», Круппы использовали целую армию агентов, завербованных в основном из рядов бывших немецких дипломатов и офицеров. Агенты Круппа вмешивались во внешнюю политику Германии, и вследствие личного влияния Круппов при императорском дворе их агенты часто пользовались услугами немецких дипломатов. Это влияние усилилось после самоубийства старика Фридриха Круппа, сына основателя концерна. Кайзер Вильгельм II был лично заинтересован в браке единственной дочери и наследницы

Круппа с господином фон Боленом унд Гальбахом, в то время незаметным сотрудником министерства иностранных дел, и способствовал ему. Господин фон Болен унд Гальбах, после свадьбы принявший имя Крупп фон Болен унд Гальбах, не был бизнесменом, способным управлять таким концерном. Он превратил концерн в компанию с ограниченной ответственностью, однако все акции остались в семейной собственности и никогда не продавались на открытом рынке. Управление было доверено расширенному совету директоров. После крушения монархии заводы Круппа значительно сократились. Большая часть оставшихся предприятий перешла на производство товаров мирного времени, однако с приходом к власти Гитлера заводы вновь расширились и стали еще больше, чем в имперский период.

Глава 6
ПУТЬ НАЦИСТОВ К ВЛАСТИ

После 2 декабря 1932 года в Германии было сформировано новое правительство во главе с генералом Куртом фон Шлейхером. Шлейхер много лет занимал один из важнейших постов в военном министерстве и, более того, был ближайшим советником министра обороны генерала Вильгельма Гренера. Последний, прежде гражданин государства Вюртемберг, был членом демократического лагеря. Истинным намерением Шлейхера было претворить в жизнь основные пункты национал-социалистической программы, не позволив Гитлеру захватить власть. Известно, однако, что он был не прочь отдать один из постов в министерстве Грегору Штрассеру, специалисту в области социальной политики, выбранному в рейхстаг от национал-социалистической партии.

Как я уже упоминал, Грегор Штрассер был хорошо известен в Рейнланде. К тому времени он как раз провел несколько бесед с ведущими промышленниками, в коих я участия не принимал. Штрассер жил во Франконии, се-

верной части Баварии, однако по происхождению был не франконцем, а истинным баварцем, а потому был особенно популярен в Рейнланде и Вестфалии.

Со стороны могло показаться, что у меня со Штрассером сложились хорошие отношения, но на самом деле он меня недолюбливал. Внутри своей партии он блокировался с крайне левыми и ко мне относился с подозрением из-за моих прошлых связей с Немецкой национальной партией. Поэтому я ничего не знал о содержании его бесед с другими представителями тяжелой промышленности из первых рук. Известия о его многочисленных встречах с генералом фон Шлейхером я получал лишь от членов национал-социалистической партии. Партия с колоссальным подозрением относилась к этим встречам. Их считали предательством Адольфа Гитлера, и я открыто разделял это мнение.

Теперь уже невозможно ответить на вопрос, удалось бы генералу фон Шлейхеру в конце концов сформировать кабинет министров из членов немецкой рабочей партии. Его переговоры со Штрассером казались очень успешными. Мне даже говорили, что Шлейхер рассчитывает на поддержку части социал-демократических профсоюзов. Он явно стремился отколоть профсоюзы от партий, что в случае с национал-социалистической партией привело бы к естественному разделению партии на две части.

В то время я послал Рудольфу Гессу копию своего письма секретарю одного рейнского промышленного предприятия, в котором выражал мнение о недостойности методов, которые Штрассер применяет против Гитлера. Гесс ответил мне очень вежливым письмом. Тем более непонятным остается тот факт, что национал-социалистическая партия не приглашала меня на вышеупомянутые совещания.

Теперь я думаю, что, пожалуй, было бы лучше, если бы переговоры Штрассера завершились успешно. Тогда за сближение Штрассера и генерала Шлейхера ратовал главным образом Крупп фон Болен унд Гальбах. Безусловно он был прав, когда пытался, о чем я уже упоминал, убе-

дить старого президента фон Гинденбурга никогда не назначать Гитлера канцлером рейха. Я уже говорил, что неприязнь к Гитлеру со стороны фон Круппа исчезла сразу же, как Гитлер пришел к власти. Действительно, после назначения Гитлера канцлером фон Крупп стал ярым нацистом. Доказательства его теснейшей связи с национал-социалистами я получил в 1938 году. В то время в доме тайного советника Боша, генерального директора «И. Г. Фарбениндустри», крупнейшего немецкого химического концерна, произошла встреча промышленников. Некоторые из присутствовавших резко критиковали поведение Гитлера. Встреча была сугубо конфиденциальной, и были упомянуты случаи чудовищной коррупции в партии. Фон Крупп встал и сказал: «Я больше не могу выслушивать эти обвинения и покидаю совещание». Между прочим, промышленники часто проводили подобные встречи.

В соответствии с «социальной» направленностью политики, которую намеревался проводить генерал фон Шлейхер, он обнародовал так называемые Остхильфеские скандалы. «Остхильфе» («Помощь Востоку», что означало главным образом помощь старой Пруссии) был крупномасштабным финансовым планом спасения сельскохозяйственных предприятий. Он был создан социал-демократическим правительством Германа Мюллера и расширен кабинетом Брюнинга. Похоже, что некоторые суммы «Остхильфе» были использованы не по назначению, в коррупционных целях. Однако, по сравнению с повсеместным взяточничеством, процветающим ныне при национал-социалистическом режиме, эти суммы кажутся смехотворно малыми. Крупные землевладельцы к востоку от Эльбы сильно взволновались, когда рейхстаг собрался назначить следственную комиссию. Тревога усилилась, когда генерал фон Шлейхер пригрозил провести публичное расследование, что породило яростную враждебность к нему лично, разделяемую даже президентом фон Гинденбургом.

Фон Папен воспользовался сложившейся ситуацией. Он был депутатом рейхстага от католической партии

«Центр», и из-за его пристрастия к интригам многие депутаты его не любили. В юности фон Папен был кавалерийским офицером; позднее женился на дочери очень богатого саарского промышленника. Во время мировой войны 1914—1918 годов служил военным атташе в посольстве Германии в Вашингтоне. Эта служба принесла ему всемирную известность. Как-то один из его коллег потерял в нью-йоркской подземке портфель с документами, доказывавшими, что ряд опасных актов саботажа был спровоцирован правительством рейха, а сам Папен сыграл важную роль в их исполнении.

По какой-то причине фон Папен яростно возненавидел генерала Шлейхера и планировал свергнуть его с поста рейхсканцлера, на который прочил Адольфа Гитлера. Для претворения в жизнь своего плана фон Папен организовал встречу Гитлера с кельнским банкиром фон Шредером, кузеном известного лондонского банкира барона Шредера. Встреча состоялась в Кельне, в здании банка фон Шредера, в присутствии Рудольфа Гесса.

Я долгое время ничего не знал об этой встрече, видимо благодаря стараниям Гесса, изначально препятствовавшего моей дружбе с Герингом, а с самим Герингом, который мог бы известить меня, не советовались. На самом деле неясно, посвящали ли Геринга в тайны, особенно после того, как у него отобрали пост начальника полиции Пруссии. История близких отношений Геринга с Гитлером начинается с кровавой бойни 30 июня 1934 года, в которой национал-социалистическая партия избавилась от всех своих членов — противников режима.

У меня создалось впечатление, что Геринг настолько глубоко был замешан в убийствах, что уже не смел противостоять режиму. В любом случае до той резни он был гораздо более независимым. Похоже, он столь сильно увяз в преступлениях, связанных с его личными пороками, что оказался в цепких лапах гестапо, слишком много о нем знавшего. С тех пор Геринг хранил молчание.

Хорошо известно, что Папен был мастером интриги. 28 января 1933 года генерал фон Шлейхер подал в отстав-

ку с поста канцлера, а 30 января президент фон Гинденбург назначил канцлером Адольфа Гитлера. Меня такой поворот событий устраивал, тем более что, как я слышал, Альфред Гугенберг (хотя и был депутатом Немецкой национальной партии) стал членом кабинета Гитлера и прихватил с собой в правительство ряд своих верных друзей. Кроме того, Гугенберг добился того, чтобы Гитлер официально пообещал лично Гинденбургу в следующие четыре года ничего не менять в составе кабинета и распределении ключевых постов.

Как бы то ни было, в то время я думал, что назначение Гитлера канцлером — всего лишь переходный этап, ведущий к восстановлению германской монархии. У меня были для этого следующие основания. В сентябре 1932 года я пригласил к себе домой ряд господ, в том числе генеральных директоров Кирдорфа и Фёглера, чтобы они могли задать Гитлеру свои вопросы. Гитлер ответил на все вопросы, к полному удовлетворению всех присутствовавших. На той встрече он четко и однозначно заявил, что является всего лишь «миротворцем на пути к монархии». Монархические настроения Гитлера в те дни привели в его партию большое количество представителей промышленных кругов.

Я также хочу напомнить, что осенью 1932 года Геринг побывал с двухнедельным визитом в Дорне у бывшего кайзера Вильгельма II. Приглашение на обед Гитлера и Геринга кронпринцем, казалось, доказывало, что сами Гогенцоллерны в то время возлагали на них большие надежды. Как впоследствии рассказал мне Геринг, после того как он и Гитлер уехали, кронпринц отпустил несколько неодобрительных замечаний в их адрес в присутствии слуг, которые тут же донесли об этом нацистам, что, по слухам, и положило конец дружбе Гитлера с кронпринцем.

Несмотря на это, весной 1933 года кронпринц посетил один из первых балов, которые впоследствии Геринг регулярно давал в Опере. С одной стороны в ложах сидел Геринг со всем своим штатом; с другой стороны, лицом

к Герингу, сидел кронпринц, причем его поведение было столь демонстративным, что нацисты испытывали гнев и досаду. Однако многие решили, что у Гогенцоллернов в те первые дни власти нацистов были причины для оптимизма.

Сегодня я, к сожалению, вынужден признать, что тогда и я неправильно оценил политическую ситуацию. Однако я, по меньшей мере, могу утверждать, что действовал из самых лучших побуждений.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Политическая ситуация в 1932 году действительно была несколько запутанной. Шлейхер на самом деле лелеял мысль создать так называемое социальное (то есть социального обеспечения) правительство. Возможно, он намеревался скопировать фашистское правительство Муссолини, если не по сути, то по форме. Его переговоры с Грегором Штрассером зашли весьма далеко. В то же время он вел переговоры с некоторыми представителями крупных профсоюзов, которые — хотя и формально независимые — были тесно связаны с социал-демократической партией. С точки зрения национал-социалистов, вхождение Грегора Штрассера в кабинет непременно привлекло бы к разрыву или, по меньшей мере, к борьбе между Грегором Штрассером и Адольфом Гитлером, что не могло не закончиться партийным расколом. В действительности же мысль о поражении фюрера была абсолютно невероятной.

С социал-демократами все было наоборот. Вхождение в правительство нескольких социал-демократов, по крайней мере сначала, наложило бы обязательства на всю партию. От депутатов в рейхстаге зависело, занять ли партии независимую позицию, рискуя положением социалистов в правительстве, или солидаризироваться с правительством Шлейхера. Конечно, могли возникнуть новые партии, и социал-демократическая партия понес-

ла бы серьезные потери, как в голосах избирателей, так и в престиже.

Коренной переворот произошел всецело благодаря фон Папену. Незадолго до описываемых событий президент фон Гинденбург все еще не доверял Гитлеру. Интриги Папена основывались, главным образом, на угрозе Шлейхера публично разоблачить остхильфеские скандалы. План «Остхильфе» был не только аграрным: определенные суммы вкладывались и в промышленность. Более того, несколько партийных групп, представленных в рейхстаге, пытались значительно расширить географическое понимание термина «Восток». Мало-помалу предприятия центра и юга Германии также были включены в план помощи Востоку. В конце концов в план вошли все те предприятия, которым угрожал всеобщий экономический кризис, вызванный, как полагали, послевоенными переменами, особенно инфляцией и последующим обесцениванием валюты. Несмотря на первоначальные благие намерения, план приобрел, как сказал бы объективный наблюдатель, коррупционную окраску. Главной «коррупционной» чертой было явное намерение исключить весь риск, присущий частному предприятию, и перенести бремя дефицита на общество. Сознательная коррупция получателей субсидий играла лишь второстепенную роль.

Аграрная помощь (Agrarische Nothilfe) выглядела совсем иначе. Ее главная цель состояла в помощи землевладельцам, увязнувшим в долгах не по своей вине, а из-за особых условий того периода. Вскоре обнаружилось, что большая часть фондов, контролируемых «Аграрной помощью», выдавалась не мелким и средним, а крупным землевладельцам. На самом деле некоторые землевладельцы не только не использовали выданные им деньги на выплату долгов или возрождение своих поместий, но проматывали деньги на модных европейских курортах.

Генерал фон Шлейхер играл важную роль в большинстве политических интриг последнего десятилетия. Однако он не сознавал, какой опасности подверг себя, когда

сделал остхильфеское дело решающим пунктом политики своего кабинета. Конечно, на самом деле он добивался личной популярности в массах и хорошей стартовой позиции для рабочего правительства, которое намеревался создать.

Фон Папен видел сложившуюся ситуацию в совершенно ином свете. Его посредники давали ему точную информацию обо всех политических играх в окружении президента Гинденбурга. Незадолго до того Гинденбургу подарили огромное поместье Нойдек, где он родился. Вероятно, подарок был оплачен взносами промышленников. Таким образом — очень умный шаг — сам президент был возведен в ранг крупных землевладельцев, а его сын и одновременно его помощник сумел показать ему, насколько сложно управлять новым имением и как мало прибылей можно из него извлечь. Таким образом была создана благоприятная ситуация для сочувственного отношения президента к измышлениям других крупных землевладельцев. Хотя Гинденбург не препятствовал наказанию коррупционеров, он был убежден в том, что отдельные случаи коррупции — недостаточная причина для компрометации всего класса землевладельцев и недоверия к ним со стороны населения.

Возможно, этого было бы мало для того, чтобы лишить Шлейхера доверия президента. Может быть, провели бы переговоры и согласились бы либо обнародовать дело, но без скандала, либо просто замять его. Те, кто хорошо знал Шлейхера, не сомневались, что хватило бы простого намека, чтобы он сменил курс, так как он отчаянно стремился сохранить свой пост премьера. Но именно этого и боялся фон Папен. По достоверной информации о событиях, непосредственно предшествовавших отставке Шлейхера, именно фон Папен внушил президенту, что Шлейхер готовит против него военный мятеж. Во всяком случае, говорили, что окончательное и неожиданное решение президента предложить генералу Шлейхеру уйти в отставку было спровоцировано докладом, полученным как-то ночью. В докладе гово-

рилось, что Шлейхер уже сосредоточил в Потсдаме войска, готовые двинуться на Берлин.

Ненависть Папена к Шлейхеру главным образом объясняется тем, что Шлейхер сыграл важную роль в свержении правительства Папена. На самом деле Шлейхер, привыкший к закулисным интригам, не собирался лично выходить на сцену после того, как сбросил Франца фон Папена. Однако получилось так, что у него не было выбора.

Таким образом генерала Шлейхера вынудили уйти в отставку, а два дня спустя президент фон Гинденбург назначил Гитлера канцлером. Известно, что Гитлер намеревался получить пост канцлера рейха, не прибегая к какому-либо революционному акту. К власти он хотел прийти легальным путем, но без сомнения собирался пренебречь всеми законами, как только получит долгожданную власть от рейхстага. Остается только предполагать, смог бы он законным путем получить пост канцлера без помощи Папена. В любом случае в тот момент перспективы партии были особенно незавидными. На последних выборах в рейхстаг при правительстве Шлейхера национал-социалисты понесли серьезные потери. Более того, отделение Грегора Штрассера и его группы ослабило бы не только партию, но и организации СА. Безусловно, огромные расходы полностью истощили партийные фонды национал-социалистов, создавая угрозу еще большего ухудшения положения партии. По этой причине фон Папен и организовал встречу Адольфа Гитлера с кельнским банкиром фон Шредером. Необходимо было немедленно пополнить партийные фонды, и эта задача была успешно выполнена.

Часть третья

МОИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ГИТЛЕРЕ И НАЦИСТСКОМ РЕЖИМЕ

Глава 1

ПОПЫТКИ СОТРУДНИЧЕСТВА С НАЦИСТАМИ

Попытки создать корпоративную систему. — Выдвижение моей кандидатуры в депутаты рейхстага и в прусский государственный совет

Я никогда по-настоящему не интересовался политикой. Я не хотел быть политическим деятелем, так как верил, что промышленник должен держаться от политики подальше. Правда, иногда я влиял на политические процессы, но происходило это или в результате стечения обстоятельств, как в случае с речью Гитлера перед членами «Индустриклуба» в Дюссельдорфе, или по чисто экономическим причинам, как было с сопротивлением в Руре и борьбой с планом Янга. Тогда я брал на себя руководство потому, что пользовался некоторой популярностью.

В случае с Германом Раушнингом получилось иначе. Я знал Раушнинга, поскольку он часто приезжал в Рур, и многие считали полезной его активную деятельность в национал-социалистической партии. Особенно радовались мы тому, что столь здравомыслящий человек, как Раушнинг, занимал очень важный пост президента сената Данцига. В то время сенат сильно зависел от настроений, господствовавших в Лиге Наций[1], однако Ра-

---

[1] Правительство свободного города Данцига до 1939 года номинально подчинялось Лиге Наций, которую представлял Верховный комиссар. (*Примеч. авт.*)

ушнинг никому в Руре не сообщал о шаткости своих позиций. Сейчас, после прочтения его второй книги «Голос разрушения», я не понимаю, почему он никогда об этом не упоминал. Конечно, имея за плечами собственный опыт, я склонен думать, что это ничего бы не изменило.

Я воображал, что мои действия в интересах национал-социалистической партии останутся такими же случайными, как описанные выше. Главным образом меня интересовала организация экономической жизни либо в национал-социалистическом государстве, либо — за что выступал я — при сотрудничестве национал-социалистов и германских националистов. Проблема была очень важной, ибо предстояло решать, будут ли промышленность и экономика в целом управляться государством, а если нет, то какую роль будет играть государство в экономической жизни.

В конце XVIII и в начале XIX века главенствующая идея, унаследованная от Рикардо и Адама Смита, состояла в том, что торговля должна быть абсолютно свободной, а свободная торговля существенно связана с экономической жизнью. Однако либералы «выплеснули вместе с водой ребенка», в результате чего государство вопреки им захватывало все больший и больший контроль над экономическим процессом и даже создавало собственный бизнес. По моему мнению, результаты, достигнутые государством в роли управляющего, в целом были плохими. Бизнес опирается на частную инициативу, определяемую, с одной стороны, неизбежным риском, а с другой стороны, шансами на получение прибыли. Функция государства заключается в управлении, причем в управлении, коренным образом отличающемся от управления коммерческой деятельностью.

Даже на железных дорогах, которые безусловно нельзя оставлять всецело в частных руках, ситуация при государственном управлении далеко не так блестяща, как часто считается в обществе. Примером могут служить немецкие железные дороги. Насколько я знаю француз-

ские железные дороги, частная собственность в этой сфере, несмотря на многие недостатки, привела к заметной модернизации. Например, во Франции больше механизированных товарных станций и французская сортировочная система гораздо больше автоматизирована. Из-за государственной собственности работе наших железных дорог недостает гибкости, а высокопоставленным чиновникам — чувства ответственности. Частный владелец должен принимать решения на свой страх и риск, чего никогда в той же мере не сможет сделать чиновник.

Похожая ситуация сложилась в газовых и электрических компаниях. Пожалуй, сейчас лучше всего управляются предприятия корпорации «Рейниш-Вестфалише электрицитетсверк», находящиеся в частных руках. Но здесь мы видим пример совершенно новой организации дела, созданной по инициативе покойного Хуго Штиннеса. Часть акций принадлежит отдельным капиталистам и нескольким крупным экономическим группам, а частью акций владеют муниципалитеты или общины, получающие энергию от этих предприятий. Представители муниципалитетов и общин заседают в совете директоров. В результате получается взаимовыгодное соревнование частных экономических интересов с одной стороны и общественных интересов городов и низших территориальных единиц самоуправления с другой, но лишь при условии, что эти интересы противоположны. Цель: гарантировать условия, при которых частные экономические интересы не наносят ущерба общественному благосостоянию. Окончательный надзор, безусловно, остается за правительством, то есть до тех пор, пока мы имеем экономическую систему, в которой не все поголовно частные предприятия национализированы государством.

В этом, по существу, основная идея «Нового курса» президента Рузвельта. Он хочет согласовать частные экономические интересы Соединенных Штатов с общими интересами народа в целом. Точно так же, как государ-

ство мешает людям воровать, оно должно обеспечить невозможность ситуации, когда частный бизнес эксплуатирует людей и причиняет вред обществу.

Иногда, конечно, возникает необходимость предохранять промышленность от таких шагов, которые в конечном счете нанесут ущерб ей самой. Позвольте мне привести только один пример. Строительство германских автобанов (стратегических автомобильных шоссе) заставило многих промышленников возводить заводы по производству цемента. Государство должно было предвидеть, что это не послужит ни интересам бизнеса вообще, ни интересам рабочего класса, ибо строительство даже самой гигантской шоссейной системы когда-нибудь обязательно закончится, и тогда останется лишь закрывать бесчисленные цементные заводы, чтобы предотвратить перепроизводство цемента. Это чрезвычайно сложная проблема, поскольку, как только государство само начинает заниматься бизнесом, оно перестает быть беспристрастным арбитром. Оно становится предпринимателем со своими собственными интересами.

Вспомним, например, концерн «Рейхсверке Герман Геринг», на котором я подробнее остановлюсь позже. Будучи государственным предприятием, концерн служил интересам рейха, воплощая его решения заблаговременно и весьма односторонне.

Как посредник, призванный примирять все интересы, я всегда представлял себе государство, признающее принцип личной выгоды промышленника, но в то же время обеспечивающее корпоративный закон для регулирования промышленности и бизнеса. Это означало бы разделение политики и бизнеса и предоставление бизнесу, то есть и частным и государственным организациям, автономной администрации, над которой стоит государство, как арбитр в борьбе интересов и защитник общественного благосостояния. Создание корпоративной системы необходимо также для обеспечения постоянного контакта с трудящимися. Я, например, гораздо меньше общался с рабочими, чем мой отец в свое время, и это,

безусловно, справедливо для всех крупных промышленников в наш механизированный век.

Мой отец, Август Тиссен, который умер в очень преклонном возрасте, полностью погружался в работу созданного им завода и был очень любим его рабочими. Он очень много работал и жил очень скромно. Когда у него выдавалось хоть полчаса свободных, он шел на завод и разговаривал с рабочими. Однако это не мешало ему до последних дней придерживаться своих старомодных идей. Он, как Адам Смит, верил, что, когда цены падают и дела на предприятии идут плохо, зарплату рабочих следует сокращать, но не потому, что он хотел получить большую прибыль за счет своих рабочих, а потому, что считал это прочным фундаментом для развития своих заводов и создания большего количества рабочих мест.

Август Тиссен начинал с очень маленького заводика в 1873 году, в год моего рождения. Родился я в скромном доме около того завода. Земельный участок был невелик — на нем едва размещались первые мастерские. Отец управлял заводом, вел бухгалтерию, выступал собственным коммивояжером; короче говоря, все делал сам. Очень похоже на первые дни становления империи Круппа.

У меня не было столько времени для общения с рабочими, как у отца, хотя я пользовался любой предоставлявшейся возможностью. Может быть, я не умел, как отец, разговаривать с людьми и не пользовался у них таким доверием, как он. Хотя бы по этой причине я стремился создать корпоративную систему, чтобы контактировать с выборными представителями рабочих, которые вместе с представителями государственного совета обсуждали бы экономические проблемы, вопросы заработной платы, экспорта и т. п. Я был твердо убежден в том, что рабочий согласится с сокращением зарплаты, если верит, что это обоснованно, однако я считаю неприемлемым участие рабочих в бизнесе. Как только они становятся совладельцами, частное пред-

приятие начинает управляться как государственное, тогда как промышленными предприятиями следует управлять индивидуально. Бизнесом просто нельзя управлять так, как государством.

Промышленник, конечно, может объяснять рабочим, почему он ведет дело так, как считает необходимым. Корпоративная система должна создавать условия, при которых во внимание принимаются все более широкие интересы.

Идея корпоративной системы принадлежит не мне. Ее предложил известный венский профессор национальной экономики Отмар Шпанн. Я познакомился с ним в Дюссельдорфе благодаря некоему доктору Кляйну, секретарю социального обеспечения в «И. Г. Фарбениндустри» (крупном германском химическом концерне). Задолго до прихода нацистов к власти доктор Кляйн, под влиянием профессора Шпанна, занимался решением социальной проблемы.

Вопрос создания корпоративной экономики, безусловно, очень сложный. Тем не менее я всегда считал ее наилучшим выходом. Существует только два других решения: или управлять нашей экономикой как прежде — реакционный способ, или поступить наоборот — упразднить частное предпринимательство и отдать промышленность в руки государства.

В конце концов, не следует забывать, что все частное предпринимательство прекрасно выполнило свои задачи в прошлом столетии. Исчезновение этой движущей силы в случае установления системы государственной собственности было бы величайшей потерей. С другой стороны, корпоративное государство является попыткой найти компромиссный путь — путь, который дал бы владельцам свободу, необходимую для успешного ведения бизнеса, и в то же время позволил бы избежать эксцессов.

В Судетской области Богемии корпоративная система уже была достаточно развита; она же является характерной чертой режима Муссолини в Италии. В Германии

именно меня национал-социалистическая партия избрала для создания учреждения, на которое возлагалась подготовка к введению корпоративной системы. Это было до захвата власти партией. На самом деле наиболее подходящим кандидатом на эту роль был бы профессор Отмар Шпанн, но он полностью разошелся с Гитлером по очень специфической причине. Поэтому Гитлер назначил меня и еще одного человека. Мы организовали институт или академию для подготовки необходимых кадров. Мы также учредили экспериментальную палату корпораций, которую я посещал каждый день. В конечном итоге палата должна была стать постоянной, укомплектованной выпускниками академии.

Затем, в начале 1933 года, национал-социалисты захватили власть. Сперва казалось, что все развивается достаточно хорошо. Мой институт и экспериментальная палата получили поддержку рейхсминистра экономики доктора Шмидта, прежде генерального директора одной из крупнейших в Германии страховых компаний. У меня было три секретаря, но им приходилось уделять часть своего рабочего времени освобождению людей из тюрем или концлагерей, ибо в те дни все приходили ко мне с просьбами о помощи. И мне почти всегда удавалось исправить ситуацию.

Однако вскоре стало ясно, что у идеи корпоративной системы в целом и нашего института в частности много оппонентов. Одна из причин состояла в том, что многие промышленники возражали против моего назначения директором института, как, между прочим, и почти вся правительственная бюрократия. На одном из партийных собраний высказался доктор Роберт Лей, и началась ожесточенная дискуссия. В конце концов Гитлер торжественно заявил, что все следует делать так, как предложили я и мои друзья; то есть за восемь дней мы должны установить в Германии корпоративную систему. В заключение Гитлер заметил: «Как политическое движение зародилось в Мюнхене, точно так же экономическая реформа родится в Дюссельдорфе».

Как мне казалось, одной из причин поддержки Гитлером корпоративной системы было его противодействие идее слияния трех главных федераций профсоюзов, существовавших в Германии, в один. Он хотел разделить Трудовой фронт и был прав, чувствуя необходимость этой меры. Однако, к несчастью, он отказался от своих идей.

Действительно, некоторое время Адольф Гитлер вроде бы придерживался своей первоначальной точки зрения на корпоративную систему, особенно учитывая давление радикального движения внутри партии. И у Грегора Штрассера имелись планы создать нечто вроде корпоративной системы. Представляется вероятным, что именно благожелательное отношение Штрассера к корпоративной идее в конце концов повлияло на перелом в убеждениях Гитлера — после «предательства» Грегора Штрассера (описанного в предыдущей главе). Предсказание Лея сбылось: он говорил, что рабочие не поддержат Штрассера, и они действительно поддержали Гитлера и Лея.

Чтобы помешать борьбе Лея с корпоративной системой, я подал Гитлеру жалобу на Лея. Я заявил, что в любом случае Лей не соответствует занимаемому им посту. Гитлер впал в ярость и предложил мне предъявить доказательства, что я и сделал; по крайней мере, я думал, что сделал. Но ничего не произошло.

Как я уже упоминал, я не был близок с Гитлером, но тем не менее имел возможность в разное время обсуждать с ним корпоративную систему. Я часто бывал в Берлине и как-то, показывая ему одно из моих предприятий, затронул этот вопрос. Между прочим, в тот раз возникла и другая тема, а именно стычка Гитлера с Вильгельмом Фуртвенглером, дирижером оркестра. Гитлер рассказал мне, как послал за Фуртвенглером и приказал прекратить исполнение произведений еврейских композиторов. Это, мол, так же нетерпимо, как если бы он, Гитлер, влюбился в хорошенькую еврейку. Я внутренне рассмеялся, ибо действительно, стоило Гитлеру приблизиться к любой женщине и уставиться на нее влюбленными глазами, она оказывалась еврейкой.

Нацисты не только выдвинули мою кандидатуру в рейхстаг, но Геринг, как премьер-министр Пруссии, назначил меня прусским государственным советником пожизненно. Кроме фельдмаршала фон Макензена и адмирала флота фон Редера только двое или трое партийцев стали пожизненными государственными советниками, следовательно, предполагалось, что это особая честь. Я посетил пять вполне приличных заседаний государственного совета, но однажды Геринг сказал мне: «Я не могу больше проводить эти заседания при закрытых дверях, как намеревался, поскольку видел, как епископ Оснабрюка монсеньор Бернинг ведет записи». Так что еще после четырех заседаний все изменилось. Слушания по предложениям членов совета прекратились, и отныне с достойными государственными советниками обращались как с учениками, натасканными в духе национал-социализма.

Однажды даже Юлиусу Штрейхеру, редактору антисемитского листка «Штюрмер», разрешили прочитать лекцию в этом государственном совете Пруссии. Штрейхер был даже не пруссаком, а франконцем из Нюрнберга. Он говорил о законности, ссылаясь на нечто, случившееся с ним не так давно. Его тогда — а у власти еще было республиканское правительство — предали суду, и обошлись с ним предвзято, во что лично я охотно готов поверить, но это вовсе не причина для призыва «государственного деятеля» отменить закон! Правда, именно в этом состоял истинный смысл его речи, и очень показательно, что его чудовищная идея даже не подверглась обсуждению.

Однако вскоре о государственном совете благополучно забыли, как и о корпоративной системе. Лей, с его точки зрения, одержал полную победу, ибо при корпоративной системе не была бы возможна такая повальная коррупция, какая охватила собственное детище Лея — Трудовой фронт.

А я, как идиот, поверил в искренность намерений Адольфа Гитлера.

ПРИМЕЧАНИЕ ИЗДАТЕЛЯ

«Корпоративная» экономическая система (Standische Wirtschaftsordnung) не является, как может показаться из текста Тиссена, изобретением профессора Отмара Шпанна. То, что можно назвать корпоративными организациями, существовало в средневековой Европе в различных национальных экономиках. Напомним, что все парламентские правления имели похожее происхождение. Царствующие особы, когда им требовались большие суммы денег, созывали представителей разных «сословий», то есть социальных, экономических и профессиональных групп (в Германии Stande), которые и должны были выделить или утвердить эти денежные субсидии. Эти сословия состояли из: а) знати, б) духовенства (или представителей церкви), в) бюргеров — городских купцов. Борьба за признание рабочих и крестьян «четвертым сословием» известна из истории Французской революции.

Сословия не были искусственными образованиями; они сложились совершенно естественно в результате экономической деятельности. Знатные землевладельцы, как и бюргеры, организовывались в ассоциации, и решения, согласованные их представителями, облегчали взимание налогов. Хотя третье сословие, то есть бюргеры, впервые заняло свое законное место во время Французской революции и английской парламентской борьбы, экономическая власть буржуазии или классов граждан гораздо раньше вырвалась далеко за рамки их политического статуса.

Даже средневековые ремесленники и мастера объединялись в профессиональные группы или гильдии в соответствии с родом занятий, и каждая из этих групп устанавливала правила своей собственной торговли или ремесла, нечто вроде самоуправления.

Влияние этой экономической автономии, безусловно, не ограничивалось чисто экономическими вопросами, а распространялось на общественную жизнь, и особенно на общественную мораль. Обычно эти профессиональ-

ные группы стремились обеспечить каждому своему члену максимально возможный уровень комфорта. По мере того как экономика сбрасывала средневековые оковы и развивалась в направлении свободного капиталистического предпринимательства, это становилось все труднее и труднее. Профессиональные организации — гильдии и им подобные, — которые в Средние века могли легко защитить благосостояние городских ремесленников, постепенно были вынуждены принимать меры к предотвращению несправедливой конкуренции, как в торговле произведенными товарами, так и на рынке труда. Эти меры более не соответствовали современному образу жизни, который национальная экономика развила за предыдущие века.

Недостатки суперкапиталистической системы, развившиеся с XIX века, повсеместно критиковались и подвергались нападкам многих реформаторов. С одной стороны, существовали социалистические группы, желавшие преобразовать капиталистическую систему в коллективную экономику; с другой стороны — буржуазные реформаторы, жаждавшие большей степени общественной справедливости и более равномерного распределения национального дохода и в то же время признававшие право капиталистической системы на существование. Была и третья группа, особенно активная в Германии, стремившаяся к возврату некапиталистической экономики, в которой отсутствовала конкуренция, — другими словами, к возврату к условиям Средневековья. Представители этой группы требовали установления standische (то есть профессиональной, или, как она стала называться во всем мире, «корпоративной») экономической системы, которую они, однако, так и не смогли четко себе представить. Они считали современную экономическую свободу корнем зла и требовали возврата к ограниченной экономике (организованной корпорации). Они верили, что в результате появится тип человека скромного, гармоничного и абсолютно честного.

В XIX столетии эти теории защищали интеллектуалы романтической школы. Самым выдающимся из них, безусловно, был Адам фон Мюллер. С ним соглашалась часть католического духовенства в Германии и Австрии, а в более близкий к нам период — Отмар Шпанн, австрийский профессор национальной экономики, разработавший профессиональную систему в рамках своей теории «экономической универсальности». На заре национал-социалистического движения многие партийцы объявляли себя сторонниками идеи Шпанна.

В этой связи можно упомянуть тот факт, что в 1919 году, во время германской демократической революции после поражения в мировой войне, предпринималась попытка — вдохновленная советской системой большевиков — создать модернизированную систему экономических групп. На II съезде рабочих и солдатских советов, проведенном в том году, делегаты различных социалистических направлений проголосовали за некий план, предусматривающий создание профессиональной организации для каждой из различных отраслей экономики. Управляющий орган каждой отрасли торговли или индустрии, состоявший из равного количества выборных работодателей и рабочих, имел широкие полномочия по самоуправлению и должен был следить за тем, чтобы каждая отрасль руководилась с целью достижения наиболее высоких производственных показателей.

Рабочих в управляющие органы следовало искать среди членов так называемых производственных советов, выбираемых на каждом промышленном или деловом предприятии. (Производственные советы были независимы от так называемых рабочих советов, которые продолжали действовать как представители рабочих союзов, призванных защищать интересы рабочих.) Производственные советы должны были повышать уровень производства, взаимодействуя с работодателями, а также отстаивать в рабочей среде меры, представляющие непреложную ценность для предприятия (базис су-

ществования рабочих), даже если это означает, что части рабочих придется пойти на временные жертвы.

План также предусматривал создание экономического парламента рейха, в котором представители всех организованных отраслей промышленности объединялись бы для образования высшего самоуправляющегося корпоративного экономического органа страны. На II съезде рабочих и солдатских депутатов авторы этой экономической конструкции (если хотите, синтеза социалистической системы и традиционной системы гильдий) постарались вписать ее в республиканскую конституцию рейха, однако социал-демократическое правительство, находившееся тогда у власти, полагало, что это предложение представляет уступку идеям Москвы, чреватую серьезными последствиями. В конституцию под названием экономического совета рейха была вписана лишь одна часть этого плана, а именно высший экономический парламент. Этот совет обладал лишь совещательными полномочиями, как высший экспертный орган германской экономики, однако до прихода к власти национал-социалистов он играл заметную роль.

Глава 2
НАЦИСТСКАЯ ЭКОНОМИКА ПОСЛЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

От Шахта к Функу и победа нацистских политиков над экономическими экспертами

Хотя мои усилия по созданию корпоративной системы и с ее помощью перевода германской экономики на разумную основу не увенчались успехом, я поначалу не терял надежды на рациональное экономическое руководство. Государственный совет, казалось, сперва функционировал весьма прилично, и Франц фон Папен, остававшийся вице-канцлером до 1934 года, произнес несколько вполне здравых речей. Особенно благоприят-

ное впечатление произвела на меня его великолепная речь в Марбурге в конце 1933 года. Он будто бы стремился усилить влияние консервативных групп, которые привел к власти наряду с Гитлером.

Я поздравил его с этой речью, и у меня сложилось впечатление, что он сам верил, будто многого достиг, произнеся ее. Многие в тот момент истолковали его речь как предупреждение национал-социалистам не злоупотреблять своей властью.

Однако вскоре я осознал, что группа национал-социалистов во главе с Геббельсом и Леем не согласна с фон Папеном. Министр пропаганды Геббельс даже принял меры к тому, чтобы речь не стала известна большой части общества. Возможно, именно это заставило многих подумать, что Папен и Геббельс все запланировали заранее. А это означало бы, что своей речью Папен хотел внушить немецкому бизнесу чувство безопасности, предполагая, что о ней узнают лишь те, кто присутствовал в Марбурге. В таком случае он должен был знать, что его речь утаят от широких народных масс и от многих средних бизнесменов. Возможно, Папен и был негодяем, но я не мог поверить, что с самого начала он всю свою деятельность базировал на обмане.

Опираясь на накопленный личный опыт, я пришел к убеждению, что политикой и бизнесом должны управлять два совершенно противоположных круга людей, ведь обе эти сферы радикально отличаются друг от друга. Действительно, Бисмарк утверждал, что политик должен быть честным, подразумевая, что политик может быть честным. Я не знаю, насколько это возможно, но одно знаю точно: деловые люди гораздо вероятнее скажут друг другу правду, чем это сделают политики. Я вспоминаю, что в ходе конференций Международного стального картеля мы всегда говорили всю правду нашим французским, бельгийским и английским коллегам. Таким образом нам удалось распределить международные сферы влияния к взаимному удовлетворению всех сторон.

Национал-социалисты никогда не имели реального экономического плана. Некоторые из них были реакционерами до мозга костей; некоторые отстаивали корпоративную систему; другие представляли мнение крайне левых. По моему мнению, Гитлер потерпел неудачу потому, что считал очень разумным соглашаться с мнением каждого.

Как будет показано в следующей главе, характер национал-социалистической экономики неуклонно вел ее к войне, а вместе с тем и к полному банкротству.

Гитлеру представилась беспрецедентная возможность создать нечто абсолютно новое, что никогда столь же легко не представится никому другому. Однако кроме того, что он был абсолютным невеждой в экономических вопросах, он никогда до конца не понимал своих экономических советников. Он импульсивен и всегда следует своим последним впечатлениям, но он не энергичен. Его всегда постоянно тревожило одно: как сохранить свою власть. Вдобавок он верит, что только он — великий человек, а все другие — ничтожества.

То, что мы видим сегодня в немецкой политике и в немецкой экономике, — это проявление прусского духа. Мне могут возразить, что Гитлер — не пруссак, а австриец. Единственный ответ: все его окружение состоит из пруссаков, и пруссаков в наихудшем смысле этого понятия. Действительно, весь его ближний круг — капралы, а надо хорошо знать историю Пруссии, чтобы представлять, что это означает. А означает это перенос казармы в сферу политики и экономики. Когда в казарму попадали новые рекруты, их карьера начиналась с избиения плетьми, что должно было привить им понимание военной дисциплины и внушить уважение к тем, кто проходит второй срок военной службы. Избиение не обязательно является выражением особой жестокости, скорее продолжением традиции, зародившейся в те дни, когда прусская армия состояла не из коренных жителей Пруссии, а из наемных солдат, коих непременно с самого начала следовало приучить к уважению.

Так все население подавляется посредством террора, даже если никто ни в чем не виноват. Людей следует приучить к тому, что их ждет, если они позволят себе какие-либо вольности! Вот почему никто в Германии не смеет ничего критиковать.

В первые дни режима был создан Высший экономический совет. Если бы нам, по меньшей мере, удалось сохранить его, значительное число влиятельных промышленников смогло бы свободно выражать свое мнение в рамках этого совета и, возможно, было бы труднее бесхлопотно действовать наперекор их мнению. Однако Высший экономический совет провел лишь одно-единственное заседание и больше никогда не созывался.

Впоследствии управление немецкой экономикой было распределено между разными национальными профессиональными группами (Reichsstande). Эти профессиональные и экономические группы обладают огромным влиянием, однако ими руководят либо национал-социалисты, либо те, кто полностью подчиняется национал-социалистам. Возглавляет национальную группу промышленников господин Крупп фон Болен унд Гальбах. Я уже упоминал о том, как хорошо он играет роль супернациста. Одним из высших чиновников этой группы промышленников некоторое время был гехеймрат Кастль, ранее входивший в число руководителей бывшей Национальной ассоциации немецкой промышленности. Прежде Кастль был евреем и по этой причине претерпел множество притеснений, но сейчас он снова является многоуважаемым юристом в Мюнхене. Да уж, с нацистами все возможно. Они способны назавтра призвать назад евреев, которых изгнали только вчера.

Сам Геринг однажды рассказал мне о серьезной ссоре из-за одного из своих сотрудников, по его словам еврея по происхождению. Это был не кто иной, как нынешний руководитель военно-воздушных сил, генерал Мильх. Как поведал мне Геринг, он пригласил в свой дом всех, кто затеял ту ссору, и обратился к ним с бурной речью, а в конце заявил: «Я сам решаю, кто еврей,

а кто нет, и больше говорить не о чем». Однако, несмотря на это авторитетное заявление, факт остается фактом: в Мильхе есть еврейская кровь. Дело решили просто: объявили, что его мать, нееврейка, зачала его не от законного мужа. Это типичный пример того, как решались дела в Германии, когда другого выхода не оставалось. Благодаря сомнительному адюльтеру матери пред миром предстал еще один стопроцентный ариец.

Несмотря на нелюбовь к политике, я не раз в начале правления нацистов пытался в нее вмешиваться, когда считал это необходимым. Как бы то ни было, в Германии промышленник ничего не может сделать в одиночку. Один высокопоставленный человек как-то выразил мне свое удивление тем, что со мной до сих пор ничего не случилось, хотя я так часто выражал собственное мнение. Другой влиятельный господин, несколько раз пытавшийся протестовать против режима (и в рискованных обстоятельствах), конфиденциально сообщил мне, что всегда носит с собой яд. Он не желал, по его выражению, обременять национал-социалистический режим виной за убийство такого старого человека. Короче говоря, в Германии сложилась ситуация, аналогичная советской. Как ГПУ правит в России, так гестапо правит в Германии.

Это опасная игра: игра, в которую играют Гиммлер, высший руководитель гестапо, и Гейдрих, предпочитающий оставаться в тени, хотя его официальная власть очень велика. Дело дошло до того, что даже Гитлер боится гестапо. Эти негодяи умеют извлекать прибыль из сложившейся ситуации. Они постоянно говорят Гитлеру, что должны защищать его, и защищают так хорошо, что он почти превратился в их пленника. Действительно, Гитлер — совсем не тот, каким кажется. Он — не смельчак, как Геринг; он постоянно боится за собственную безопасность. То, на что идет гестапо, чтобы «защитить его», как они это формулируют, превосходит всякое воображение.

Ялмар Шахт, даже будучи президентом немецкого Рейхсбанка и министром экономики, все еще обладаю-

щим относительно большим влиянием, ни в коей мере не был тем человеком, который мог бы создать прочный базис для немецкой экономики. Действительно, он — не экономист, а специалист в сфере финансов. В результате он не только стерпел замену нормальных экспортных методов на бартерные отношения, но в пропагандистских целях объявил это величайшим достижением, а ведь экспорт — одна из важнейших потребностей Германии.

Мой отец, Август Тиссен, всю свою жизнь искал и сохранял экспортные рынки для своих предприятий, и я полностью согласен с ним в том, что обеспечение удовлетворительного экспорта Германии было бы единственным прочным базисом благосостояния страны. Ограничение экспортных рынков до рамок Юго-Восточной Европы строится на сомнительном фундаменте, практически не имеющем отношения к коммерческим соображениям. Лозунг о том, что восьмидесяти миллионам человек «необходимо жизненное пространство», вообще неуместен. Он аналогичен идее римских легионеров, желавших за свою службу получать вознаграждение в виде земель на завоеванных территориях. Чтобы жить на своей земле, восьмидесятимиллионный народ нуждается в экспортной торговле, но ему не нужно новое пространство, как во времена великих миграций.

Однако даже все, что делал в финансовой сфере доктор Шахт, не было сделано хорошо. В конце концов он отобрал у немецкого народа последние сбережения. Именно он изобрел те фальшивые векселя, которыми расплачивались с производителями вооружений и которые их банки вынуждены были принимать. Банки сдавали векселя Рейхсбанку, когда им самим были необходимы деньги, чтобы расплачиваться с клиентами. Только право Рейхсбанка учитывать векселя представляло их истинную ценность. Что случится с вкладчиками сберегательных банков после этой войны, не знает никто. Единственное возможное решение видится мне в отдельном подходе к тем, чьи сбережения не превышают 10 тысяч марок. Остальным наверняка ничего не останется.

Неизмеримо хуже доктора Шахта его преемник на посту президента Рейхсбанка и министра экономики доктор Функ, бывший журналист, подвизавшийся в «Берлинер бёрзенцайтунг» («Биржевой газете»). Он — фанатичный национал-социалист и проводит абсолютно реакционную экономическую политику.

В тот день, когда доктор Шахт был практически уволен со своего поста, в центральном административном совете Рейхсбанка прошло заседание. Меня туда пригласил доктор Функ. Сначала я не хотел идти, но затем подумал, что заседание может в некотором отношении быть занимательным, и когда решил принять приглашение, то первой моей мыслью было сказать что-нибудь хвалебное в адрес доктора Шахта. Присутствовало много репортеров из различных газет, и прозвучал ряд похвал в адрес доктора Функа. Никто ни единым словом не упомянул Шахта, и в конце концов я также подумал, что разумнее воздержаться.

Затем последовала не простая «бирабенд», или «пивная вечеринка», традиционно проводившаяся после заседаний центрального административного совета Рейхсбанка при докторе Шахте, а феноменальный обед с шампанским и самыми различными деликатесами. После обеда доктор Функ спросил меня, что я думаю о его новых финансовых методах. Он заменил авансовые платежи фальшивыми векселями доктора Шахта новой мерой, согласно которой производители вооружения после поставок своей продукции получали только официальное подтверждение о приемке. Воспользоваться этими сертификатами поставок можно было с колоссальными трудностями. Я сказал доктору Функу, что это всего лишь пластырь, который, по моему мнению, долго не удержится. Кроме этого я ничего не сказал и сел в дальнем углу. Вскоре, однако, присутствующие в большом количестве потянулись к моему столику, чтобы услышать мое мнение. Я молчал, не мешая им высказываться.

Там я имел возможность наблюдать, как все присутствовавшие на заседании промышленники и банкиры

переметнулись на другую сторону. Некий господин, особенно восхвалявший доктора Функа, позже подошел ко мне поговорить, и я обнаружил его полнейшую бесхарактерность. Прежде все, кто хоть что-нибудь понимал в бизнесе, говорили: «Пока на посту доктор Шахт, есть надежда». Теперь все это было забыто.

Глава 3
МОШЕННИЧЕСКАЯ НАЦИСТСКАЯ ЭКОНОМИКА

Путь к национальному банкротству

Гитлер и нацистские лидеры хвастают тем, что освободили немецкий народ от страданий, возродив экономику и создав рабочие места для всех. Когда Гитлер пришел к власти, в Германии было от шести до семи миллионов безработных. Страна находилась в страшном экономическом кризисе, и было необходимо остановить процесс, который вел Германию к жутким страданиям — экономическим и нравственным.

Однако так называемое экономическое возрождение нацистского режима — всего лишь обман. В реальности Гитлер не создал никакого богатства. Он истощил все ресурсы Германии. Он безрассудно растратил налоги и украл сбережения людей. Сегодня под бременем войны рушится вся экономическая структура режима. На самом деле Гитлер прибегнул к войне, так как — несмотря на свое невежество — осознал, что очень скоро его экономические методы приведут к инфляции и тотальному краху государства.

Я был непосредственным свидетелем всех попыток, предпринимавшихся нацистами в сфере экономики. Никогда у меня не появлялось впечатления, что у лидеров есть какой-то план возрождения немецкой экономики или хотя бы что ими движет осторожный авантюризм. Наоборот, было очевидно, что они жаждут достижения немедленных результатов в пропагандистских целях. Их

замыслы были иногда грандиозными, но почти всегда непоследовательными.

Фактически все экономические идеи режима шли не дальше строительства автомобильных шоссе, дорогостоящих архитектурных проектов и перевооружения.

Почему Гитлер, как только пришел к власти, замыслил строительство сети гигантских автострад? В Германии было мало автомобилей, да и в любом случае, уже имевшихся почти во всех частях страны дорог было предостаточно. В то время я предлагал электрифицировать все немецкие железные дороги, что вовлекло бы в проект машиностроительную отрасль и создало бы много тысяч мест для квалифицированных рабочих; к тому же экономическая выгода проекта была неоспоримой.

Однако Гитлер, хотя он никогда этого не признавал, вдохновлен примером Наполеона, и потому он обращается к таким проектам, как перепланировка и преобразоване городов вроде Берлина, Мюнхена и Гамбурга. Он хочет, чтобы люди говорили об «автобанах Адольфа Гитлера», как они говорят о дорогах Наполеона. Эти автобаны, конечно, важны для облегчения быстрой связи между удаленными объектами. Некоторые из них прекрасно подходят для туристов; другие даже удовлетворяют требованиям экономики, но система дорог, построенных или спроектированных в предвоенные годы, не находит серьезных обоснований. Путешественники, проехавшие по немецким автобанам перед войной, отмечали, что они довольно пусты из-за негустого автомобильного движения. За несколькими исключениями было бы гораздо дешевле перестроить уже имевшуюся дорожную сеть, что обошлось бы в один-два миллиарда марок, а не в восемь миллиардов, потраченных на «автобаны Адольфа Гитлера».

Первой из новых автострад была туристическая дорога из Мюнхена к австрийской границе: «дорога фюрера», построенная специально для него. Затем в дикой спешке была построена автострада Берлин—Мюнхен. Инженер, руководивший строительством, стремился завоевать

расположение фюрера и поскорее дать ему возможность мчаться в Берлин из своего поместья в Баварских Альпах только по новому автобану. Однако гораздо меньше рвения было проявлено при строительстве автострады, которой предстояло связать между собой промышленные города Рура, или магистральной дороги Гамбург—Берлин. Действительно, пренебрегли даже военной необходимостью. Например к западу от Рейна автострад нет, а дорога в Экс-ла-Шапель, когда разразилась война, только начала строиться. С другой стороны, армейское командование всегда скептически относилось к военной значимости автобанов. Эти широкие полосы прорезают ландшафт по прямой линии и таким образом могут наводить вражескую авиацию гораздо лучше, чем капризно извивающиеся реки и ручьи. Более того, они крайне уязвимы перед воздушными налетами из-за бесчисленных искусственных сооружений вдоль всей своей длины. Если разрушить один-единственный мост, можно перекрыть автостраду на сотни миль, поскольку ответвления, связывающие ее с остальной системой, крайне редки и часто плохо спроектированы.

При строительстве автобанов, как и во всех своих начинаниях, Гитлер не следовал какому-то плану. Он просто хотел немедленно создать нечто, что поразит воображение общества.

Строительство автострад явно было одним из его увлечений. Он объявил эту программу еще 1 мая 1933 года по случаю первого национал-социалистического Дня труда, добавив, что подавит всяческое сопротивление своему плану. Два месяца спустя он заставил правительство приступить к работам. Те сторонники партии, кто был нищ и голодал, сразу же начали возражать тайком. «Они строят дороги для богачей, — говорили бедняки, — ведь только у богачей есть автомобили. Рабочим никогда не будет никакой выгоды от автострад». На самом деле автострады были полезны главным образом партийным лидерам, которые все имели роскошные автомобили, приобретенные способами, описанными в последующей главе.

Чтобы заглушить недовольство, Гитлер замыслил кое-что новенькое: каждый немец должен иметь свой автомобиль. Фюрер предложил промышленности разработать популярную модель, которую можно построить так дешево, что ее смогут купить миллионы. О «фольсквагене» (народном автомобиле) говорили уже пять лет, но никто его никогда в продаже не видел. «Эти машины будут производиться для новых автострад, — убеждали партийные пропагандисты. — Целая семья сможет ездить в нем со скоростью 100 километров (60 миль) в час. Это автомобиль фюрера для дорог фюрера». Партийные лидеры утверждают, что автострады строятся для народного автомобиля, однако народный автомобиль — одна из самых эксцентричных идей, когда-либо осенявших нацистов. Германия — не Соединенные Штаты Америки. Зарплаты здесь низкие, бензин — дорогой. Немецкие рабочие никогда и не мечтали о покупке автомобиля. Они не могут себе позволить его содержание; для них автомобиль — роскошь. Если бы претенциозные мечты нацистов осуществились, откуда бы взялись миллионы галлонов бензина?

Народный автомобиль так и не увидел свет. Доктор Лей прикарманил несколько миллионов марок аванса, выделенного на проект, ведь началась война и подступили проблемы более насущные, чем создание народного автомобиля.

Гитлер — абсолютный невежда в экономике. Он поддается чужим мнениям, в которых, как он думает, он разбирается и в которых на самом деле ничего не смыслит. Однажды великий партийный «экономист» Бернард Келер напыщенно произнес в его присутствии лозунг: «Труд — это капитал». Абсолютно бессмысленная фраза, но Гитлер по меньшей мере раз двадцать повторил, перефразируя, эту чушь, в своих речах. К несчастью, этот лозунг внедрили в жизнь, и ни к чему хорошему он не привел: немцы начали делать просто что угодно, ведь «труд — капитал!».

Однажды доктор Шахт, устав от всех этих бесплодных и дорогостоящих откровений партийных экономистов,

объявил, что с экономической точки зрения нелепо строить пирамиды только для того, чтобы занять безработных. Все поняли, что он имел в виду: Шахт критиковал строительство автострад, стоившее миллиарды, но ежедневно объявлявшееся партийной пропагандой будущим нетленным памятником фюреру и его режиму. Теми же словами доктор Шахт осудил строительную манию, захватившую нацистских лидеров от Гитлера до самого скромного бургомистра.

Его критика породила бурю. Гитлер почувствовал, что атакуют его лично, и в первомайской речи вскричал: «Люди, которые несколько тысяч лет назад заставили свой народ строить пирамиды, прекрасно знали, чего хотели. Создавая эти гигантские монументы, они писали четырехтысячелетнюю историю». Это было переложение в нацистском стиле обращения Бонапарта к солдатам египетской армии: «Сорок веков глядят на вас с высоты пирамид». Правда, себя Гитлер почитает фараоном. Это нелепое изречение дает представление о том, как он разбирается в экономических проблемах.

Все те пышные лозунги вроде «труд — капитал» внесли свой вклад в разрушение немецкой экономики. Поскольку их непрерывно повторяли, люди, коих вполне можно было считать здравомыслящими, в конце концов тоже в них поверили. Во время поездки в Бразилию даже посол Риттер сказал мне: «Труд — капитал». Я был ошеломлен, ведь Риттер много лет был начальником экономического отдела министерства иностранных дел. Как он мог одобрять такую чушь?

Эта пустая фразеология оказала катастрофическое воздействие. Все ринулись строить, лишь бы делать что-нибудь. В Дюссельдорфе три высокопоставленных нацистских чиновника создали по собственному проекту: один хотел построить большой зал заседаний, вмещающий двадцать тысяч человек; другой запланировал ратушу; третий — театр. Из этих трех проектов строительство ратуши казалось наиболее разумным, поскольку в какой-то мере все же было оправданно. Проблему

разрешил Гитлер, приказав строить театр. В городском бюджете предстояло выискать десять миллионов марок. Нацисты упрекали социалистов Веймарской республики в безрассудных тратах денег на строительство бассейнов и офисов медицинского страхования, но какими же скромными оказались социал-демократы на фоне своих преемников!

Гитлер постоянно боялся, что не видит окружающее в достаточно больших масштабах. Пирамиды, наполеоновские и римские дороги были его навязчивой идеей. В Нюрнберге он строит дом конференций на несколько сотен тысяч человек. Он стирает с лица земли пол-Берлина, чтобы реконструировать город. Деньги никто не считает, а несчастному доктору Шахту приходилось ломать себе голову в поисках способов финансирования непродуктивных проектов. Исчерпав все силы на бесплодные протесты, он в конце концов подал в отставку. И все же доля ответственности лежит и на нем, ведь именно он в начале нового правления показал нацистам, как использовать кредиты. Несомненно, он желал остаться в разумных рамках, но Гитлер, видя, что «кредит можно создать» — согласно опрометчивому рецепту доктора Шахта, — так и не пожелал отказаться от намеченного курса.

Одним из самых невероятных проектов Гитлера является строительство гигантского моста в Гамбурге. Фюрер увидел фотографии моста Джорджа Вашингтона в Нью-Йорке и возмечтал о столь же величественном сооружении в Германии. Однажды, гуляя по набережной Эльбы в сопровождении большой группы нацистских сановников, он остановился и заявил: «Здесь следует построить мост!» Проект представили экспертам: из-за неблагоприятной почвы основания подвесного моста должны были уходить почти на тысячу футов в глубину. Более того, мост закупорил бы порт. Военные эксперты объявили, что, если мост рухнет, например под бомбежкой с воздуха, последствия будут катастрофическими. Стоимость строительства превысила бы один миллиард марок. Одна-

ко фюрер решил, и, конечно, он никогда не ошибается. Если бы не помешала война, это абсурдное сооружение уже начали бы строить. Никто не осмелился озвучить единственно правильное решение, продиктованное необходимостью: прорыть тоннель, который соединил бы оба берега Эльбы; и стоило бы дешевле, и никаких вышеупомянутых недостатков моста. Однако нацистам не нравились подземные сооружения, может быть, потому, что их не видно.

Любимой затеей режима был знаменитый четырехлетний план. Я всегда изумлялся, почему он назывался «планом». Правительственное регулирование торговли и промышленности привело к тотальному государственному контролю; Гитлер подхватил русскую идею пятилетнего плана, и все же различия значительны. Русские стремились создать крупное промышленное производство в стране, где такового практически не существовало. Четырехлетний план Гитлера, наоборот, не имел никакой цели, кроме демагогического эффекта. Все бессвязные мероприятия, сведенные под заголовком так называемого четырехлетнего плана, не являются плодом логической концепции и заранее составленного плана, точно так же, как автострады, народный автомобиль или пирамиды, против которых выступал доктор Шахт. Когда Гитлер объявил в Нюрнберге о четырехлетнем плане, немецкие промышленники сильно удивились. Фюрер ни с кем не проконсультировался, и никто не понял, что он имеет в виду.

Автострады, обмундирование, перевооружение, крупномасштабное строительство и роскошный образ жизни руководителей требовали огромных расходов. Из-за сокращения немецкого экспорта в стране было недостаточно иностранной валюты для обеспечения немецкого народа продовольствием, а промышленности — сырьем.

«Это не должно нас смущать, — говорил себе Гитлер. — Германия произведет все, в чем она нуждается. В стране есть ученые, инженеры и изобретатели. Германия использует собственные ресурсы. Это вопрос силы

воли, интеллекта и энергии. Национал-социалистический строй преодолеет все трудности». И он поручил Герингу претворять четырехлетний план в жизнь.

Геринг ничего не понимает в экономических проблемах. Он первый признал это, но у него есть рецепты, которые он считает безотказными. Первый из них — приказывать. Геринг говорит: «Постройте завод, который производит сто тысяч тонн бензина в год!» И завод должен быть построен. Или вдруг он заявляет: «Производительность необходимо удвоить!» И он думает, что этого достаточно для достижения цели.

Его великая идея состояла в том, чтобы сделать Германию независимой от внешнего мира в добыче железной руды. В Германии всего лишь несколько железных рудников, и руда в них низкого качества. Почти всю руду, необходимую для производства металла, приходится импортировать из-за границы. Однажды немецкие эксперты заявили: «В Германии полно железной руды, но промышленники не хотят ее добывать». На самом деле эксперты сделали вид, что обнаружили значительные месторождения руды в Зальцгиттере в предгориях Гарца, в провинции Баден и других местах, названия которых я не могу вспомнить. На самом деле все эти месторождения были известны, и самым богатым считалось то, что в Зальцгиттере. Руда там довольно богата, но содержит большое количество кремния, а для рентабельной добычи железная руда должна быть магнитной, чем месторождение в Зальцгиттере похвастаться не может. Условия там далеко не такие, как в Лотарингии, где найдены и кремниевая и кальциевая руды, которые смешиваются в домнах.

Промышленники, конечно, давно знали о зальцгиттерской руде. Она принадлежала Пруссии, и Пруссия продавала ее в предыдущем году. Вдруг Геринг снова заинтересовался ею и потребовал сотворить чудеса. Проконсультировались с одним американским инженером, и тот объявил, что руда — отличная и следует строить большой завод. Представитель партии, некто Плейгер, начал

атаковать промышленников, которые, по его словам, не желали ничего делать. Сейчас он — генеральный директор концерна «Рейхсверке Герман Геринг», ибо такое название дали новому предприятию.

Проконсультировавшись с партийцами, Геринг отдал приказ построить в Зальцгиттере самые крупные в мире сталелитейные заводы. Выполнение приказа было поручено тому самому инженеру. Его специальностью было строительство заводов, и порученное дело было ему выгодно. С немецкими металлургами не проконсультировались — несомненно, потому, что они слишком много знали. Сейчас, правда, их пригласили принять участие в проекте, и они решили вмешаться. Они сказали Герингу, что, по их мнению, руда никуда не годится, но тем не менее согласились на разработку месторождения; если инженер прав, то они построят домны и сталелитейный завод в Зальцгиттере. Это будет стоить около полумиллиарда марок. Самые крупные промышленники совместно составили меморандум, который собирались передать Герингу. Геринг знал о их намерении и в тот момент, когда меморандум уже собирались подписать, прислал телеграмму двум участвовавшим в проекте фирмам, где дал понять, что считает всякое противодействие (и соответственно подписание меморандума) попыткой намеренного срыва снабжения Германии железом, то есть актом измены. Естественно, в такой ситуации никто меморандум не подписал. В строительстве завода участвовали основные металлургические концерны Германии: Круппа, Клёкнера, «Объединенные сталелитейные заводы», «Маннесман» и др. Выхода у них не было. Геринг отдал приказ.

Это, однако, не избавило проект от полного провала. Зальцгиттерскую руду невозможно было использовать в ее первозданном виде. Согласно технологическому процессу, ее небходимо было смешивать со шведской рудой, причем требовалось очень мало немецкой руды и как можно больше шведской.

На строительство «Рейхсверке Герман Геринг» были потрачены колоссальные деньги. В США заказали са-

мое лучшее оборудование, возвели рабочие поселки и подвели железные дороги; встал вопрос и о рытье каналов. И все это время завод не работал.

В металлургической промышленности самое главное — транспортировка. И сырье, и конечный продукт тяжеловесны и громоздки. Идеальное расположение металлургических заводов — по соседству с угольными шахтами и железными рудниками. Перед строительством нового завода мой отец всегда с особой тщательностью изучал транспортную проблему. Домны и сталеплавильные заводы Рура расположены в непосредственной близости от угольных шахт, а руда подвозится к ним по реке либо по каналу. Подобным же образом обрабатывающие заводы должны размещаться близ тех мест, где производятся железо и сталь.

В свете этих логических принципов, подтвержденных опытом, заводы Зальцгиттера — нелепость. Они расположены в самом центре Германии, где поблизости нет угля. Правда, кое-какая руда там есть, но ее невозможно использовать в чистом виде. Следовательно, весь уголь и руды, необходимые для технологического процесса, приходится привозить издалека, а чугун в чушках — отправлять в промышленные регионы. Никогда подобная структура не будет работать должным образом.

Вот вам одно из величайших достижений четырехлетнего плана. Под предлогом освобождения Германии от зависимости от иностранной железной руды они сооружают завод, который не в состоянии функционировать, но который тем не менее будет потреблять импортную руду. Однако подобные соображения нацистов не останавливают. В качестве оправдания строительства заводов в Зальцгиттере приводится необходимость обеспечения Германии железом на случай войны, но домны Рура еще далеко не исчерпали своих возможностей. Чтобы поддерживать производство в Зальцгиттере, рурские домны придется охлаждать и бессмысленно возить туда-сюда уголь и продукцию. Также придется искать рабочих и отрывать их от привычных занятий. Это верх бессмыслицы.

Однажды Геринг заявил: «Медь? Ну, у нас в Германии полно меди. Мы много лет импортировали ее, следовательно, имеем значительные запасы».

Это пример аргументации, которой пользуется руководитель немецкой экономики. Без сомнения верно, что Германия располагает тысячами тонн меди, но они используются. После начала войны Геринг приказал конфисковать всю медную утварь, без которой можно обойтись, но она составляет очень малую часть. Медь есть в двигателях, на заводах, в электрических проводах и т. д., но для ее получения пришлось бы разрушить все электростанции Германии — детский лепет. Немецкие руководители имеют такие же примитивные представления о технологии и экономике, как австралийские аборигены. Простой рабочий гораздо больше понимает в этих вопросах, чем «лидеры».

Они совершили все грубые ошибки, какие только можно было совершить. В Дюссельдорфе проживал мошенник, уверявший, что умеет делать золото. Все знали, что он — бесчестный шарлатан, но он был знаком с владельцем знаменитого отеля в Годесберге, где фюрер решил убить Рёма и где позже принимал мистера Невилла Чемберлена. Владелец отеля по фамилии Дрезен, знавший всех партийных сановников, рассказал им о производителе золота, и однажды в Дюссельдорф приехал с тремя экспертами личный технический советник фюрера Вильгельм Кепплер, чтобы изучить это необычайное явление.

У одного промышленника и шахтовладельца работал химик, как-то представивший ему доклад, в котором доказывалось, что съедобные жиры, заменяющие масло, можно получить из угля. Промышленник, о котором идет речь, был в отличных отношениях с Герингом, и история начала их дружбы столь примечательна, что о ней стоит рассказть. Некий дюссельдорфский художник вел богемный образ жизни и часто охотился с соколом. Промышленник представил художника Герингу, и тот немедленно решил, что этот способ охоты, практиковавшийся сред-

невековыми рыцарями, следует возродить. Теперь же наш промышленник отправился с визитом к Герингу и сообщил ему о чудесном проекте получения масла из угля. «Наконец-то, — сказал он, — мы получили способ, которым можно залатать самую большую дыру в наших запасах продовольствия». Я должен здесь добавить, что Германии приходится импортировать около половины необходимых съедобных жиров. Геринг приказал оборудовать большую лабораторию для изучения возможностей получения масла из угля. Кажется, в этой лаборатории удалось извлечь какой-то весьма твердый жир. Даже говорят, что проводились опыты на обитателях тюрьмы в Плётцензее близ Берлина. Все заключенные, поевшие хлеба с угольным маслом, тут же заболели болезнью, похожей на цингу.

Кстати, Геринг как раз совершил еще одно открытие, достойное его гения. Немецкие фермеры используют для кормления домашнего скота некоторое количества молока, необходимого для молодых животных.

Уменьшая жирность молока, сказал себе Геринг, можно из сливок делать дополнительное количество масла. В конце концов, пьют же люди снятое молоко. Претворяя в жизнь эту едва родившуюся в его голове блестящую мысль, Геринг приказал давать всем телятам снятое молоко. Вероятно, развязка была такой же, как и в случае с заключенными Плёцензее.

Четырехлетний план предусматривал использование всех национальных ресурсов Германии. Однажды нацисты из экономического штаба Геринга обнаружили золото на Рейне. Действительно, в речном песке есть едва заметные следы золота. Опираясь на свидетельства Нибелунгов — и Рихарда Вагнера, — предположили, что золото здесь добывалось в Средние века или древними германцами. Нацистские эксперты предложили промывать песок на Рейне, и результат, естественно, оказался нулевым.

А вот еще одна история того же рода, но гораздо более досадная, поскольку касается металлургической про-

мышленности: один геолог представил доклад, в котором обосновывалось большое содержание железа в песках Балтийского моря. Может быть, в морском песке действительно попадаются следы железа. Геринг приказал изучить вопрос со всей серьезностью и прислал нам длинный меморандум, в котором просил изложить наше мнение. Он нисколько не сомневался, что морские волны сами принесут шведскую руду к берегам Германии, и не придется грузить ее на корабли.

Нацисты трубят на весь мир обо всем, что им кажется открытием. Они подняли еще больший шум из-за так называемого нового сырья, созданного в рамках четырехлетнего плана. Они изобретательно назвали его «новые производственные материалы» — чтобы избежать слова «эрзац», которое так плохо воспринимается с прошлой войны. На самом деле было найдено несколько полезных заменителей: расширили использование алюминия и легких металлов (сплавов, основанных на магнии), а также пластмассы. В целом же их изобретения вытекали не из необходимости, а скорее были самоцелью.

Однако все это не интересует тяжелую индустрию. Единственные два продукта, который представляют некоторый интерес, — это искусственные резина и шерсть. Что касается резины, химики достигли весьма удовлетворительного качества, однако цена искусственного продукта во столько раз превосходит цену натурального, что пройдет еще много времени прежде, чем ее можно будет производить на разумном экономическом базисе.

С целлюлозными тканями дело обстоит иначе. Министерство химической промышленности убедило Геринга в том, что химики могут все; например, создан волокнистый материал, которому сумели придать вид овечьей шерсти. Правда, у этой псевдошерсти имеются два дефекта. Во-первых, непрочность и неоднородность, и поэтому, какой бы низкой ни была цена, продукт слишком дорог. И главное, псевдошерсть не греет. Волосок овечьей шерсти, как любой другой, представляет собой трубочку. Вероятно, главным образом имен-

но благодаря такому строению шерсть — плохой проводник тепла. Несмотря на всю свою ловкость, химики концерна «И. Г. Фарбениндустри» еще не научились протыкать отверстия в волокнах целлюлозы. Тем не менее по всей Германии построены большие фабрики для переработки древесных стволов в шерсть. Древесину приходится импортировать, но, похоже, никого это не заботит. Геринг заявляет, что так дешевле, чем импортировать шерсть. В начале нацистского правления я привлек внимание к тому факту, что неразумно одевать всех в форменную одежду. Это увеличило неоправданные потребности в шерсти. Сейчас даже в армейском обмундировании велико процентное содержание искусственной шерсти. Зимой 1937 года в моем родном Мюльхайме невозможно было найти шерстяное белье для работающего населения. Чтобы воплотить на практике идеи химиков, режим, не колеблясь, разрушил всю швейную промышленность Германии.

Во всем проступает непоследовательность. «Объединенные сталелитейные заводы» построили большой газификационный завод для производства искусственного газа из угля. Строительство закончилось, и завод уже должен был давать продукцию. Мы ожидали поздравлений от Геринга. Ничего подобного! Нам вдруг приказали преобразовать завод: предприятие, построенное для газификации угля, предстояло приспособить к ректификации сырой нефти. Причина этого интересна сама по себе. Только что обнаружили новое месторождение нефти с запасами, превышающими все предыдущие результаты бурения в Германии. На этом основании берлинские чиновники вообразили, что новые нефтяные месторождения сравнимы с техасскими нефтяными промыслами! Именно поэтому Геринг неожиданно пожелал преобразовать наш завод, приведя совершенно типичные для него доводы. Когда-то он сказал: «В нашей стране есть нефть; мы должны искать, и мы найдем». И как только обнаружилось весьма средненькое месторождение, его воображение тут же нарисовало великолепную картину, как не-

ограниченные запасы нефти потоком льются из немецкой почвы.

То же самое произошло и с производством синтетического бензина. Геринг решил, что выработку следует повысить до пяти миллионов тонн. Было заявлено, что в этом случае с деньгами проблем не будет; правительство предоставит все необходимые кредиты. Фактически, требовалось построить новые заводы и расширить старые. Несомненно, чиновники были правы, но для получения одной тонны газа требуется десять тонн угля. Соответственно, пришлось бы увеличить добычу угля в шахтах. Однако в Берлине так далеко не загадывали.

Геринг — человек военный. Он полагает, что достаточно приказать промышленности, и все будет исполнено. Если промышленники объявляют, что выполнить приказ невозможно, их обвиняют в саботаже. Скоро Германия ничем не будет отличаться от большевистской России; руководителей предприятий, которые не выполняют предписанные «планом» задания, станут обвинять в предательстве немецкого народа и расстреливать.

«Объединенные сталелитейные заводы» владеют маленькой верфью в Эмдене. Однажды Гитлер приказал преобразовать верфь в большой судостроительный завод. Мы ответили, что не имеем необходимых средств, и сразу же получили двадцать четыре миллиона марок. Это случилось за два года до войны. Гитлер вдруг решил строить крупный военный флот.

В общем и целом достижения нацистов представляют собой мешанину экономических нелепостей. В течение семи лет мне приходилось бороться со всеми этими невежественными и некомпетентными людьми. Объяснять им глупость их проектов или доказывать несостоятельность их специфических доводов — пустая трата времени. В реальности нацистский режим разрушил немецкую промышленность. Все вышеупомянутые эксперименты с искусственными продуктами потеряют смысл, как только восстановится международная торговля. Тогда Германия останется с огромными заводами, поглотившими милли-

арды марок, и единственный выход: передать их фирмам, занимающимся сносом. Отрасли промышленности, которым не хватает денег на то, чтобы идти в ногу с техническим прогрессом и вовремя модернизировать оборудование, попадают в невыгодное положение и не могут конкурировать с заграницей, особенно с Америкой.

Здесь я не пытался описать теорию нацистской экономической системы. Было бы правдивее сказать, что у нацистов нет никакой экономической системы. В своем стремлении в рекордные сроки нарастить огромную военную силу, чтобы напасть на весь мир и избежать банкротства, они прибегали — в экономике, как и в большинстве других областей, — к любым уловкам, что приходили им в голову. Они намеренно жертвовали экономикой мирного времени в угоду военному производству. Огромной проблемой послевоенной немецкой промышленности станет переадаптация к нормальному производству, дабы вновь обрести способность к экспорту и снабжению рабочих. Если сделать это не удастся, то в Германии будет не шесть-семь миллионов безработных, как во время прихода нацизма к власти, а пятнадцать.

Глава 4
АДОЛЬФ ГИТЛЕР ПОТЕРПЕЛ НЕУДАЧУ

Всевластное гестапо — дела генерала Фрича и генерала Браухича

Все деяния Адольфа Гитлера пропагандистские. Национал-социалистическая Германия создала совершенно новые методы пропаганды и использует их с огромной эффективностью, основываясь на глубоком знании психологии масс. Однако же Гитлер презирает простой народ. Он абсолютно не сочувствует трудящимся, и ему всецело чужда забота об обществе. Все, что он делает, он делает не ради народа, а ради рекламы. По этой причине его «социальная» политика в основе своей фальшива.

Даже эту войну Гитлер развязал ради пропаганды. Я и многие другие прилагали колоссальные усилия для того, чтобы Германия не воевала. Однако сейчас никто, даже генералы, не осмеливаются возражать. Нацистский террор заставляет всех молчать, что губительно сказывается на ситуации.

Поначалу Гитлер верил, что ни Англия, ни Франция не предпримут никаких мер в ответ на вторжение в Польшу. Действительно, несмотря на оцепенение, вызванное шокирующим нарушением Гитлером Мюнхенского соглашения, кое-кто в Англии еще полагал, что мир удастся сохранить. Похоже, особые надежды возлагались на начальника гестапо Генриха Гиммлера, ибо он был членом Оксфордской группы и, по определению, пацифистом. Однако, возможно, Гитлер не посмел бы напасть на Польшу, если бы Уинстон Черчилль, в то время простой член парламента, публично не заявил, что вооружение британских военно-воздушных сил не завершено. Именно на подобных основаниях и базируются решения Германии.

В любом случае иностранцу трудно понять характер Адольфа Гитлера. Действительно, иногда его ум поражает. Этот крестьянский сын (таковым, во всяком случае, он притворяется) часто проявляет удивительную политическую интуицию, лишенную всякой нравственности, но необычайно точную. Даже в очень сложной ситуации он отличает возможное от невозможного. Трудно поверить в то, что выходец из австрийской крестьянской семьи наделен столь высоким интеллектом. Возможно, замешательство несколько уменьшается, когда обнаруживается многозначительная брешь в генеалогии Гитлера.

По опубликованным документам, у бабушки Гитлера был незаконный сын, которому и предстояло стать отцом нынешнего лидера Германии. Однако расследование, проведенное по заказу покойного австрийского канцлера Энгельберта Дольфуса, дало интересные результаты, так как досье полицейского департамента Австро-Венгерской монархии оказались на удивление полными. Согласно этим досье, бабушка фюрера забеременела, когда ра-

ботала служанкой в одной семье в Вене. По этой причине ее отослали домой в деревню, а семейство, в котором служила несчастная деревенская девушка (впоследствии фрау Шикльгрубер), было не более и не менее как семейством барона Ротшильда. Это обстоятельство проливает новый свет на дело. Ротшильдам, в течение века поднявшимся из неизвестности до положения одного из величайших европейских семейств, безусловно, интеллекта было не занимать, тем более в бизнесе! И это именно тот тип интеллекта, который Гитлер продемонстрировал в политике. Более того, это предполагаемое наличие у Гитлера еврейских предков, возможно, дает нам психоаналитическое объяснение его антисемитизма. Психоаналитики сказали бы, что, преследуя евреев, Гитлер пытается очиститься от своего еврейского «позорного пятна».

Представляется вероятным, что Дольфус подготовил документ, в котором изложены все эти факты. После убийства Дольфуса этот документ перешел в руки его преемника, доктора Шушнига. Гитлер через своих шпионов узнал о компрометирующем расследовании. Приглашая австрийского канцлера в Берхтесгаден в феврале 1938 года, он намеревался завладеть документом и с этой целью приказал арестовать графиню Фуггер, подругу канцлера Шушнига, которая позже — после его ареста гестапо — стала его женой. Затем компрометирующий документ был передан барону фон Кеттелеру, секретарю германского посла в Вене, господина фон Папена. Вполне вероятно, что Папен не преминул сфотографировать компрометирующие бумаги перед тем, как отправить их с Кеттелером в Берлин. Конечно, таким образом несчастный Шушниг, столкнувшийся в Берхтесгадене со своим страшным противником, лишился единственного оружия против него: угрозы опубликовать документ Дольфуса, который поведал бы миру об истинном происхождении Гитлера.

Между прочим, поговаривают, что копия этого документа находится сейчас в руках британской Секретной разведывательной службы. В любом случае можно пред-

положить, что убийство канцлера Дольфуса связано с расследованием генеалогии Гитлера.

Такие детали, прекрасно укладывающиеся в таинственную историю, многое объясняют во внешней политике нацистов. Однако внутреннюю политику Гитлера в значительной степени можно толковать в свете его отношений с СА. Поскольку Гитлеру не удалось своевременно распустить эту коричневую милицию, настойчиво требовавшую обычного для истинных наемников вознаграждения (такого, как у легионеров Древнего Рима), он так и не смог достичь хорошо организованного политического устройства. Штурмовики всегда ставили себе в заслугу марш с Гитлером перед пантеоном Фельдернхалле в Мюнхене, считая это величайшим проявлением героизма. В конце концов ситуация разрешилась июньскими убийствами 1934 года. В ходе тех «чисток» Гитлер, боявшийся неминуемого конфликта с военными кругами, был вынужден отдать приказ убить Рёма, организатора СА. После гибели Рёма начальником штаба СА стал некий Лютце, потрясающий глупец, который, безусловно, не мог «руководить» этими бандами, над которыми не имел никакой власти.

Весьма странно, что армия, избавившись от своего главного врага, Рёма, не предприняла никаких дальнейших действий. Генералы сочли его уничтожение достаточным и в конце концов стали преданными слугами национал-социалистов. Только старый генерал фон Макензен поначалу пытался протестовать, но сейчас его сын женат на дочери бывшего германского министра иностранных дел и нынешнего протектора Богемии и Моравии барона фон Нейрата. Старому генералу фон Макензену рейх пожаловал поместье. Более чем странен тот факт, что семья Макензена принимает дары от Гитлера, словно от императора. Между прочим, Макензен упорно утверждает, что получил этот дар как награду за свою службу в Первой мировой войне.

Возможно, были подкуплены и другие высшие офицеры. Например, о генерале фон Браухиче рассказывают

следующую историю. Генерал, преодолевший уже пятидесятилетний рубеж, влюбился в одну девушку и решил на ней жениться. Для этого ему пришлось развестись, но жена потребовала за свое согласие необычайно высокое содержание. Генерал не располагал средствами, способными удовлетворить ее аппетиты, поскольку — в отличие от партии — коррупция в армии еще не расцвела. Об истории с Браухичем доложили Адольфу Гитлеру, который всегда жадно интересовался любыми деталями личной жизни заметных персон. Именно он выделил генералу фон Браухичу необходимую сумму. Этот поступок вполне укладывается в характер Гитлера. Он не упускает шанса подкупить важных людей или вынудить их пойти на сделку с совестью.

Дело генерала фон Фрича также служит хорошим примером особых методов, используемых гитлеровским режимом. Фрич считался одним из самых квалифицированных офицеров германской армии и пользовался поддержкой большого числа высших офицеров, а значит, его следовало «ликвидировать». Ради этого, как говорят, глава гестапо лично обвинил Фрича в гомосексуализме. Фрича, с самого начала отрицавшего все обвинения, вызвали в рейхсканцелярию, где его собирались разоблачить в присутствии высшего руководителя. Там ему дали очную ставку с неким молодым человеком, предполагаемым главным свидетелем обвинения. У этого молодого человека действительно была связь с мужчиной по фамилии Фрич, но ему пришлось признать, что тот Фрич и генерал — разные люди.

Тем не менее гестапо долго настаивало на виновности фон Фрича. Для реабилитации генерала был созван трибунал под председательством Геринга, и Герингу представился шанс завоевать симпатии всей армии всего лишь несколькими разумными словами. Однако Геринг этих разумных слов не произнес, и с тех пор у него весьма напряженные отношения с армией.

В итоге генерал фон Фрич действительно совершил самоубийство. Во всяком случае, я могу сказать, что, ка-

ковыми бы ни были истинные обстоятельства его смерти, он хотел умереть. Однако это не имеет никакого отношения к вышеупомянутому разбирательству, в ходе которого он был полностью реабилитирован. Он жаждал смерти, ибо, к своему крайнему огорчению, был свидетелем подчинения Гитлеру всей армии. Он никогда не был искренним сторонником Гитлера, как, например, генерал фон Рейхенау. Фрич всегда выступал за союз с Россией, правда, не с коммунистической Россией. Предпринимались попытки установить контакт между Фричем и русским военачальником Тухачевским. Оба стремились к одному и тому же: каждый хотел сбросить диктатора в своей стране.

Более того, Фрич был одним из тех генералов, кто возражал против нападения на Бельгию и Голландию, и именно ему следует поставить в заслугу то, что Германия не оккупировала эти страны до фактического начала войны. Кстати, даже национал-социалист генерал фон Рейхенау выступал против этого плана. Фрич был в отчаянии, когда началось вторжение в Польшу, которому он всегда противодействовал.

Окончательным решением вопроса с СА Гитлер обязан Гиммлеру. Гиммлер создал черномундирные организации СС и с их помощью безжалостно казнил тысячи штурмовиков в июне 1934 года. Сейчас Гиммлер является одним из самых могущественных людей в национал-социалистической Германии. В его руках сосредочено больше власти, чем у самого Геринга. Он — повсюду, он господствует над всем и вся.

У Гиммлера есть свой личный круг промышленников. В этот круг, среди прочих, входит генеральный директор Фёглер. Все в Германии буквально выслеживают, у кого же в данный момент больше всех власти, чтобы стать как можно более близким союзником самой влиятельной персоны.

Гиммлер развил бурную деятельность по исследованию германских корней. Он финансировал поиски останков древнего саксонского короля Генриха I (Птице-

лова). Эти останки были со всей пышностью преданы земле; на церемонию пригласили множество людей, в том числе и некоторых руководителей промышленности. Один из присутствовавших подробно описал мне эти похороны.

Ночью при свете факелов странная процессия направилась в сторону кафедрального собора Кведлинбурга. Во главе вышагивал Генрих Гиммлер, за ним — штабной персонал СС в шлемах смерти и промышленники в длинных пальто. Все действо казалось имитацией церемоний католической церкви при обнаружении священных реликвий. Участники церемонии спустились в склеп, где перед открытым гробом стояли в карауле офицеры СС, и остановились на почтительном расстоянии. Один только Гиммлер проследовал к гробу царственного защитника своей расы. Командир маршировавших отрядов СС, который контролировал раскопки, доложил: «Я представляю вам лежащие в этом гробу останки Генриха Птицелова».

Генрих Гиммлер обследовал кости и объявил их подлинными. В национал-социалистической Германии решение шефа гестапо непогрешимо даже в подобных вопросах. Затем гроб закрыли, запечатали и торжественно похоронили в склепе.

Вероятно, немаловажно напомнить читателю, что господин Гиммлер и его помощник господин Гейдрих более всех других несут ответственность за преступления, совершенные в германских концентрационных лагерях. Печально, что многие крупные промышленники ищут расположения сильных мира сего, даже если эти особы — палачи.

Позвольте мне к слову упомянуть, что Альфред Розенберг останками средневековых саксонских королей интересуется меньше, чем останками скандинавов в Германии. Господин Розенберг, автор книги «Миф XX века», типичный представитель образования и культуры национал-социалистической Германии, на самом деле учился в русских университетах и входил в латышские студенчес-

кие общества, однако он — один из суперарийцев национал-социалистического рейха.

Короче говоря, перед началом войны меня пригласили в Померанию. Там я с удивлением услышал о ведущихся неподалеку раскопках, которые только что увенчались успехом. Были найдены кости скандинавов, что «доказывало» старую теорию Розенберга: мол, прусская провинция Померания всегда была чисто арийской. Я выразил удивление, ведь, насколько я знал, Померания была создана славянами. Однако в наши дни этот хорошо известный факт ничего не значит, ибо Розенберг желает другого. Конечно, все эти раскопки — ребячество, но в Германии даже в самых нелепых ребяческих выходках присутствует логика.

На все это можно было бы не обращать внимания, если бы политика была так же логична. Но любой, кто так думает, абсолютно неправильно понимает эту страну. Нет ничего подобного у власти с центром в Берлине. Гитлер не может похвастаться никакими достижениями в сфере внутреннего порядка. Он почитал очень разумным создание государственной системы, в которой все властные структуры уравновешивают друг друга. Наряду с бургомистром повсюду имеется партийный функционер, так называемый крейслейтер (районный руководитель). И так с каждым важным постом. Если эти двое, которым приходится работать бок о бок, находят согласие, ситуация еще терпима; если же нет, идет постоянная борьба, естественно вредная для всей правительственной структуры. Хотя эти обстоятельства совершенно неизвестны публике, они пагубны.

Действительно, эта взаимная нейтрализация сил заметна во всех сферах. Теоретически, например, владелец фабрики является и ее руководителем, однако к нему приставляется представитель Трудового фронта, и, если его не подкупить, он постоянно вмешивается.

Первый национал-социалистический министр экономики доктор Шмидт, прежде один из самых уважаемых директоров страховых компаний, впоследствии уволен-

ный национал-социалистами, снабдил меня некоторыми деталями. По его словам, иногда управляет министр экономики, а иногда и кто-нибудь другой. Центральная власть больше не функционирует. Кабинет министров Германии не заседает уже два года. Никто не дает никаких указаний. Единственная на сегодняшний день существующая в Германии организация — это колоссальная система коррупции. Примеры приемов и методов этой беспримерной коррупции, которые я знаю по личному опыту, будут приведены в следующей главе.

Глава 5
ОРГАНИЗОВАННОЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО НАЦИСТОВ

Использование государства в своих интересах

Когда в 1933 году национал-социалистическая партия пришла к власти, ее лидеры были бедны. Гитлер жил аскетом в скромном доме в Берхтесгадене. На финансирование политической деятельности он использовал почти все доходы от своих литературных трудов. Партия была обременена долгами. Все средства ушли на финансирование избирательной кампании 1932 года.

Однако ныне «партия управляет государством». Долгов больше нет. Повсюду во имя партии строятся дворцы. Даже мелкие руководители стали миллионерами. Геринг владеет чуть ли не полудюжиной замков в Германии и виллой в Швейцарии, а в 1933 году у него не было ничего, кроме долгов. У Геббельса роскошный дом на острове Шваненвердер близ Берлина, прежде принадлежавший еврейскому банкиру. Гиммлеру принадлежит вилла в Берлине, и еще он купил большое поместье в Баварии. Риббентроп единственный не был бедняком, потому что женился на дочери богатого немецкого производителя шампанского, Хенкеля, но и это не помешало ему стать вором. После убийства моего племянника фон Ремница в концентрационном лагере Дахау Риббентроп захватил его

замок в Фушле близ Зальцбурга и даже имел наглость пригласить в украденный дом графа Чиано, итальянского министра иностранных дел.

В низовых партийных рядах картина такая же. Гаулейтеры и делегаты Трудового фронта заседают в советах директоров крупных промышленных корпораций. Альберт Ферстер, гаулейтер Данцига, прибыл в этот древний город с пустыми карманами, а ныне он очень богатый землевладелец.

Где же времена, когда национал-социализм боролся против «прогнившей веймарской системы»? Тогда партия устанавливала ограничение в тысячу марок на зарплаты государственных служащих. На всех массовых митингах Геббельс разоблачал «продажность» политических бонз, занимавших правительственные посты. Бывший социал-демократический министр, подвергшийся нападкам Геббельса и обвиненный в том, что разбогател за счет государства, вынужден был объяснять, что его скромный дом под Берлином построен кредитным товариществом дешевого жилья, которому он продолжает выплачивать ежегодные взносы.

В те давно прошедшие дни национал-социалисты представлялись общественности образцами добродетели и неподкупности, однако, придя к власти, они возвели взяточничество в ранг государственной нормы.

С 1933 года в Германии отсутствует регулярная финансовая отчетность. Бюджеты рейха, отдельных провинций, муниципалитов, партии и партийных организаций засекречены и неконтролируемы. Как управляются общественные финансы Германии, я объясню позже.

Кроме государственного финансирования существует множество особых фондов, наполняемых без ведома общества. Эти фонды находятся в распоряжении какого-либо партийного лидера, который может тянуть из них деньги, не отчитываясь за свои расходы. Методы используются разные, но в результате именно немецкий народ всегда расплачивается за роскошества всех своих сатрапов, больших и маленьких.

Каждому свое. Геринг, фельдмаршал и премьер-министр Пруссии, олицетворяет коррупцию режима. Он берет взятки в масштабах, сравнимых даже не с частными, а с государственными операциями. Геринг — правитель Пруссии; он управляет ее государственными владениями (бывшей собственностью короны). Прусское государство дарует ему право свободно распоряжаться своими землями в его личных целях. Он распределяет эти земли как вознаграждение за оказываемые ему услуги. Старый президент фон Гинденбург не погнушался принять замок и несколько тысяч гектаров земель и лесов из рук Геринга, которого только что произвел в генералы. Дар выглядел как знак благодарности, но старый фельдмаршал и, самое главное, его сын Оскар, жадные до земельной собственности, как все юнкеры (прусские дворяне), сочли это вполне нормальным, словно Геринг был королем Пруссии. Фельдмаршал фон Макензен, которому было тогда более восьмидесяти лет, получил более скромное имение и тоже от Геринга, как подарок от имени государства Пруссия, хотя Макензен вовсе не одобрял действия нынешних правителей Германии, к которым определенно относился прохладно, особенно после религиозных преследований.

Однако особую щедрость Геринг проявляет к себе лично, накапливая жалованья за свои различные посты: жалованье фельдмаршала, жалованье председателя рейхстага, жалованье министра авиации и еще одно — премьер-министра Пруссии. Мимоходом упомяну и другие его титулы главного лесничего и главного охотничего Германии и Пруссии, за которые он получал ежемесячное жалованье. Геринг не из тех, кто отказывается от денег. Доходы, которые он извлекает из своей государственной деятельности, наверняка превышающие два миллиона марок в год, выплачиваются из бюджетов рейха и Пруссии. Где же тот лимит в тысячу марок, который нацисты когда-то обещали сохранить для всех государственных чиновников и управленцев?

Однако Геринг не довольствуется тем, что подрывает бюджет своими жалованьями. Как премьер-министр, он — фактический владелец прусского государства. Гитлер хвастает тем, что объединил Германию и подавил прежние федеральные государства, однако, с точки зрения Геринга, прусское государство продолжает существовать. Это вотчина, которую он эксплуатирует, и никогда ни один король Пруссии не жил за счет своих подданных так роскошно, как фельдмаршал! Все, что принадлежит Пруссии, принадлежит ему. Он сделал себе подарок — для личного пользования — несколько тысяч гектаров в прекрасном лесу Шорфхайде к северу от Берлина. Это роскошный природный парк, где Геринг выращивает лосей и зубров. Я уж не говорю о его непомерном охотничьем персонале. И конечно же егери являются государственными чиновниками, ибо Геринг, в отличие от королей Пруссии, не оплачивает свой штат из собственного кармана. В этих великолепных угодьях он построил себе дворец Каринхалле. В сравнении с ним Сан-Суси кажется хижиной, хотя Фридрих Великий все свое царствование украшал его.

У Геринга есть еще один дворец в Берлине, куда после пожара рейхстага он переехал из дома, отведенного для председателя рейхстага. Без сомнения, та скромная резиденция более не соответствовала его запросам[1]. Новую резиденцию ему построили в садах старой прусской палаты господ рядом с новым зданием министерства авиации. Целый район Берлина в самом центре образует настоящий «город Геринга» с его личным дворцом Херренхаус, Домом авиаторов и внушительным зданием министерства авиации, завершенным в 1935 году.

Будучи вторым по значимости человеком в Германии, Геринг полагал, что, как и фюрер, должен иметь виллу в Баварских Альпах. Премьер-министр Баварии, зная об

---

[1] На судебном процессе, посвященном пожару рейхстага, было установлено, что это здание с рейхстагом связывал подземный переход, по которому могли быть доставлены горючие материалы. (*Примеч. авт.*)

этом его желании, предложил ему землю в Оберзальцберге напротив владений фюрера. Как бы ни были велики доходы Геринга от государственных постов, их не хватало на финансирование всех его прихотей. Через несколько лет после прихода к власти Геринг продолжал делать долги, для оплаты которых требовалось личное вмешательство Гитлера.

К тому же Геринг берет взятки. Его назначили уполномоченным по четырехлетнему плану и экономическим диктатором Германии. Промышленники стремятся сохранять с ним хорошие отношения и делают ему подарки по таким случаям, как свадьба или день рождения. Последнее событие неизбежно надвигается каждый год, и именно к этому дню щедрые подношения организуются заранее. За несколько месяцев до дня рождения Геринга руководитель такой-то промышленной организации получает предложение сделать дар деньгами или как-то иначе. Приезжает посыльный от Геринга и тайно сообщает, что фельдмаршалу понравилась бы определенная картина, статуя или старинный гобелен. При этом называется местонахождение упомянутого предмета и адрес антиквара. Иногда к выбранной жертве заявляется сам антиквар, и жертва никоим образом не может избежать оказанной чести. Антиквар и Геринг всегда заключают выгодную сделку.

Премьер-министр Пруссии владеет несколькими коллекциями живописи. Некоторые картины взяты из разных прусских государственных музеев. Одна картина изъята из Кельнского музея. Когда директор этого музея потребовал объяснений, ему заявили, что картину обменяют в Париже на гобелен. В музей могли бы вернуть хотя бы гобелен, но на вопросы директора был получен ответ: «Не волнуйтесь, он у Геринга».

Я тоже имел честь ублажить фельдмаршала, сделав скромный вклад в его картинную галерею, ибо он конфисковал принадлежавшие мне картины из моего дома в Мюльхайме, и картины, принадлежавшие моим детям в Баварии.

Однако среди всей этой художественной роскоши Геринг не забывает, что всем своим состоянием он обязан фюреру. Когда в его берлинскую резиденцию приходят гости, он с большой любовью показывает им маленькую акварель — вид разрушенной деревни на севере Франции. Это личный дар фюрера, нарисованный им во время Первой мировой войны. Геринг притворяется, что ценит произведение фюрера превыше картин фламандского примитивиста или итальянского мастера.

Геринг также демонстрирует и другие яркие черты своего характера. Он любит драгоценности. В Берлине у него был агент, известный еврейский ювелир Фридлендер, которому, даже поговаривали, он был должен большую сумму. После того как евреев изгнали из немецкого бизнеса, Геринг стал владельцем ювелирной фирмы Фридлендера.

Потакая своим дорогостоящим прихотям, Геринг не пользуется каким-либо конкретным методом, или, вернее, он использует все методы. Он располагает доходами прусского государства, он принимает взятки от промышленников, он присваивает конфискованное имущество — из всего он извлекает выгоду.

По сравнению с ним Гитлер — образец нравственности. Став рейхсканцлером, Гитлер благородно отказался от положенного жалованья, чего никогда не делали его предшественники Штреземан или доктор Брюнинг! Не знаю, остался ли он верен своему решению. Тем не менее Гитлер — богатейший в Германии человек. Правда, он разбогател не на должностных окладах. Своим состоянием он обязан своему литературному труду. Действительно, Гитлер — литератор, если не самый читаемый, то, по меньшей мере, самый продаваемый из всех писателей в мире. Продажи «Майн камф» достигли семи или восьми миллионов экземпляров. По решению рейхсминистерства внутренних дел эту книгу выдают за счет муниципалитетов всем новобрачным, а число вступающих в брак в Германии со времени прихода Гитлера к власти сильно увеличилось, хотя сам фюрер остается холостяком.

Гитлер владеет большей частью акций в партийном издательстве «Франц Эхер», которое издает «Фёлькишер беобахтер» и всю партийную периодику. Эти партийные газеты широко распространяются. Подписка является моральным обязательством для всех чиновников и видных деятелей и для всех, кто в той или иной степени зависит от властей, поскольку она — доказательство лояльности режиму. В городах и сельской местности партийные чиновники ходят по домам, навязывая подписку. Отказаться трудно. «Фёлькишер беобахтер» — самая читаемая ежедневная нацистская газета, сумела монополизировать всю рекламу, прежде появлявшуюся в деловых и промышленных вестниках, а это очень выгодно. Господин Гитлер, литератор, издатель, владелец нескольких газет, как только что было продемонстрировано, зарабатывает несколько миллионов марок ежегодно. Поэтому он и может отказаться от жалованья, положенного ему как канцлеру. Кроме того, он также получает оклад рейхспрезидента.

Следует отметить, что его потребности скромны. Он не увлекается хорошей едой, не пьет и не курит, у него нет любовницы. Аскет Брюнинг хотя бы курил сигары. Однако Гитлер, как и Геринг, питает слабость к живописи. Как он любит говорить, если бы он не пошел в политику, то посвятил бы свою жизнь живописи. Иногда он на собственные деньги покупает картины старых мастеров, но главное, он принимает дары. Города и провинции предложили ему несколько музейных экспонатов, и множество частных граждан, желающих выказать свою благодарность или восхищение фюрером, дарят ему произведения искусства. Однако Гитлер сам не обращается к художественным дилерам, как Геринг. В качестве посредника он использует своего личного фотографа Хоффмана. Хоффман — единственный официальный фотограф, уполномоченный Гитлером и его режимом. Эта монополия приносит ему богатство, хотя он и не считает ниже своего достоинства зарабатывать комиссионные на произведениях искусства. Он пользуется теми же методами,

что и прислужники Геринга, с той лишь разницей, что жертве это обходится еще дороже. Какой-нибудь уважаемый торговец произведениями искусства приходит к одному из своих лучших клиентов и обращается к нему примерно так: «У меня есть на продажу некая картина. Я знаю, что наш любимый фюрер очень хочет ее иметь. Не желаете ли вы подарить ему эту картину?» Все понимают, что это означает, и предложение принимается.

Правда, часто случается, что Гитлер дарит картину человеку, которого желает облагодетельствовать. Однажды он послал доктору Ялмару Шахту картину классика немецкой жанровой живописи Шпицвега в великолепной раме. Шахт сразу же заметил, что это грубая копия знаменитого оригинала. Он решил, что фюрера обманули, и отослал картину обратно, сказав, что это копия. Разъяренный Гитлер заявил: «Эта копия — оригинал!» В конце концов, почему бы и нет, ведь аксиома режима гласит: «Фюрер всегда прав»? Даже через несколько месяцев гости могли лицезреть в гостиной Шахта пустую раму с маленькой табличкой, написанной владельцем от руки: «Эта рама обрамляет копию Шпицвега, подаренную фюрером».

Бедный Шахт! Он контролировал финансы государства, но так и не смог добиться признания его властителей. Я не думаю, что в каком-либо из современных государств можно отыскать методы, аналогичные тем, что используются сейчас в Германии для финансирования незаконных действий. У партии есть личная армия. Я имею в виду не штурмовиков — СА, ибо после «ночи длинных ножей» и убийства Рёма они ушли на второй план. Местные отделения живут за счет центральных партийных фондов или грабежей, особенно после конфискации еврейской собственности. Но СС, черная полиция Гиммлера, преторианская гвардия Гитлера и важных персон режима, имеет собственные средства существования. В данном случае взятки играют важную политическую роль. Финансирует Гиммлера и его СС Вальтер Дарре, министр сельского хозяйства. Именно

это позволяет ему до сих пор оставаться на своем посту, несмотря на его ничтожность.

Может возникнуть вопрос, откуда берутся эти фонды. Ответ прост. В первые годы нацистского правления, чтобы защитить сельское хозяйство Германии, Дарре установил так называемый внутренний контроль над ценами. Согласно Дарре, это сделано для того, чтобы поощрить фермеров выращивать все, что необходимо немецкому народу. Эта мера абсурдна, но и она играет важную роль в нацистской фразеологии. Она ввергла Германию в продовольственный кризис задолго до того, как разразилась нынешняя война, и привела страну к продуктовым карточкам. В мирное и даже теперь, в военное время, несмотря на очень жесткие ограничения, Германия вынуждена импортировать часть продукции, необходимой для существования. В последние несколько лет объем импорта увеличился примерно до полутора миллиардов марок в год. Закупки за границей производятся за счет Reichsnahrstand (Объединение имперских поставщиков продовольствия), которой управляет Дарре, рейхсминистр и глава фермерской организации, зависимой от партии. Товары, закупаемые на бирже по текущему курсу за границей, перепродаются на германском рынке по курсу, назначенному господином Дарре. Разница существенная; в отдельные годы может достигать нескольких сот миллионов марок. Цифра в полмиллиарда марок ежегодно не будет сильно завышенной и, следовательно, Reichsnahrstand очень богата. С накопленными таким образом суммами корпорация финансирует собственный, как они его называют, «политико-аграрный» аппарат. Эта организация имеет представителя в каждой области, каждом районе, каждой деревне, и каждый представитель получает жалованье согласно своему рангу. Господин Вальтер Дарре приобрел и отреставрировал средневековый королевский замок в Госларе, древнем и живописном городе в центре Германии. Там он и расположил свои бюро, подальше от Берлина и центральной власти. Выбор мест-

ности говорит о его романтических наклонностях, но этот романтизм служит и маскировке коррупции.

Дарре управляет экспериментальными фермами по выращиванию шелковичных червей, конопли, льна, тутовых деревьев, соевых бобов и другими бесполезными и эксцентричными проектами. Он субсидирует Альфреда Розенберга, автора неоязыческого арийского культа и инициатора исторических и доисторических исследований. Деньги берутся из личного бюджета каждого немецкого рабочего, поскольку являются результатом произвольных цен на продовольствие. Таким образом обеспечиваются излюбленные арийские проекты режима. Покупая скудную порцию нормированных продуктов, каждая немецкая домохозяйка может с удовлетворением отмечать свой скромный вклад в выкапывание костей викингов из песков Померании или в археологическую псевдонауку, о которой постоянно трезвонят нацисты.

И это далеко не все. Большую часть бюджета Reichsnahrstand и, соответственно, дань с каждого немецкого рабочего получает Генрих Гиммлер, которому деньги необходимы на содержание его гестапо и армии охранников, шпионов и палачей. Разницу между внутренними и внешними ценами можно конвертировать в компенсационный фонд и с его помощью снизить уровень цен на некоторые предметы необходимости, но ничего подобного не делается. Немцы платят за все продукты питания гораздо больше мировых цен не ради развития сельского хозяйства, а для содержания шпионов, которые за ними же и следят, и палачей, которые их же пытают.

Эти господа имеют и еще один дополнительный источник дохода. Определенное количество состоятельных персон настойчиво просят регулярно вносить взносы в фонд СС. Взамен они получают диплом и значок с двумя начальными буквами названия черной полиции и звание покровителей СС. Эта честь стоит дорого, зато служит «рекомендацией» для гестапо, но за нее борются промышленники, торговцы и чиновники, особенно те, кто не является членами партии. Они верят, что таким

образом защищаются от Гиммлера. Это напоминает дань, которой средневековые купцы и горожане откупались от грабителей-баронов, чтобы защитить свои товары и жизнь.

Как же Гиммлер распоряжается всеми этими денежными средствами? Он платит своим людям, строит казармы и общественные центры для своих войск, виллы и загородные дома для себя и других руководителей гестапо, покупает оружие независимо от военного министерства. Гиммлер, как и Дарре, любит устраивать роскошные банкеты. Он платит своим шпионам в Германии и за границей. Кто знает, может быть, даже концентрационные лагеря, зависящие от шефа гестапо, поддерживаются скромным бюджетом рабочих, благодаря произвольному уровню цен на продовольствие.

Я уже упоминал одного особого клиента Дарре — Альфреда Розенберга. Этот псевдофилософ русского происхождения руководит организацией под названием «Внешнеполитическое управление национал-социалистической партии». Сюда входит большая группа заговорщиков, имеющих свою сеть даже за пределами Германии. Именно Альфред Розенберг финансирует живущих в Германии белогвардейцев. Он поддерживает милицию, состоящую из молодых русских, готовых на все, лишь бы сбросить Сталина. Я не знаю, положил ли пакт с русским диктатором конец этой подпольной деятельности[1].

Розенберг считается бескорыстным. Говорят, что он жертвует личные доходы на благо общего дела. Когда Гитлер присудил ему немецкий Гран-при в области философии (заменивший в Германии Нобелевскую премию), его объявили очень бедным. Однако его антихристианские книги хорошо распродаются. Их обязаны покупать школьные библиотеки даже в католическом Рейнланде!

---

[1] Конечно, это было написано до войны нацистов с Советским Союзом. (*Примеч. первого изд.*)

Бальдур фон Ширах и его гитлерюгенд также финансируются из бюджета домохозяек через министерство продовольствия. Фон Ширах оплачивает расходы своего персонала, платит за их заграничные путешествия и содержит целую армию юношей и девушек. Дарре, Гиммлер и Бальдур фон Ширах составляют радикальную группу национал-социалистической партии, имеющую значительное влияние. Их союз зиждется на соучастии в коррупции. Это одно из последствий странных методов финансирования, существующих в нынешней Германии.

За самыми крупными «черными» фондами Дарре, пожалуй, следуют фонды доктора Лея, заикающегося пьяницы, руководителя Германского трудового фронта. Лей контролирует от четырех до пяти миллионов марок, ежегодно выплачиваемых немецкими рабочими в виде налогов Трудовому фронту.

Я не говорю, что Лей кладет все эти деньги в свой карман, но цифра точно вскружила ему голову. Он оказался в положении человека, выигравшего миллион в тотализаторе на скачках, и бросился искать, как бы потратить свои деньги. Он приказал выстроить целый флот. Один из кораблей, носивший его имя, затонул при транспортировке войск в Норвегию. Он посылал свою флотилию на Мадейру и в скандинавские фиорды. Он приказал построить автозавод для производства «народного автомобиля» и по этому случаю изобрел совершенно новую форму мошенничества. Будущим покупателям «народного автомобиля» предлагали оплатить его заранее с помощью предварительных взносов, то есть кредитная система наоборот. Гениально. К началу войны Лей прикарманил около ста миллионов марок, потому что теперь заводу «народного автомобиля» приходится выпускать танки и мотоциклы для армии.

Именно Лею принадлежит идея досуговой организации под странным названием «Сила через радость». Этой организации принадлежат новые крупные туристические корабли, которые Лей использует для «рабочих круизов». На самом же деле первыми выгоду извлекают нацистские

бонзы, большие и маленькие. «Сила через радость» издает несколько иллюстрированных периодических журналов, чрезмерно роскошных и крайне бесполезных, а еще арендовала пляжи на берегу Балтийского моря. На известном курорте Рюген доктор Лей приказал построить огромный отель на двадцать пять тысяч человек. Остается лишь удивляться, как люди могут отдыхать в такой давке, но Лей возит их туда не для отдыха; национал-социалисты организовали «Силу через радость» не ради отдыха рабочих. Досуг был бы опасен нацистскому режиму. У людей появилось бы время подумать, а избежать этого можно, лишь непрерывно загружая их. Чтобы люди не думали, их следует занимать физическими играми и никогда не оставлять в покое. Такова, по собственному выражению Лея, идея строительства отеля на острове Рюген.

Лей также несет ответственность за строительство колоссального дворца для Трудового фронта на западе Берлина. Здание превосходит размерами любое другое министерство, даже грандиозное министерство авиации Геринга. Там «работают» тысячи чиновников и располагаются роскошные залы приемов. Однажды меня пригласили на один из приемов Лея. Потрясающее впечатление. В холле туда-сюда вышагивал толстяк в красивом мундире с бесчисленными знаками отличия — швейцар дворца. Несколько приглашенных на прием рабочих приняли его за Геринга и крайне уважительно приветствовали.

Чтобы не отставать от Гиммлера (которому он тоже наверняка дает деньги), Лей создал собственную рабочую полицию — Werkscharen. В нее набирают высоких молодых людей от восемнадцати до двадцати лет и одевают в синюю форму. Лей ими очень гордится. Таким образом, у него, как и любого другого нацистского вельможи, есть своя маленькая личная армия.

Из ста миллионов, проходящих через его руки, Лей оставляет малую часть на личные нужды. Он построил себе прекрасную виллу в аристократическом районе Берлина. Один мой друг-антиквар рассказал мне, что его как-то

вызвали в дом Лея. Ему пришлось ждать около получаса в приемной, где в больших креслах с комфортом устроились эсэсовцы-охранники с заткнутыми за пояс револьверами. В конце концов его провели в апартаменты фрау Лей, которая когда-то работала продавщицей в одном из крупных кельнских магазинов. Мадам решила купить «гобелен», безусловно, потому, что обладание гобеленом казалось ей обязательным для определенного социального слоя.

— Я просила вас прийти, — сказала фрау Лей антиквару, — так как мне хотелось бы иметь гобелен.

— Я в вашем распоряжении, мадам. Вы уже решили, какой именно?

— Нет, кроме того, что он должен быть подлинным.

В этот момент вошел доктор Лей и разрешил проблему:

— Это очень легко — мы возьмем самый дорогой!

Культурный уровень фрау Гиммлер, жены шефа гестапо, примерно такой же.

Фрау фон Макензен, дочь барона фон Нейрата (ныне протектора Богемии) и жена посла Германии в Риме, както решила, что было бы полезно нанести визит жене самого влиятельного в Германии человека. Посол счел необходимым принять определенные меры предосторожности. Фрау Макензен вошла и присела в реверансе перед фрау Гиммлер, словно перед итальянской королевой. Однако фрау Гиммлер, не отвлекаясь на ответное приветствие, бросилась к гостье, чтобы пощупать ткань ее платья, и воскликнула: «Как! В Италии еще остался натуральный шелк?» Жены новых господ, правящих Германией, хорошо разбираются в «истинных» ценностях.

Рядом с Герингом, Гиммлером, Дарре и Леем доктор Геббельс кажется чуть ли не нищим. У него нет личной армии, а в его «черных» фондах вряд ли наберется больше двухсот миллионов марок в год, тогда как Дарре и Лей располагают более чем поллумиллиардом каждый. Двести миллионов Геббельса складываются из ежемесячных платежей радиослушателей. Из этих сумм Геббельсу при-

ходится оплачивать программы, но тем не менее неплохие деньги остаются и для личных нужд плюс гонорары за его литературные труды — существенная сумма, ибо при нацистском режиме проза официальных авторов принудительно находит множество покупателей. Кроме этого Геббельс владеет акциями кинокорпорации. Однако он не так роскошествует, как Геринг или Гиммлер. Телосложением Геббельс совсем не похож на рыцаря. Он довольствуется пышной, но хорошо скрытой виллой на острове Шваненвердер на реке Хавель (под Берлином). Он не покупает земли в Германии, а тщательно конвертирует сбережения в международные ценности, размещая их в иностранных банках.

Интересно отметить, что население Берлина весьма снисходительно относится к причудам Геринга, но ничего не прощает доктору Геббельсу. Однажды в берлинских кинотеатрах показывали кинофильм: семья Геббельса в собственном прекрасном доме на Шваненвердере. В темноте публика энергично свистела. Фильм немедленно изъяли.

Таковы нынешние правители Германии. Удивительно, что им хватает наглости называть себя социалистами и, будучи насквозь продажными, обличать «западную плутократию», если пользоваться их выражением. Подавляющее большинство немцев ничего не знает об их отточенных способах обогащения за счет общенародного благосостояния и тяжелого труда рабочих масс. Когда-нибудь люди узнают, как лидеры их обманывают и презирают, и народный гнев будет ужасен.

Глава 6
АНТИЕВРЕЙСКАЯ КАМПАНИЯ И КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ

С момента захвата власти нацистские лидеры открыто выражали величайшее презрение к личности. Многие немецкие консерваторы, незнакомые с фактами и возму-

щенные поджогом рейхстага, согласились на заключение в тюрьму без суда политических противников режима. Вероятно, они считали эту меру исключительно временной и оправданной угрозой гражданской войны, а также полагали, что национал-социалисты в скором времени восстановят законную процедуру. Они ошибались. Концентрационные лагеря, которые следовало бы называть пыточными лагерями, до сего дня являются государственными учреждениями. Несмотря на все мои запросы, я так и не узнал обстоятельств смерти в Дахау моего племянника фон Ремница.

Одним из самых из ряда вон выходящих и особенно шокирующих случаев я считаю содержание в концентрационном лагере Ораниенбург протестантского пастора Мартина Нимёллера. Мартин Нимёллер был морским офицером и в войну 1914—1918 годов командовал подводной лодкой, а после войны стал пастором. Когда национал-социалисты попытались прибрать к рукам протестантскую церковь и заставить ее склониться перед проводящим антихристианскую политику режимом, Нимёллер возглавил сопротивление церковных кругов. Долгое время этот высокий импозантный человек с бледным лицом аскета произносил проповеди с кафедры своей церкви в Далеме близ Берлина. Он отважно защищал евангелический закон от возмутительных нападок притеснителей нацистов, боролся за свободу совести. Его церквушка была слишком мала и не могла вместить всех тех, кто хотел услышать его, несмотря на слежку гестапо. В числе последователей бесстрашного священника был министр финансов рейха граф Лутц фон Шверин-Крозиг. Сестра Геринга фрау Ригль привела на конфирмацию к Нимёллеру своего сына. Геринг и армия долго защищали Нимёллера, ибо фрау Ригль просила за него своего брата, однако пришел день, когда Геринг запретил сестре упоминать имя опального пастора.

Гитлер чувствовал, что речи свободного и бесстрашного человека опасны его режиму, и именно он отдал приказ арестовать Нимёллера. Пастор предстал перед бер-

линским судом по обвинению в нарушении какого-то старого закона Бисмарка, касающегося проповедей, но суд его оправдал. Нимёллера следовало немедленно освободить, однако, несмотря на его популярность, несмотря на то, что суд доказал его честность и невиновность, Гитлер без колебаний назначил новое расследование. Когда Нимёллер вышел из здания суда, гестаповцы схватили его и отправили в концентрационный лагерь Ораниенбург. Позже старый маршал фон Макензен предпринял трогательную попытку добиться его освобождения. Гитлер в просьбе отказал.

Выгнанные из дома фрау Нимёллер и восемь детей пастора оказались в очень тяжелом положении. На помощь им пришел один из друзей семьи. Поскольку сам он был далеко не богат, он обратился к ряду вестфальских промышленников — Нимёллер был уроженцем Эльберфельда — и попросил о помощи. Охотно согласились все, кроме Альберта Фёглера, который пообещал помощь, но в последний момент отказался из страха прогневать правителей.

Хоть я и католик, и воспитан в католической традиции, я преклоняюсь перед благородным протестантом Мартином Нимёллером. Будучи офицером, он проявил во время войны незаурядное мужество, но более того, он показал немцам пример редкой стойкости: не позволил гестапо заткнуть себе рот. Пастор Мартин Нимёллер продемонстрировал немцам образец гражданского мужества — качества, которое, как говаривал Бисмарк, неизвестно в этой стране.

Преследование евреев достигло пика осенью 1938 года и вызвало всеобщий протест. До 1933 года я не придавал особого значения антисемитским выпадам национал-социалистической партии. Жителям католических провинций Рейна антисемитизм несвойственен. Возможно, в Германии есть регионы, где тупоумие населения позволило евреям играть слишком большую роль, но только не в Рейнланде. Мы всегда почитали еврея Генриха Гейне одним из наших национальных поэтов. Нацисты могут

разрушить статую Гейне в его родном городе Дюссельдорфе, но им никогда не удастся помешать людям петь «Лорелею» на лодках, плывущих вниз по Рейну.

Через несколько месяцев после прихода к власти национал-социалистическая партия организовала бурные антиеврейские демонстрации по всей Германии. Чтобы угодить своим последователям из мелких лавочников, страдающим от депрессии, и занять штурмовиков, обожающих уличные драки, нацистские лидеры приказали разукрасить витрины еврейских магазинов грубыми, оскорбительными надписями. В рейнских городах этот новый курс не приняли всерьез. Во всех наших городах с большой концентрацией рабочего населения универмаги остались открытыми. Люди не могли обходиться без них. Позже, когда евреев вытеснили из торговли, еврейские магазины были не закрыты, как объявлялось в нацистской программе, а евреев просто ограбили. Мелких торговцев, глупо обвинявших в спаде своего бизнеса еврейскую конкуренцию, в конце концов разорил губительный курс на вооружение, и они оказались на строительстве укреплений на западной границе.

Кто лучше меня, промышленника, может знать об услугах, оказанных евреями национальной экономике Германии в послевоенный период! Нацисты обвиняют еврейских банкиров в задолженностях Германии. По их словам, евреи устроили заговор с целью «сделать Германию добычей международных финансов». На самом деле после войны еврейские банкиры спасли Германию. Именно благодаря этим евреям средние и мелкие предприятия смогли добиться от американских банков необходимых кредитов на переоснащение.

Некоторым крупным фирмам удалось самостоятельно получить краткосрочные займы в Америке, но подавляющее большинство других малоизвестных предприятий могли получить деньги только через еврейские банки, которые шли на определенный риск, гарантируя заграничные займы. Еврейские банкиры подтверждали тем самым свою уверенность в будущем немецкой эко-

номики. Например, эссенский банк Зимона Хиршланда добился кредитов по меньшей мере на пятьдесят миллионов для мелких и средних предприятий нашего региона, хотя его капитал не превышал восьми миллионов марок. Крупные немецкие банки не осмелились пойти на риск и гарантировать такие кредиты. Более того, примерно в 1930 году, в период экономического кризиса, из-за недостатка иностранной валюты возникли трудности в платежах, и опять вмешались еврейские банки; они сумели добиться от иностранных кредиторов отсрочки. Сами нацисты были вынуждены признать услуги, оказанные им этим мелким еврейским банком Эссена. Именно этот банк вел переговоры о важном американском займе Круппа с нью-йоркским еврейским банком «Голдман Сакс и К°». Долгое время никто не смел покушаться на банк Зимона Хиршланда, невзирая на давление партийных экстремистов. Этот банк дольше всех еврейских банков продержался в Германии при нацистском режиме. Его невозможно было закрыть из-за иностранных кредитов.

Немецкие экономические и финансовые круги всегда с неодобрением относились к антисемитским тенденциям национал-социализма. В 1935 году на открытии Кенигсбергской ярмарки доктор Шахт в своей речи не колеблясь выразил протест против антисемитской агитации, которую считал серьезной угрозой экономике Германии. Я сам, вернувшись из Америки в 1935 году, имел возможность затронуть этот вопрос в беседе с Герингом. Даже в то время генерал, занимавший пост министра-президента Пруссии, вел себя как независимый правитель. Однажды он пригласил меня на оленью охоту в Шорфхайде. Я принял приглашение в надежде обсудить некоторые важные вопросы.

Не знаю, сообщил ли Герингу лесник, получивший приказ подготовить мне добычу, о возникших трудностях. Я — плохой стрелок. День был дождливый, я не привез прицельного приспособления и промахнулся в трех оленей. В конце концов одного мне удалось убить,

и очень своевременно, поскольку лесник уже пребывал в отчаянии. Бедняге официально приказали сделать так, чтобы я убил своего оленя. Это была моя первая и, несомненно, последняя охотничья добыча.

Затем мы с Герингом обедали в охотничьем домике, гармонирующем с живописными окрестностями. Свой знаменитый дворец Каринхалле в глубине леса Геринг выстроил позже. Я там никогда не бывал, но мне рассказывали, что один француз, гость Геринга, позднее посетивший бывший королевский охотничий дом в Пруссии, не смог удержаться от замечания: «Я даже не представлял, как скромно жили прусские короли».

После обеда я долго разговаривал с Герингом на религиозные и еврейские темы. Религиозные дела интересуют Геринга лишь в политическом аспекте. Именно этим принципом он руководствовался предыдущим летом, когда издавал свою декларацию против политического католицизма в рейнских провинциях. Подозревая католическое население в неодобрении своих методов правления, нацисты толковали эти тенденции как возрождение прежней католической партии «Центр». Я попытался объяснить Герингу истинное значение католицизма, и у меня создалось впечатление, что он практически ничего не смыслит в религиозных проблемах. Он рассказал мне, что видел в баварских церквах приношения по обету в виде рук или ног, как выражение благодарности за выздоровление. «Это все предрассудки и глупость», — сказал он. Геринг был не способен понять признательность и глубокую веру католиков, благодаривших Бога посредством этих наивных символов. Несомненно, он предпочел бы заменить религию масс слепой верой в Гитлера и гений фюрера. Вот это нацисты не считают предрассудками!

Я также затронул и еврейский вопрос. Путешествуя по Америке, я смог оценить, как низко пала Германия в глазах американского общества из-за обращения с евреями, и объяснил это Герингу. Он прекрасно сознавал необходимость улучшения отношений с Америкой. «Но, —

сказал он, — что нам делать? Может быть, закрыть «Штюрмер»?»

«Штюрмер» — непристойная газетенка, издаваемая в Нюрнберге лидером антисемитов Юлиусом Штрейхером. Он только что начал расклеивать ее на улицах и площадях, не обращая внимания на протесты родителей и католического духовенства против того, что дети видят такие непристойности. Кажется, с началом войны Штрейхера наконец признали безумным и изолировали. Если бы только это сделали раньше!

Я предложил Герингу послать в США официальную немецкую миссию с целью успокоить американское общество. Глава миссии, по моему мнению, должен был бы сказать президенту Рузвельту, что, безусловно, были допущенны некоторые эксцессы, но они не являются нормой, и порядок будет восстановлен. Сам Геринг не антисемит. Он прекрасно сознает вред, который пропаганда Штрейхера нанесла имиджу Германии в Америке.

«Кого же послать, — рассуждал он, — господина Шмидта?» Шмидт был министром экономики и директором страховой компании, совершенно неизвестным в Америке. Вероятно, бедняга многое знал о страховании, но в экономике разбирался плохо. Именно он предложил создать верховную палату германской экономики, которая собралась на заседание лишь один раз. Я предложил доверить эту миссию доктору Шахту, однако на этом все и закончилось. Геринг не всемогущ, а нацистские бонзы из ближайшего окружения Гитлера столь ограниченны и самоуверенны, что презирают Америку, о коей ничего не знают.

Я должен был присутствовать на известном нюрнбергском заседании рейхстага, где депутаты проголосовали за антисемитские законы, правда, когда я приехал в Нюрнберг, мне сообщили, что нацисты намереваются изменить немецкий флаг, поэтому я уехал на следующем же поезде. Остальные депутаты рейхстага и даже члены правительства — особенно Шахт — также возражали против этих

позорных законов, но нацисты приняли меры к сокрытию самого факта их оппозиции.

В ноябре 1938 года нацисты, использовав в качестве предлога убийство секретаря посольства в Париже фон Рата молодым польским евреем, организовали систематическое преследование немецких евреев. Точных обстоятельств того убийства так никогда и не установили. Любопытно и необычно то, что целый год национал-социалистическое правительство не делало никаких попыток ускорить процесс над убийцей во французском суде. В случае с убийством еврейским студентом нацистского главаря Густлоффа в Давосе нацистская пресса злобствовала из-за медлительности и снисходительности швейцарского суда. Собственно говоря, в этом случае справедливость значила для них очень мало. Им лишь необходим был предлог для массовых волнений и лишения евреев их собственности. Коллективный штраф, наложенный нацистским правительством, был, по существу, равносилен конфискации. Однако это еще не самое худшее. Возмутительнейшие события произошли во всех немецких городах. При попустительстве полиции официальные организации правящей партии были преобразованы в мятежные банды, среди членов которых можно было обнаружить даже высокопоставленных судей рейха, обычно возглавлявших репрессии, хотя лично и не совершавших преступления. Заискивая перед партией, они вступали в ряды штурмовиков и СС.

В Берлине, Нюрнберге, Дюссельдорфе, Мюнхене и Аугсбурге — почти во всех городах Германии — отряды милиции под флагами со свастикой врывались в жилища евреев, ломали мебель, резали картины и крали все, что могли унести. По ночам и даже среди бела дня они обливали бензином синагоги и поджигали их. Пожарные получили приказ не тушить пожары, а ограничиться лишь спасением соседних зданий.

В то время я путешествовал по Баварии. Услышав о том, что происходит по всей стране, я решил, что подобное не может случиться в нашей рейнской провинции,

но по возвращении в Дюссельдорф на следующий день узнал, что невозможное свершилось.

Высший чиновник местного отделения национал-социалистической партии, некто Флориан, гаулейтер, сам организовывал мятежи. Не довольствуясь лишь нападением на евреев, он запланировал убийство высшего чиновника местной прусской администрации, окружного управляющего С... Я знал этого человека лично. Он был великолепным администратором и, вероятно, именно этим навлек на себя ненависть Флориана. Он также был хорошо знаком с Герингом, который, будучи ему чем-то обязанным в прошлом, назначил его на этот пост в Дюссельдорфе.

Флориан, чиновник партийный, но не государственный, организовал это гнусное нападение во время антиеврейских волнений, заявив, что бабушка жены председателя правительства — еврейка. Многие мужчины, женатые на еврейках, развелись с ними, чтобы снискать милость партии. В подобных случаях суды неизменно предоставляли развод на том основании, что истец женился до введения в действие нюрнбергских законов и понятия не имел о важности этнического вопроса. Окружной управляющий С... подобному примеру не последовал, поскольку оказался благородным человеком. Он сообщил Герингу о происхождении жены, и Геринг, с согласия Гитлера, все равно назначил его на этот пост.

9 ноября Флориан разослал по Дюссельдорфу легковые автомобили, оборудованные громкоговорителями из отдела пропаганды, чтобы собрать народ на демонстрацию против евреев и им сочувствующих. Все нацисты знали, что акция направлена против окружного управляющего. Партийные экстремисты, набранные из отбросов общества, вознамерились разрушать и грабить жилища и магазины евреев, избивая и пытая всех, кто попался бы им под руку. Однако Флориан чувствовал, что в замысленном им подлом деле он не может положиться на дюссельдорфских штурмовиков, и заехал в

отделение в Эльберфельде. Этих вооруженных железными ломами бандитов и нацелили на здание местного правительства, которое они сильно повредили и разграбили. Управляющего едва не убили в собственном кабинете; ему чудом удалось бежать.

Как и в других немецких городах, в Дюссельдорфе бушевали разрушения и грабежи. Арестовывали еврейских магнатов, интеллектуалов, врачей и торговцев. Со многими, даже со стариками, обращались чудовищно. Старый — семидесятипятилетний — и всеми уважаемый юридический советник угольного синдиката Хайнеман совершил самоубийство вместе с женой. Его небольшую коллекцию живописи, завещанную городу Эссен, нацисты уничтожили полностью. Флориан организовал эти зверства с особо чудовищной жестокостью под тем предлогом, что убитый в Париже молодой дипломат фон Рат был уроженцем Дюссельдорфа.

Вот такие новости ждали меня по возвращении. Я пришел в ужас. Как государственный советник, я имел право обращаться лично к министру-президенту Герингу. Я немедленно написал ему возмущенное письмо, в котором говорил о нетерпимой ситуации, когда высокопоставленный партийный чиновник организует беспорядки и гнусно нападает на евреев и даже правительственного чиновника, представляющего высшую местную административную власть прусского государства. Я напомнил Герингу, что он сам назначил С... председателем правительства и что тот никогда не скрывал происхождения своей жены. Я со всей твердостью заявил министру-президенту Пруссии, что беспорядки, организованные нацистским гаулейтером в Дюссельдорфе, подрывают авторитет власти и поощряют анархию и самые низкие инстинкты населения. В этих условиях, продолжал я, считаю невозможным оставаться государственным советником, поскольку в моей родной стране это может показаться актом одобрения действий, которые я официально осуждаю. Я просил Геринга принять мою отставку.

Следует добавить, что население Дюссельдорфа, как и многих других городов, не одобряло эксцессов, организованных нацистами против евреев. Несколько дней спустя я обедал в Берлине с Шахтом. Один министр, имя которого я назвать не могу, поскольку он еще находится на своем посту, поздравил меня с моей позицией. «Наконец, — сказал он, — кто-то посмел протестовать против этих зверств». Он еще сказал, что мне следует потребовать наказания Флориана и освобождения всех арестованных евреев. Я снова обратился к Герингу. Через несколько дней маршал прислал ко мне посыльного, с которым передал упрек за отставку, серьезно его огорчившую. Если я вознамерился протестовать, то почему не вышел из состава депутатов рейхстага? Я объяснил, что мое вмешательство базировалось на том, что я — государственный советник и дело касается прусской администрации. Я снова попросил наказать Флориана. Эмиссар Геринга ответил: «Никто ничего не может сделать с гаулейтером, даже сам Геринг». Флориан — друг Рудольфа Гесса, а Гесс не любит Геринга, коего считает соперником.

Чтобы закончить с этим вопросом, я сообщил министру финансов Пруссии, что более не считаю себя государственным советником, и попросил прекратить выплачивать мне жалованье. На это письмо, несомненно по приказу Геринга, не обратили никакого внимания, и мое жалованье продолжало поступать в банк Тиссена, откуда я переводил его на специальный счет и предоставлял в распоряжение министра-президента Пруссии.

В письме, которое я послал Герингу после объявления войны, я напомнил ему о моем протесте против преступлений, совершенных против евреев.

С 1935 года я совсем не контактировал с национал-социалистическими лидерами. Я прекратил выставлять флаг со свастикой и фактически разорвал все отношения с партией. Однако я не предпринял никаких шагов, чтобы сделать свою оппозицию достоянием обществен-

ности. Эксцессы 1938 года заставили меня отбросить сдержанность. Моя отставка с поста государственного советника была доказательством не только моего недовольства, но и моего намерения оповестить о полном разрыве с режимом, терпящим подобные зверства. Однако никакой реакции на мой протест не последовало, как случилось бы и с моим протестом против войны год спустя, если бы я вернулся в Германию.

Позже я узнал, что Гамбург был единственным из германских городов, где национал-социалистический гаулейтер Кауфман, выходец из Рейнланда, не допустил нападения на евреев. В крупном городе, которым Кауфман управлял в двойном качестве, как гаулейтер партии и губернатор рейха, не были разрешены ни поджоги, ни грабежи. Поблизости от нас, в Мюльхайме, произошел нелепый инцидент. Еврейская община, почувствовав приближение бури, за несколько недель до беспорядков продала синагогу городу. Нацисты подожгли здание, несмотря на то что оно являлось муниципальной собственностью.

Кроме всего прочего, в этой антиеврейской кампании партия официально выпустила на свободу самые низкие инстинкты, лежащие в основе ее так называемой философии. Национал-социалистическое правительство воспользовалось жалкой привилегией подстрекать и даже оргнизовывать действия, которые во всем цивилизованном мире считаются преступлениями. Иностранцы, находившиеся в то время в Германии, были возмущены сценами садизма и жестокости; они своими глазами видели, как при попустительстве властей поджигаются синагоги. В столице рейха, в центре города, перед окнами посольств штурмовики и юные члены гитлерюгенда по команде своих главарей грабили дома и магазины. В допущении — а на самом деле организации — грабежей, поджогов и даже убийств в концентрационных лагерях национал-социалистический режим, особенно той осенью 1938 года, показал всему миру, что является властью бандитов.

Глава 7
КАТОЛИЧЕСКИЙ ВОПРОС

Преследование евреев и наступление на свободу совести немецких протестантов в нравственном отношении очень показательные действия. Они дискредитируют правящую нацистскую клику в глазах всего мира, однако этими бесчеловечными методами Гитлер сумел мало-помалу исключить евреев из жизни Германии без серьезных политических последствий внутри страны. Еврейское меньшинство в Германии слишком немногочисленно и слишком разрозненно. Антисемитские выходки, с точки зрения общей политики, могут рассматриваться как ряд отдельных преступлений, за которые исполнителям когда-либо придется отчитаться, а тех, кто награбил еврейское имущество, заставят его вернуть. Однако антиеврейская деятельность может оказаться гораздо более длительной и серьезной. Сегодня ее трудно оценить.

Преследование протестантов менее демонстративно, но имеет более глубокий смысл. Нацистские лидеры вовсе не собираются навести какой-либо порядок среди существующих в Германии многочисленных протестантских сект и церквей. Они пытались объединить протестантизм путем назначения главы церкви с необычным титулом епископ рейха вовсе не по религиозным либо государственно-правовым причинам. (Между прочим, им оказался жалкий человечек Людвиг Мюллер, бывший подчиненный Хуго Штиннеса в Мюльхайме, затем ставший пастором — никто не знает почему.) Нет, цель нацистов была совершенно иной. Они хотели сделать немецкий протестантизм чем-то вроде государственной религии, сначала лишив его всех христианских норм. Для обмана глупцов они назвали это «немецким христианством». Как-то я спросил одного честного крестьянина из Восточной Пруссии, какую религию он исповедует. «Я — немецкий христианин, — ответил он, — ибо я немец». Он не сомневался, что это нечто высшее.

В сущности, национал-социализм не является политической системой, скорее он стремится быть философией и системой моральных ценностей — Weltanschauung (мировоззрение), как претенциозно называют его нацисты.

Эта философия сводится к фразе Blut und Boden («кровь и почва»). Большинство людей не сознает пагубности доктрины, скрывающейся за этими двумя словами. Эта комичная аббревиатура «Blubo» иногда даже становится мишенью насмешек. В чем состоит эта доктрина? Она учит, что человека создает кровь и почва. Человек связан с природой всеми фибрами своего существа. Кровь, текущая в его венах, наделяет его таинственной силой — жизнью предков, реинкарнацией коих он является в своем существовании. Человек тесно связан с землей, на которой родился и из которой черпает средства к своему существованию. Он представляет крохотную частицу мировой энергии. Его главной целью должно стать максимальное использование этой силы.

Один мой друг-философ считает эти наукообразные изыскания философией бесчувственных животных. Нацисты низводят человека до уровня животного; за разведением животных необходимо следить; человека следует одомашнивать, кормить и укрощать по хорошо рассчитанному плану, чтобы получить предписанное «поведение». Это метод, применяемый на племенных фермах или конюшнях для тренировки скаковых лошадей. Нацисты решили создать супермена Ницше с помощью системы разведения животных[1]. Строгие правила, наложенные на брак, или скорее спаривание, в гиммлеровских СС (охранных отрядах) указывают именно на это. К несчастью, сам Гитлер не может в этом участвовать. Произвести столь желаемое потомство можно только при этих условиях! Такое зачатие человека не оставляет места нравственным принципам индивидуума, ответственности каждого человеческого существа перед своей собственной совестью и,

---

[1] См. исторические примечания в конце главы.

самое главное, затрагивает религию, которая признает сверхъестественное.

По таким принципам Гитлер правит немецким народом. К несчастью, ему удалось внушить эти идеи большей части нового поколения. Молодые последователи этой животной философии способны отважно, покорно и преданно служить сложной персонификацией расы, частичкой которой себя считают. Германия является для них олицетворением расы, и самое мощное ее выражение — в личности фюрера, которого они почитают почти божеством. Но материалистическая — так сказать, анималистическая — молодежь понятия не имеет о Боге в духовном смысле этого слова. «Германский бог» нацистов — природа, таинственное начало, от которого они происходят. Их религия состоит в максимальном развитии природных сил, собранных в каждом индивидууме.

Некоторые фанатики, еще более безумные — или, может быть, более наивные, — чем остальные, попытались вложить немного фантазии в эти доктрины, связывая их с легендами древней германской мифологии. Эти ревностные приверженцы германского бога упиваются воспоминаниями о Вотане, Бальдре, Торе и Фрейре. Они называют детей именами из скандинавской Эдды[1], чтобы избежать имен календарных святых, особенно из Ветхого Завета. Сам Геринг последовал этому примеру. Это одна из комических сторон сей печальной истории.

Однако есть и другие, более мрачные аспекты. Однажды меня пригласили посетить одну из школ, где национал-социалисты планируют воспитать будущую партийную элиту. Эти школы называются орденсбурген (рыцарские замки) — замки порядка. В смешении идей, характерном для национал-социалистического режима, это должно копировать концепцию католических рыцарей Тевтонского ордена[2], покинувших Западную Германию, чтобы обратить в свою веру и завоевать дикие

---

[1] См. исторические примечания в конце главы.
[2] См. там же.

славянские племена Балтийского региона, когда-то названного Пруссией. Вот почему Альфред Розенберг вбил себе в голову возрождение Тевтонского ордена!

Школа расположена в живописных руинах старой крепости-замка в районе Эйфеля. Крепость восстановили, расширили и роскошно модернизировали. Мальчиков, называемых юнкерами, воспитывают, как подающих большие надежды рыцарей. Вот вам партия, называющая себя Немецкой трудовой партией и решившая возродить феодальную систему! Юнкера занимаются спортом и обучаются обращению с оружием. Они учатся танцевать, выполнять опасные трюки, и еще они охотятся. Я не знаю, остается ли у них много времени на настоящие уроки, но, насколько я знаю, это единственная школа в мире, не имеющая библиотеки!

Директор, или скорее фюрер, этого орденсбурген — бывший инженер. В один из дней он изложил нам свои идеи на образование. Он считает человека всего лишь машиной; для него цель образования заключается в помощи ученику выполнять свои функции, как человеческая машина. Интеллект заменяется муштрой. Я был поражен. Современная индустрия обвиняется, в частности, в том, что, внедрив конвейер, она превратила людей в машины. Промышленники первыми сделали все возможное, дабы минимизировать недостатки процесса, незаменимого в современном производстве. И вот мы видим национал-социалистическую педагогику, уполномоченную воспитывать так называемую элиту не как разумных индивидуумов с чувством ответственности, а как машины.

Последователи Карла Маркса никогда не исповедовали подобного материализма. Нацисты вознамерились разрушить душу. Диктатуре не нужны личности. Легче управлять нацией роботов.

Это основной принцип так называемой философии «крови и почвы». Легко заметить, насколько полезным политическим инструментом эта философия может стать в руках неразборчивых в средствах политических лиде-

ров, презирающих народ, которым они управляют, особенно простых людей и рабочих.

Такая доктрина абсолютно несовместима с нормами христианства. Для внедрения ее в массы нацисты решили воспользоваться протестантской церковью — после того как выхолостят из нее христианство. За свою историю в Германии протестантизм, как государственная религия, часто оказывался прислужником немецких князей и всегда воспитывал преданных правящему дому подданных. Но ни один князь никогда не требовал от своей пусть даже прирученной церкви отречения от основополагающих христианских норм. А вот Гитлер попытался сделать именно это. Его планы расстроило героическое сопротивление таких пасторов, как Мартин Нимёллер, и их прихожан.

Тем не менее национал-социалистам удалось убедить многих отречься, особенно в тех протестантских регионах, где преобладает равнодушие к религии. Для Германии приверженность религиозной секте дело обычное. Чтобы разрушить такую приверженность, гражданские власти должны принять официальные меры. Нацисты упростили этот процесс. Практически все молодые люди, вступившие в СС, отреклись от христианства. То же относится и к руководителям отделений гитлерюгенда. Многие, если официально не боготворят Гитлера, исповедуют новое германское язычество и проводят обряды в честь Вотана, солнца или природы, матери всей жизни.

Доктрина «крови и почвы» применяется как аргумент против использования интеллекта. В начале нацистского правления один из моих друзей написал книгу по еврейскому вопросу и разослал ее наиболее значительным партийным чиновникам. Флориан, гаулейтер Дюссельдорфа, запретил распространение труда, который замысливался как объективная дискуссия по этой важной проблеме. Основанием для запрещения было не отсутствие интереса. Гаулейтер предотвратил всякие дискуссии словами: «Эта книга беполезна, поскольку наши граждане,

ощущающие свою кровь и почву, никогда не могут ошибаться».

Этот аргумент, безусловно решающий, может быть ценен только для таких жестоких зверей, как Флориан, совершенно необразованных и способных в лучшем случае играть в карты.

Нападки национал-социализма на католическую церковь более масштабны и носят характер, совершенно отличный от попыток поработить протестантизм. Гитлер, по рождению католик, если верить его «Майн кампф», восхищался политической дальновидностью католической церкви. В начале своего правления он пытался достичь согласия с церковью, заключил конкордат с Ватиканом[1]. Вдохновлял эту акцию вице-канцлер фон Папен. Конкордат стал первым договором, заключенным новым режимом, и, как другие, был нарушен. Однако Гитлер видел в конкордате значительную политическую выгоду, ибо новое и революционное национал-социалистическое правительство стало равноправным партнером одного из самых уважаемых моральных авторитетов в мире, и, значит, с ним можно заключать договора.

С точки зрения внутренней политики конкордат явился очевидным украшением нового режима. Церковь смягчилась в отношении новой правящей партии, хотя немецкие епископы не отказались от осуждения некоторых нацистских доктрин. Почти год казалось, что режим намерен честно выполнять свои обязательства. Гитлер публично заявил, что антихристианские труды Альфреда Розенберга выражают только его личное мнение и не имеют никакого отношения к национал-социалистической партии. Несмотря на это заявление, идеи нацистского псевдофилософа все так же служили основанием для инструкций гитлерюгенду и другим партийным организациям. Гитлер, как обычно, вел двойную игру.

Кризис наступил летом 1935 года. В моем родном Рейнланде антирелигиозная позиция организаций гитлер-

---

[1] См. исторические примечания в конце главы.

югенда и их вождя, Бальдура фон Шираха, вызвала резкое недовольство родителей-католиков. Духовенство предостерегало против нового мировоззрения, которое режим пытается внедрить в умы и души молодежи страны. Более того, стало ощущаться общее политическое недовольство. Нацисты с тревогой наблюдали, как бывшие социал-демократы, переставшие посещать церковь в эру республики, вернулись в ее лоно. В деревнях Вестервальда близ Кобленца молодые крестьяне-католики избили язычников из гитлерюгенда, праздновавших солнцестояние. Во всех рейнских провинциях, полностью католических, нарастало напряжение, предвещавшее бурю.

Нацисты, понятия не имеющие о религиозном рвении, увидели в беспокойстве католического населения политическую враждебность и заявили, что католическая партия «Центр», хотя и была официально распущена, начала плести интриги против национал-социалистов, создав подпольное движение. Геринг выпустил прокламацию, направленную против политического христианства. Обсуждается не религия, рассуждал он. Национал-социализм основан на позитивном христианстве. Он, мол, уважает все вероисповедания, однако враги государства используют религию как прикрытие для своих темных дел. В то же время гестапо приказало безжалостно преследовать юных католиков. Это вызвало сильные волнения, но не принесло значительных непосредственных результатов. Католики продолжали свое пассивное сопротивление.

Тогда нацисты прибегли к бесчестной процедуре. Чтобы опозорить католическое духовенство в глазах паствы, они воспользовались определенными личными слабостями, как известно, существующими в среде послушников, для возбуждения ряда скандальных судебных процессов. Партийная пресса начала публиковать унизительные отчеты о тайных пороках. По всему Рейнланду партия организовывала лекции, на которых ораторы пересказывали самые скандальные детали. В Дюссельдорфе государственный прокурор смаковал детали

дел о безнравственности, представляя их так, чтобы бросить тень на духовенство и церковь, независимо от того, правда это или вымысел. Нацистский гаулейтер, прекрасно осведомленный о моих католических убеждениях, меня туда не приглашал. Суды длились несколько месяцев. Нацисты имели наглость вызвать в суд монсеньора Борневассера, старого епископа Тревеса, и почти восьмидесятилетнего монсеньора Себастиана, епископа Шпейера. Бюркель, зловещий гаулейтер Пфальца, публично оскорбил почтенного епископа, чьи патриотизм и лояльность были вне подозрений. Нацистский суд посмел обвинить епископа Тревеса в лжесвидетельстве. Тот пожаловался канцлеру Гитлеру и опубликовал свою жалобу в письме к католическому населению. Однако Гитлер одобрил всю акцию.

Тем временем растущее недовольство католического населения Рейнланда стало вызывать у нацистских лидеров тревогу. Люди протестовали против унижений и нечестности. Проводя свою одиозную клеветническую кампанию, нацисты рисковали спровоцировать мятеж. Суды прервали, но нападки на церковь не прекратились. Гестапо продолжало свои интриги. Священников, обвиненных тайными агентами, арестовывали и отправляли в тюрьмы. Молодого викария из Эссена, занимавшегося благотворительностью в среде рабочих, обвинили в организации коммунистического заговора и приговорили к десятилетнему заключению. В то же самое время Гитлер тайно вел переговоры со Сталиным!

И тогда же нацисты пытались настроить католических священников-отступников против их собственной церкви. На измену пошел профессор духовного колледжа в Пасинге, отстраненный от преподавания и отлученный от церкви кардиналом-архиепископом Мюнхена. Целый месяц он выступал на собраниях, а партийная пресса печатала его нападки на церковь, но безуспешно.

Пока шли скандальные судебные процессы, нацисты атаковали церковь и с другой стороны. Они утверждали, что религиозные организации систематически нару-

шали законы, запрещающие экспорт иностранной валюты. Месяцами пресса в большом количестве публиковала истории о монахах и монахинях, скрывающих пачки банкнот в своих одеяниях и арестованных на границе бдительными таможенниками. Епископ Мейсена, монсеньор Легг, также был обвинен в подобном преступлении, хотя, конечно, аналогичное обвинение можно было выдвинуть против любого немецкого гражданина, связанного с заграницей. С огромными трудностями монсеньору удалось избежать тюремного заключения.

После попыток опозорить духовенство этими отвратительными средствами нацисты попытались оторвать от церкви детей. Во всех католических регионах Германии они организовали так называемый плебисцит родителей-католиков в пользу светских школ. Собирая подписные листы в деревнях, нацисты воспользовались тем, что в дневное время мужчины работали в полях. Отсутствие подписи воспринималось как одобрение. Немецкие епископы смело выступили против мошеннических методов. Епископ Тревеса осудил их со своей кафедры во время проповеди. Нацистам пришлось отступить; воспользоваться этим сфальсифицированным голосованием они не посмели. Даже в деревнях, где, по утверждению нацистов, сто процентов населения проголосовали в пользу светских школ, они не посмели закрыть католические школы.

Тем не менее партия продолжала, особенно в городах, агитировать незаконными методами за отделение образования от религии. Чиновников-католиков постоянно вынуждали забирать детей из католических школ и отправлять в светские. В колледжах профессора-нацисты высмеивали догмы и нравственные принципы христианства. Изучение религии сделали факультативным, и ученики теперь могли по желанию заменять уроки религии спортивными или гимнастическими занятиями. Гестапо следит за церковными службами и арестовывает священников. Запрещаются еженедельные религиозные изда-

ния и приходские бюллетени. Цель этих мер — задушить всякое выражение католической мысли.

Однако, преследуя католическую религию, национал-социалисты встретились с серьезным оппонентом. Епископы, духовенство и население сопротивляются безмолвно, но мужественно. Несмотря на все свои усилия, национал-социалистический режим не смог развенчать католицизм в Германии. Наоборот, можно даже сказать, что преследования укрепили католическую веру.

Монсеньор фон Гален, епископ Мюнстера в Вестфалии, однажды сделал очень глубокое наблюдение по поводу борьбы между языческим мифом «крови и почвы» и традиционной религией католической Вестфалии. Он сказал: «Люди говорят о крови и почве. Если бы в этих словах был какой-либо смысл, я первый имел бы право сослаться на эту доктрину, ибо мои предки обосновались в этой стране более пяти столетий тому назад. Здесь, в Рейнланде, мы живем на своей земле и не нуждаемся в чужеземных фальшивых пророках».

Епископ имел в виду знаменосца антихристианских сил Альфреда Розенберга. Розенберг — русский интеллигент. В нем нет ни капли немецкой крови. Его отец при царском режиме преподавал в российском учебном заведении. Перед последней войной в кругах русской интеллигенции еще сохранились отдельные приверженцы «рационализма» XVIII века и идеи Руссо. В период студенчества Розенберг пропитался идеями «рационализма», и более того, любопытно отметить, что в Риге он входил не в немецкую студенческую ассоциацию, а в латышскую. Говорят, что в войну 1914 года его брат работал на французскую секретную службу. Вот таков человек, которого нацисты хотят навязать нам в качестве великого немецкого философа нашего времени.

Розенберг написал антихристианскую книгу под заглавием «Миф XX века» — вымученный продукт эдакого Вольтера без мозгов. Геринг как-то поинтересовался моим мнением о книге, заметив: «Мне она кажется абсолютно идиотской». Я не стал ему возражать.

В своем труде Розенберг снова пережевывает всю старую чушь, которую антиклерикалы всех веков обрушивали на католическую церковь, приправляя это блюдо философией, навеянной Руссо, и наивной разновидностью романтического материализма. Он считает человека хорошим от природы, а христианскую догму о первородном грехе и искуплении — оскорблением его врожденного благородства. Концентрационные лагеря нацистского режима, несомненно, являются выражением естественной добродетели человечества.

Русский пророк, так и не сумевший акклиматизироваться в Германии, вдруг начал насаждать свои чужеземные идеи в Мюнстере, епархии монсеньора фон Галена. Епископ произнес грозную проповедь, направленную против Розенберга, и запретил всем католикам являться на его лекцию. Розенберг, арендовавший самый большой зал в городе, был вынужден вещать в практически пустой аудитории, где лишь несколько рядов были заполнены партийцами в форменной одежде. Нацисты пришли в ярость. Министр внутренних дел Фрик лично выразил протест епископу Мюнстера, но арестовать его не посмели. Вестфальского крестьянина считают твердым орешком. Сельчане, вооруженные вилами и дубинами, вполне способны защитить своего епископа.

На Рождество 1939 года монсеньор фон Гален опубликовал письмо со словами из Священного Писания: «Если слепой ведет слепого, не свалятся ли они оба в яму?» В критический момент цитируя Евангелие, монсеньор фон Гален обрушил всю силу своего авторитета на языческую аксиому нацистов: «Фюрер никогда не ошибается». И епископ призвал свою паству не забывать подлинный источник истины.

В настоящее время католическая церковь является единственной организованной формой сопротивления духу национал-социализма. Она — единственный противник, с которым нацисты вынуждены считаться. Генералам, например, явно недостает смелости епископов. Однажды в Дюссельдорфе я встретился с генералом, ко-

мандующим мюнстерским армейским корпусом. В ходе нашей беседы я спросил его: «Что вы думаете о нашем епископе?» — «Я никогда не встречался с ним, — ответил генерал. — Как по-вашему, я мог бы посетить его в нынешних обстоятельствах?» Эти слова лучше всего характеризуют сложившуюся ситуацию.

Лично я никогда не скрывал своей враждебности к религиозной политике нацистов. После того как я покинул Германию, они распространили слух, будто все мое поведение предписано католической церковью. Это абсурдное измышление, но меня их инсинуации не трогают. И все же я не хочу скрывать, что именно католическому вероисповеданию я во многом обязан своим враждебным отношением к национал-социализму; я не делаю из этого никакого секрета.

В моем приходе в Мюльхайме служил старый священник, которого я считаю совершеннейшим образцом набожности. Все, что он имел, он отдавал бедным. Он питался вместе с самыми обездоленными в народной столовой, которую мы открыли на нашем заводе для семей безработных. Я глубоко восхищался этим человеком и как-то спросил его: «Могу ли я что-нибудь для вас сделать?» Он ответил: «Больше всего я хочу, чтобы в нашей церкви была красивая крестильная часовня». Он умер несколько месяцев спустя, и я исполнил его желание. Я заказал купели из прекрасного резного камня у бенедиктинцев знаменитого монастыря Марии Лаах. Эти монахи воскресили религиозное искусство в Германии; они раскрыли секреты средневековой церковной скульптуры. Резьба по камню заняла два года, но получилось настоящее произведение искусства. Часовня была освящена в 1937 году, и первым там крестили моего внука.

В любой нормальной стране строительство католической часовни не было бы чем-то из ряда вон выходящим, но в нацистской Германии это сочли выступлением против режима. Жители Мюльхайма прекрасно знали, что именно я основал часовню, и церковь всегда была полна.

По случаю смерти папы Пия XI я послал кардиналу-архиепископу Кельна открытую телеграмму с соболезнованиями, в которой уверил его в непоколебимой преданности католической вере меня и моей семьи. И опять же в нормальной стране в этом не было бы ничего необычного, но очень скоро зловещий заместитель Гиммлера Гейдрих был прислан в Эссен для личного расследования моей деятельности, особенно касательно религиозных вопросов. Вероятно, со мной тогда ничего не случилось благодаря вмешательству гаулейтера Тербовена, но факт остался фактом: один из крупнейших промышленников региона открыто продемонстрировал свои религиозные убеждения и вызвал недовольство нацистов.

Они привыкли к большему повиновению. Приведу пример. У Альберта Фёглера, сменившего меня на посту главы «Объединенных сталелитейных заводов» после моего выезда из Германии, есть брат, Ойген Фёглер, генеральный директор строительной компании «Хохтиф» в Эссене. Это предприятие, одно из крупнейших в Германии, в основном является собственностью братьев Фёглер.

Национал-социалистический режим строит с размахом, и компания «Хохтиф» — один из его главных подрядчиков. Компания сооружает новые автобаны, построила новое здание рейхсканцелярии, стоившее более двадцати миллионов марок; воздвигла колоссальные сооружения из бетона и камня в Нюрнберге, где одну неделю в каждом году проводится съезд нацистской партии. Однако Ойген Фёглер получал заказы и более личного свойства. Он построил мощный электрогенератор, снабжающий электроэнергией резиденцию Гитлера в Оберзальцберге и окрестные конторы, театр, виллы и отели. Величайшей похвалой фюрера компании «Хохтиф» стал заказ на строительство его «Орлиного гнезда», его замка Парсифаля на скалах Оберзальцберга. Я сам никогда не посещал эту вагнеровскую святыню Святого Грааля, но никто лучше французского посла Франсуа-Понсе не описал ее в письме, опубликованном во французской «Желтой книге». Я частично его процитирую:

«Издали это место кажется чем-то вроде обсерватории или маленького муравейника, воздвигнутого на высоте 6000 футов, в высочайшей точке горного хребта. Подступы к нему — серпантин длиной около девяти миль — вырублены в скале; дерзновенность конструкции делает столько же чести квалификации инженера Тодта, сколько и упорному труду рабочих, три года осуществлявших этот исполинский замысел. Дорога заканчивается перед длинной подземной галереей, ведущей внутрь горы; вход преграждает тяжелая двойная дверь из бронзы. В дальнем конце подземной галереи гостя ожидает широкий лифт, отделанный медными листами. По вертикальной шахте высотой в 330 футов, вырубленной прямо в скале, лифт поднимается на уровень жилища канцлера. Здесь открывается поразительное зрелище. Гость оказывается в прочном массивном здании с римской колоннадой и величественным круглым залом с окнами, выходящими на все стороны, с широким открытым очагом, в котором пылают огромные бревна, и столом, окруженным десятками тремя стульев. Из зала видно несколько гостиных, мило обставленных удобными креслами. Из эркерных окон, как из иллюминатора высоко летящего самолета, открывается величественная панорама гор. В дальнем конце громадного амфитеатра можно различить Зальцбург и окружающие деревни, над которыми, насколько видит глаз, до самого горизонта господствуют горные хребты и вершины, с цепляющимися за склоны лугами и лесами. В непосредственной близости от дома, словно подвешенного в воздухе, вздымается ввысь, почти нависая над ним, голая скала. Все это, окутанное осенними сумерками, грандиозно, дико, похоже на галлюцинацию. Задаешься вопросом — сон это или явь. Хочется понять, где находишься: в замке ли Монсалват, где жили рыцари Грааля, или на новой горе Афон, приюте медитирующего отшельника, или во дворце Антинеи, воздвигнутом в центре горной системы Атлас. Или это материализация одного из фантастических рисунков, которыми Виктор Гюго украшал поля своей рукописи «Бургграфы», или

фантазия миллионера, или просто убежище разбойников, где они отдыхают и прячут свои сокровища? Замысел ли это нормального человека или индивидуума, страдающего мегаломанией, неотвязным желанием господства и уединения, или всего лишь существа, объятого страхом?

Одна деталь, которую невозможно не заметить, не менее других важна для тех, кто хочет понять психологию Адольфа Гитлера: подступы к горе, входы в подземную галерею и дом охраняются солдатами и защищены пулеметными гнездами...»

Однако такую милость надо заработать, и генеральный директор компании «Хохтиф» Ойген Фёглер доказал, что достоин ее. В 1938 году он официально отрекся от протестантской церкви. Пожалуй, он мог бы сказать, как старый Кирдорф в девяносто лет, что поверил в Матильду Людендорф, генеральскую жену, основавшую свою религию и заявившую, что она обнаружила великую тайну жизни. Он также мог бы сказать, что во сне явился ему Вотан, а потому он обратился в германофильство. На самом же деле ничего подобного он не сделал. В один прекрасный день Ойген Фёглер написал своему пастору деловое письмо, в котором объяснил — даже не пытаясь подсластить пилюлю, — что интересы его фирмы требуют от него покинуть церковь. Как официальный подрядчик важных государственных персон, отвергающих христианство, он должен отречься от церкви ради себя и своего бизнеса.

Такие жесты не остаются без внимания нацистов, ведь они позволяют режиму формировать шкалу оценок характера и подавлять сознание. Католики сильнее сопротивлялись нацистам, однако в религиозных делах режим пользуется любыми предателями, помощью которых может заручиться. Глава «католической» секции берлинского гестапо — лишенный духовного сана священник.

Католичество преследуется до сих пор, однако, несмотря на все усилия, Гитлеру не удалось сломить дух

церкви. Епископы держат оборону. С кафедры и в исповедальнях духовенство поддерживает сопротивление своей паствы. Невзирая не отдельные случаи проявления слабости, католическая церковь выйдет из борьбы с нацистским неоязычеством и варварством еще более сильной.

Своими нападками на католицизм, в особенности в нашей рейнской провинции, Гитлер вскрыл старые раны. «Культуркампф» Бисмарка[1] оставил болезненные воспоминания, до конца не забытые до последних лет. Католики и протестанты служили фатерланду плечом к плечу. Во время пассивного сопротивления в Руре католики доказали свою непоколебимую преданность. Кардинал-архиепископ и кельнское духовенство поддерживали нашу патриотическую деятельность. Следовательно, Гитлер проявляет чудовищную неблагодарность, преследуя рейнских католиков, заявляя, что невозможно одновременно быть хорошим католиком и хорошим немцем. Правда, следует заметить, что нацисты сделали это сочетание невозможным.

Я, как многие другие консервативные католики, надеялся, что национал-социалисты сохранят верность своей программе и уважению христианства. Я попытался воспользоваться своим влиянием и предложил Герингу назначить государственным советником его преосвященство Ильдефонса Хервегена, настоятеля бенедиктинского монастыря Марии Лаах, одного из самых достойных представителей немецкого католицизма. Геринг предпочел назначить монсеньора Бернинга, епископа Оснабрюка. Однако сам факт выдвижения высокопоставленного священника доказывает: в начале правления нацистские лидеры считали католическую церковь позитивной движущей силой новой Германии.

Антихристианская позиция Розенберга, Гитлера и Геббельса и безнравственная жестокость всей национал-социалистической системы погубили возможности, по-

---

[1] См. исторические примечания в конце главы.

явившиеся после подписания конкордата. Позорные методы, которыми не гнушались нацисты, и их ненависть ко всему католическому возмутили население Рейнланда. Раны, которые разбередили нацисты, неизлечимы.

Глубокая пропасть возникла между католической Германией и всей остальной страной. Католики никогда не потерпят возвращения к таким методам. Они не позволят берлинскому правительству обращаться с собой, как со второсортными гражданами или плохими немцами. Я лично никогда с этим не смирюсь. Антикатолическую ментальность следует вытравить раз и навсегда.

В школьные дни я выступил против учителя истории, оскорбившего римских пап. Учитель ответил, что преподает в соответствии с учебниками. Я возразил, мол, не все, что содержится в прусском учебнике истории, обязательно истинно, и был сурово наказан за это высказывание. Ситуация вскоре обострилась так, что отцу пришлось забрать меня из школы, но лишь с огромным трудом он смог найти прусскую школу, которая согласилась принять ученика-католика, виновного в неподчинении.

В последней войне я был прикомандирован адъютантом к генералу, командовавшему дивизией на Западном фронте. Однажды генерал сказал мне: «Я высоко ценю вас, но мне приходится осторожничать, ведь вы католик и в критическом случае будете повиноваться папе».

Именно прусское недоверие к католицизму лежит в основе «Культуркампф» Бисмарка. Нацисты, создавшие тоталитарное государство, не только сохранили традиционную прусскую враждебность к католицизму, но пошли гораздо дальше.

На сей раз чаша терпения переполнилась. Рейнские католики отказываются переживать эту мучительную ситуацию снова и снова. Поскольку Берлин считает наш регион несовместимым с патриотизмом и преданностью стране, мы сделаем соответствующие логические выводы.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Ницше и сверхчеловек

Национал-социализм попытался фальсифицировать труд Ницше и представить этого великого немецкого философа предтечей нацистской расовой доктрины и теории «кровь и почва». Правда состоит в том, что во многих своих работах Ницше не нашел более достойного объекта презрения, чем напыщенный пангерманский склад ума. «Сверхчеловек», представленный в его самом знаменитом труде «Так говорил Заратустра», сильно отличается от будущих «лидеров», взращиваемых в школах национал-социалистического руководства орденсбурген. По Ницше, «сверхчеловек» — человек, живущий в уединении на горной вершине, потому что обладает духовным превосходством над всем, что Ницше считает предрассудками и устаревшим вздором.

Скандинавская Эдда

Собрание германских саг, составляющих основу германской мифологии. Материал для своей оперы «Кольцо Нибелунгов» Рихард Вагнер черпал в Эдде.

Конкордаты

Конкордат — первоначально название договора между папским престолом и германскими императорами. В последнее время конкордаты между Ватиканом и Пруссией или Германией подписывались в целях регулирования права немецких католиков на их религию. В частности, конкордаты расписывали процедуру назначения в соответствии с папским судом епископов и некоторых профессоров католической теологии. Более того, они регламентировали исполнение канонического закона и

ограничивали свободу проповедования. Нынешний папа, Пий XII, еще под своей фамилией Пачелли был папским нунцием в Берлине, где успешно провел переговоры о конкордате с Отто Брауном, в то время премьер-министром Пруссии. Договор честно выполнялся, пока у власти в Пруссии находилось демократическое правительство.

Рыцари Тевтонского ордена

Религиозный орден прусских рыцарей, созданный для распространения христианства на территориях к востоку от Пруссии. Тевтонские рыцари колонизировали большие пространства в Балтийском регионе и правили там с особенной жестокостью. Они проникли и в Польшу, и в Россию.

«Культуркампф»

Это название дано конфликту, начатому Бисмарком в 1875 году под тем предлогом, что некоторые шаги, предпринятые папским престолом, являются вмешательством в правительственные полномочия — в Германии вообще и в Пруссии в частности. Поскольку почти половина немецкого населения была католической, действия Бисмарка вызвали повсеместное недовольство. Католиками руководили священники, и конфликт постепенно перерос в преследование духовенства. Несколько лет спустя Бисмарк был вынужден уступить Риму и примириться с церковью. Однако последствия «Культуркампф» сохранились в Германии до сих пор в виде католической партии «Центр», основанной как средство самозащиты и впоследствии сыгравшей главную роль в оппозиции рейхстага. В послевоенной Германии эта партия была одной из самых важных правительственных партий.

Часть четвертая
ГЕРМАНИЯ И БУДУЩЕЕ МИРА

Глава 1
МОШЕННИЧЕСКИЕ НАЦИСТСКИЕ ФИНАНСЫ

Изношенность немецкого промышленного оборудования

Когда наступит время заключать мир, одной из нелегких проблем, с которой придется столкнуться, станет реорганизация немецкой экономики. Немецкая пропаганда пытается убедить нас, что национал-социалистическая экономика вполне успешна, но не стоит обманываться. Как я уже отмечал, в Германии не существует комплексного плана. Гитлер абсолютно ничего не понимает в экономических вопросах; он всегда доверял тем своим советникам, которые в данный момент имели на него наибольшее влияние. Для него самое главное, чтобы выделялись огромные деньги, необходимые на претворение в жизнь близких его сердцу планов, как, например, строительство автотранспортных артерий и перевооружение.

Конечно, любое правительство может тратить деньги на непродуктивные цели. На это может уйти, скажем, 20 процентов доходов, но не 80 же процентов, как происходит в Германии. Ведь в конце концов, такие деньги, как полученные не от налогов, должны списываться.

Также необходимо, чтобы самые важные экономические вопросы открыто обсуждались людьми, которые кое-что в них смыслят: среди прочих, руководителей промышленности. Насколько я могу вспомнить, это

было сделано надлежащим образом лишь в одном, и очень незначительном, случае, а именно в вопросе о регламентировании торговли лекарствами. Только в тот раз Геринг спросил фамилии трех лучших фармацевтов Германии. Было представлено мнение экспертов, и в результате вопрос был решен корректно. Однако, когда доходило до более важных фундаментальных экономических проблем, подобные процедуры не проводились и избранный курс всегда оказывался самым простым на данный момент.

Самая главная проблема — инфляция. Когда-нибудь чудовищная инфляция, давно существующая в нацистской Германии, станет очевидной, и в результате возникнут колоссальные трудности. Прежде всего крестьяне поймут, что деньги потеряли всякую ценность, и откажутся продавать свою продукцию. И тогда все будет кончено. Коммунистическое решение было бы возможным, только если бы, как в России, крестьянство составляло 80 процентов населения. Поскольку в Германии это не так, коммунистическая система нереальна. В России совсем другие условия. Там промышленные рабочие, составляющие 20 процентов населения, обеспечивают необходимыми товарами остальные 80 процентов.

Немыслимо представить, насколько трудно производителю руководить своими предприятиями в Германии. Рабочие часы ограничены, а половина времени владельца уходит на переговоры с людьми, абсолютно невежественными в относящихся к данному вопросу проблемах. Даже Геринг ничего не понимает в экономике, хотя занимает в нынешней Германии высший руководящий экономический пост. Он умеет лишь тратить деньги. Вынужденное выполнение требований нацистского правительства завело министра экономики, доктора Ялмара Шахта, слишком далеко. Несомненно, что изначально он с самыми лучшими намерениями заключил известное соглашение о моратории с иностранными державами. Он, безусловно, намеревался в конце концов выплатить иностранные кредиты, платежи по которым были приос-

тановлены, однако не принял во внимание своего хозяина. Его первой ошибкой было то, что он помешал немецким промышленникам, получившим частные кредиты, расплатиться с долгами. Например, «Объединенные сталелитейные заводы», с которыми я тесно сотрудничал, несомненно, смогли бы выполнить свои обязательства, если бы правительство им это не запретило. За границей всегда полагали, что Шахт действовал в согласии с немецкой промышленностью, но дело обстоит совсем не так.

Весь процесс достижения соглашения о моратории представляется мне необычайно интересным, особенно из-за явной недальновидности, продемонстрированной руководящими экономистами еще до прихода Гитлера к власти. Первой большой ошибкой было то, что допустили крах венской международной кредитной организации. Генеральный директор Фёглер и я находились тогда в Вене, как представители иностранных кредиторов. Голландский управляющий банковскими операциями в Австрии (представлявший Лигу Наций) открыто предостерег нас обоих и попросил передать доктору Лютеру, бывшему канцлеру, в то время президенту Рейхсбанка, что банковский кризис, случившийся в Вене, непременно повторится в Берлине. Однако доктор Лютер ответил: «С нами ничего не случится; у нас так много денег». Он действительно в тот момент имел весьма значительный золотой резерв в два миллиарда марок. Но когда Дармштадтский Банк столкнулся с трудностями из-за требований иностранных банков выплатить займы, Лютеру пришлось расстаться с большей частью этого золотого резерва.

Последовавший вскоре крах немецкого банка в то время считался результатом выполнения Германией репарационных обязательств. Однако никоим образом это не соответствует истине, ибо в то время Америка, в частности, одолжила Германии большие суммы, которые вовсе не использовались для выплаты репараций. Долги, о которых идет речь, были частными и не имели никакого отношения к репарациям.

Сразу после краха банков Германия ввела строгий правительственный контроль над иностранной валютой. В условиях этой планируемой экономики всем частным фирмам пришлось сдавать всю иностранную валюту, а с расширением производства вооружения иностранных денег становилось все меньше и меньше, особенно для закупки продовольствия и сырья для невоенных производств. Я еще помню то время, когда производителям предлагалась руда, они обращались в Рейхсбанк за валютой, но не получали ее и были вынуждены отказываться от сделки. Подобные трудности возникали и при добывании необходимых кредитов. Я знаю один случай, когда кредит был получен, частично выплачен, но после вступления в силу соглашения о моратории Рейхсбанк перестал обращать внимание на просьбы о переводе денег. Просто из-за чрезмерного производства вооружения иностранной валюты было мало и даже самые срочные частные обязательства более не выполнялись. Страдали и промышленность, и торговля; такие важные для Германии отрасли, как меховая, уже совсем не получали иностранной валюты. С другой стороны, военная промышленность получала все, что хотела.

Я также помню, как в США закупили довольно большое количество металлического лома. Американская фирма действовала через еврейский концерн в Лондоне. Договоренности о продаже были достигнуты потому, что в Лондоне не знали о том, что лом предназначен для Германии. Когда еврейские коммерсанты обнаружили это, то поначалу не хотели завершать сделку, но в конце концов немедленный платеж показался столь соблазнительным, что немецкая военная промышленность приобрела американский металлолом.

Ситуация в Германии, вероятно, стала бы еще более неблагоприятной, если бы нацисты не унаследовали от предшественников огромные индустриальные запасы и значительный золотой резерв. Брюнинг, на посту канцлера, проводил дефляционную политику, что сделало Германию страной раздутых материально-производственных

запасов. Хлынувший в то время в Германию мощный поток иностранных займов привел к еще большему их увеличению. Доллары частных займов промышленности и банков отправлялись в Рейхсбанк, а владельцы предприятий кредитовались соответствующими суммами в марках. Эти марки быстро откладывались про запас в как можно большем количестве товаров. Таким образом Брюнинг подготовил очень выгодные для нацистов условия, в действительности настолько выгодные, что нацистам следовало бы поставить ему памятник. Он задал тон расточительной политике нацистов. К тому же его дефляционная политика ввергла страну в общий экономический кризис, и вышеупомянутые экономические процессы автоматически ускорились.

Я всегда закупал руду для своих заводов заранее, за год. В 1928—1929 годах была депрессия, и перед нами встал вопрос, покупать ли руду и если покупать, то сколько. Тогда мы сочли достаточно разумным купить 80 процентов от закупок предыдущего года, однако занятость сократилась на 25 процентов, и в результате остались очень большие непереработанные запасы. Подобная ситуация сложилась во многих концернах сталелитейной и других отраслей. На начальном этапе нацистская экономика существовала за счет этих накопленных запасов.

Напрашивается вопрос, как Шахт допустил создание такой мошеннической экономики. Лично я не сомневаюсь, что изначально он хотел управлять честно; просто у него не было дальновидной концепции экономического развития ситуации, в которой он оказался. Его устранение из правительственного аппарата пришлось на тот момент, когда обстоятельства сложились так, что он уже не чувствовал в себе сил нести дальнейшую ответственность. Среди прочего крупные промышленные предприятия оказались обремененными расходами, которые должно было взять на себя государство. Приведу пример: концерн «И. Г. Фарбениндустри» оказал огромную помощь нацистам, в частности, оплачивал пропагандистов за рубежом. Между прочим, этим занимались

и другие частные фирмы. Все эти расходы компенсировались в Германии кредитами в немецких марках, и таким образом нацисты могли использовать огромные суммы в иностранной валюте, остававшиеся за границей. Это, между прочим, одна из причин, по которым иностранным правительствам было так сложно выяснить, как финансируется нацистская пропаганда. Естественно, все это ложилось бременем на частные счета, что не могло не привести в конце концов к невыносимым условиям.

Однако, когда другого выхода не оставалось, платежи осуществлялись фальшивыми переводными векселями. Я прекрасно осведомлен об этом, так как в то время был президентом Банка промышленных облигаций. К нам обратились с требованием сделать передаточную надпись на целом пакете поддельных векселей. Правление отказало, заявив, что это недопустимо по уставным нормам банка, так как банк не получил никакого эквивалента этим векселям. Тогда банк получил заявление министра юстиции о том, что банк не понесет никакой ответственности за эти векселя; правительство, мол, учтет их в Рейхсбанке и мы можем их подписывать, ни о чем не беспокоясь.

Банк промышленных облигаций был очень могущественным учреждением. В ряду других операций он выдавал огромные займы сельскому хозяйству. Его подпись всегда гарантировалась промышленностью в целом. У него был очень крупный капитал. Однако у его директоров в конечном счете не осталось другого выбора, кроме как подчиниться требованию правительства.

Те векселя, как я впоследствии узнал, были размещены главным образом в сберегательных банках и в государственной системе социального страхования, что особенно подчеркнуло преступный характер операции. Бедные немцы в массе своей доверчивы. Рабочий чувствует себя в определенной степени защищенным; думает, что в старости с ним ничего плохого не случится, и довольствуется относительно низкой пенсией по возрасту. Однако он, по крайней мере, хочет быть уверенным, что сможет на

эту пенсию прожить. И как раз этот класс принесли в жертву; свои деньги потеряли именно люди, слепо верящие в своего обожаемого фюрера.

Весь процесс — не что иное, как присвоение минимум четырехсот марок, которые каждый рабочий выплачивает системе социального страхования рейха. В действительности именно простые люди оплачивают огромные военные расходы. Я особенно подчеркиваю это, чтобы открыть немецкому народу глаза.

После отставки Шахта только подобными методами и пользовались. Я считаю эти деньги пропащими, и, по моему мнению, систему страхования рабочих придется перестраивать на новом базисе, ведь, когда люди осознают, что потеряли свои сбережения, они придут в отчаяние. По этой причине некоторые предприниматели ввели личные гарантии для своих рабочих — создали сберегательные банки на заводах, где деньги выплачиваются и возвращаются, и с течением времени накапливаются большие резервы для этих организаций. Поэтому многие рабочие уже испытывают благодарность к своим концернам-работодателям. Они начинают понимать, что государство бросило их, но завод еще защищает.

Осенью 1934 года я отправился на несколько месяцев в Аргентину. Это произошло уже после убийств Рёма и Шлейхера, и мне хотелось подышать более чистым воздухом. Хочу вновь повторить, что дело Рёма было гнусным зверством. Лидеры СА собрались по соглашению с Гитлером, и эту самую встречу впоследствии использовали как доказательство их изменческих планов. Нужно очень долго копаться в анналах истории, чтобы найти столь же презренный поступок. Между прочим, вскоре после убийства я спросил Геринга, в чем же состояло преступление Шлейхера. Геринг ответил, что была доказана его преступная связь с французским послом. Однако в то же время Гитлер обвинил генерала в связях со Сталиным!

Я был счастлив сбежать на некоторое время из этого котла ведьм. Путешествовал я до весны 1935 года и имен-

но в Аргентине осознал — на нескольких примерах — глупость немецкого коммерческого курса, с помощью которого рейх пытался достичь самодостаточности (или автаркии)[1]. Меня принял президент Аргентины; он сказал: «Не можете ли вы что-либо сделать, чтобы Германия покупала наше аргентинское мясо?» Это было ответом на мою просьбу к Аргентине разместить крупные заказы на немецких промышленных предприятиях. Президент был готов заключить договора, если только Германия купит больше мяса в его стране, потому что он хотел продемонстрировать англичанам, что и другие народы покупают аргентинское мясо. Вернувшись в Германию, я доложил Гитлеру. Он согласился. Однако Дарре, министр сельского хозяйства, это предложение отверг. Он не желал покупать ни килограмма мяса у Аргентины. Вот один из примеров работы нелепой нацистской правительственной машины.

Позже я снова попал в Аргентину. К тому времени стало еще труднее заключить коммерческое соглашение. Лучше бы мы купили мясо и выбросили его за борт, ибо, по крайней мере, смогли бы заключить более выгодную промышленную сделку. Больше всех опять же пострадал немецкий рабочий, не получивший достаточного количества мяса, в то время как английские рабочие имели в избытке отличное мясо. Вина, безусловно, лежит на всем принципе автаркии. Конечно, ограничение импорта необходимо, но идиотская автаркия, провозглашенная Германией, невозможна. Вот чем заканчивается назначение на важные посты таких болванов, как Дарре.

Следующие размышления продемонстрируют порочность этой политики. Во всех европейских странах до сих пор необходимо удобрение почвы навозом, и ради этого крестьяне содержат домашний скот. Таким образом, первый принцип любой сельскохозяйственной политики — обеспечение дешевого корма для скота. Невоз-

---

[1] Автаркия — экономическая политика, направленная на создание замкнутого национального хозяйства, обособленного от экономики других стран. (*Примеч. пер.*)

можно получить достаточно дешевого корма без импорта. Неудивительно, что крестьяне недовольны: и как только они получат возможность высказаться, все нацистское мошенничество закончится через неделю. Пока, однако, крестьяне не смеют не то чтобы рискнуть выступить открыто, они слово сказать боятся.

Знаменитые бартерные соглашения (по ним товары обмениваются на товары, а не на деньги), которые Германия годами заключала с другими странами, снова и снова оказываются абсурдными. В Италии, например, за одну марку можно купить книги, которые в Германии стоят десять, но это еще не худший пример. Германия экспортировала книги в Венгрию в обмен на кукурузу, но венграм не нужны были книги, и что же им оставалось? Они подняли цены на посылаемую в Германию кукурузу соразмерно цене, которую от них требовали за книги! И в Румынии Германии при бартерной торговле пришлось платить двойную цену за кукурузу. Я мог бы привести еще множество подобных примеров.

При будущем экономическом порядке, безусловно, промышленность не сможет работать абсолютно независимо. Государство всегда будет осуществлять какой-то контроль, но, с другой стороны, неправильно думать, что единственная цель промышленности — зарабатывание прибылей. В действительности мы, промышленники, беспокоимся лишь об одном: как сохранить непрерывную работу наших заводов. Цены повышаются, спрос падает, а производство гораздо важнее цены. На собраниях промышленники часто пылко высказываются за снижение цен, но, конечно, не потому, что им чужд эгоизм или они так жаждут дешево сбыть свою продукцию, а потому, что они поняли: высокие цены вредят бизнесу.

Однако, как только наступает перепроизводство, цены падают слишком резко, что вредно, поскольку, когда слишком много заводов, столь низкие цены неизбежно приводят к снижению заработной платы, и запускается механизм, ведущий к застою. Многие владельцы производственных предприятий, к несчастью,

верят, что все хорошо, пока станки работают, однако, по моему мнению — и это очень важно для будущего Европы, — отдельные предприятия должны заключать друг с другом соглашения, не только национальные, но и международные. Я — сторонник крупных картелей, позволяющих исключить чрезмерную конкуренцию и вражду между концернами. К чему может привести такая конкуренция, видно из того, что время от времени стальные рельсы продавались дешевле чугуна в чушках. Неразумное снижение цен так же порочно, как их неоправданное увеличение.

Однако картели хороши только для крупной индустрии — тяжелой, химической, угледобывающей и текстильной отраслей. Рабочий всегда склонен верить, что картели выступают против него, но это неправда. Стабильность заработной платы может быть достигнута, только когда цена продукта тоже стабильна, но обычно правительство оказывается неразумнее рабочего. Государству хочется лишить бизнес всего, и это особенно справедливо, когда речь идет о нацистском государстве. Рабочий, с другой стороны, осознал, что предприятию для его развития следует оставлять излишки.

Не следует забывать, что немецкое промышленное оборудование почти полностью изношено, особенно в тяжелой промышленности, где механизмы изнашиваются гораздо быстрее, чем, например, на текстильных фабриках. На последних оборудование может служить двадцать лет, тогда как в тяжелой промышленности средняя жизнь оборудования, особенно, например, прокатных станов, ограничена пятью годами.

Немцы, необходимо напомнить, все еще не понимают, что многие заводы придется полностью модернизировать. В США грянула настоящая техническая революция. Приведем в пример производство белой жести. На продукцию этой отрасли промышленности колоссальный потребительский спрос. Американские инженеры изобрели новый технологический процесс. В США двадцать четыре завода по производству белой жести, а

в Германии только два. На этих двух немецких заводах работает пять тысяч рабочих, а при новом процессе для производства такого же объема продукции потребовалось бы только пятьсот. Однако необходимая модернизация требует больших затрат. Строительство и оборудование завода, аналогичного американскому, обошлось бы по меньшей мере в десять миллионов долларов. И если немецкая промышленность не перейдет на новую технологию, она просто сойдет с дистанции, ибо белая жесть, производящаяся ныне в США, гораздо лучшего качества, чем наша.

Конечно, придется подыскивать новую работу уволенным рабочим. В любом случае, чтобы найти решение, необходимо хорошенько поразмыслить. Например, представляется вероятным найти новые места для освободившейся рабочей силы в автомобильной промышленности, но это будет не так-то просто. В Германии есть такие районы, как Зигерланд, где у большинства рабочих есть собственные дома с садами; они — наполовину рабочие, наполовину фермеры. В таких случаях даже можно было бы создать новую отрасль промышленности, чтобы не лишать рабочих собственного клочка земли. Но если ничего не делать, через пять лет производство немецкой белой жести умрет.

Все эти вопросы — вопросы будущего, но они необыкновенно важны для немецкой экономики, поскольку строгая регламентация и чрезмерная эксплуатация немецкой промышленности при национал-социалистах совершенно разорила предприятия. Конечно, и в Германии развивались некоторые отрасли промышленности, но, по сравнению с США (где у деловых людей нет наших проблем!), это развитие можно приравнять к нулю.

Тем не менее я надеюсь на будущее развитие Европы. Я также верю и в ее духовное развитие. Несомненно, должно произойти нечто вроде реанимации демократии, но

я также верю в то, что это будет сопровождаться возрождением веры.

Прекрасно известно, что прошлое столетие было в значительной степени атеистическим. Ученые верили, что смогут объяснить все: и физическое, и метафизическое. Недавно один голландский писатель по фамилии Хейзинга выпустил очень хорошую книгу, в которой говорит, что под влиянием великих открытий людям внушили, будто наука может объяснить все, и люди поверили ученым. Затем посыпались новые научные открытия; обнаружилось, что мельчайшая молекула или электрон сама по себе представляет целую вселенную. Эйнштейн представил теорию относительности. Люди вдруг увидели, что мы еще больше, чем когда-либо, отдалились от истины. И Планк, немецкий физик, и Хейзинга считают, что мы должны вернуться к вере. Планк, как хорошо известно, друг Эйнштейна. Сегодня лишь немногие ученые убеждены в том, что человеку удалось раскрыть все главные тайны вселенной. Следовательно, не остается ничего, кроме как вернуться к вере.

Обычным людям это развитие принесло совершенно другие результаты. Сначала их уверили в том, что все можно объяснить, а потом заявили, что объяснять больше нечего, и теперь они уже не верят ни во что. Итак, из-за того, что они не знают, во что верить, и все же хотят верить, они не верят в христианство и выбирают веру в бога, которого можно увидеть. А в Германии этот бог — Гитлер.

Что касается меня, то я совершенно не сомневаюсь в грядущем возвращении к религии, ибо немецкий народ испытает колоссальное разочарование в своем боге Гитлере, который развязал войну не по причине своей гениальности, а потому, что просто не мог ее избежать. Согласно последним исследованиям, война началась, поскольку никто уже не знал, что делать дальше. Гитлер решил, что нападением на Польшу сможет произвести неизгладимое впечатление на немецкий народ и заставить его вновь восхищаться своим богом.

Глава 2
ГЕРМАНИЯ В ВОЙНЕ: ТРЕЩИНЫ В ЕЕ БРОНЕ

То, чего я боялся и что в последнюю минуту хотел предотвратить, публикуя свою переписку с правительством рейха, в конце концов произошло. Началась тотальная война против европейской цивилизации со всеми ее разрушительными последствиями для Запада, включая мою родину, Рейнланд. Ответственность за развязывание войны несут нацистские лидеры, разыгрывающие свою последнюю карту. Их личные интересы и интересы их партии противоречат интересам немецкого народа и Германии.

Я всегда старался открыто выражать свое мнение и выступал против войны. Однако общество полагает, что тяжелая промышленность в основе своей всегда выступает за войну, ибо война приносит ей большие прибыли. Тем не менее я утверждал, что это не так. Я мог это делать, поскольку был одновременно и промышленником, и депутатом рейхстага. Как промышленнику, мне никогда бы не позволили высказывать свое мнение, и то, что я его высказывал, вовсе не моя заслуга.

Я пытался, кроме морального аспекта, показать, что Германия не готова к войне. Я хотел избежать войны и по нравственным, и по политическим мотивам. Однако я также верил, что в сложившихся обстоятельствах война не выгодна Германии. Именно это я прямо сказал генералу фон Бломбергу, занимавшему тогда пост министра обороны, так что моя точка зрения была общеизвестна. В моих последних беседах с представителями власти я сказал: «Если неизвестные мне факты говорят о неизбежности войны, необходимо сделать все возможное для того, чтобы оттянуть ее начало». Это было в июле 1939 года.

Даже если принять точку зрения Гитлера, сразу становится ясно, что он совершил серьезную ошибку, ибо ему не следовало претворять в жизнь свои военные планы раньше чем через пять, а то и через десять лет. Это мое

мнение разделяло большинство высшего военного командования. Все они хотели, чтобы процесс перевооружения шел медленно, и высшие армейские круги полагали, что следует подождать еще как минимум пять лет. Однако юные азартные лейтенанты верили в то, что война против великих демократических держав будет такой же легкой, каким оказалось завоевание Польши.

Опасно вселять в солдат ложные надежды: недостаточно выиграть несколько сражений, нужно выиграть войну. Следует помнить, что последнее мощное наступление 1918 года изменило моральное состояние армии. До этого наступления способность армии к сопротивлению была непоколебима. После него все изменилось, как по мановению волшебной палочки. И нынешняя армия не похожа на армию мировой войны 1914—1918 годов. Генеральный штаб, несомненно, очень квалифицирован, но офицерский корпус и унтер-офицеры — другое дело. Все они еще менее образованны, чем та же часть армии в 1918 году. Вызывает большие сомнения, смогут ли они выдержать эмоциональные стрессы, неизбежные в длительной войне.

Вооружение Германии, может быть и мощное в абсолютном смысле, никоим образом не полное, отчасти не соответствующее представлениям о современном оружии. Докажу это на нескольких примерах.

Начнем с авиации. Безусловно, достижения в этой сфере велики. Мне кажется невероятным, что другие страны этого не обнаружили, а если и обнаружили, то, видимо, верили — до последнего момента, — что смогут договориться с Германией на сносных условиях. Многие довоенные годы Гитлер обманывал Англию, утверждая, что готов заключить соглашение об ограничении военно-воздушных сил в частности и армии в целом. Он публично выдвинул предложение, основанное на численности армии в триста шестьдесят тысяч человек. Я с самого начала считал, что это обман, но предложение было принято всерьез и в Германии, и в странах-союзницах. Позже, снова публично, Гитлер заявил, что союзники даже

не ответили на его предложение. Это было огромным успехом немецкой пропаганды. Теперь если бы Адольф Гитлер прибегнул к оружию, то был бы полностью оправдан.

Промышленники не имели особого политического влияния, и, как уже говорил, я лично конфликтовал с правительством рейха с 1935 года. Главную ошибку совершил доктор Ялмар Шахт, ибо в тот период он был самым влиятельным человеком, как в партии, так и в армии. Если бы тогда он предупредил об опасности нацистской политики, ведущие деловые круги насторожились бы. Шахт ни в коей мере не был согласен с мерами, которые, как он знал, принимало правительство, но он думал, что еще есть время все уладить. Высшее командование находилось в подавленном настроении, ибо понимало, что перевооружение идет слишком быстро за счет качества, которое они считали обязательным.

До самой оккупации Австрии эти офицеры видели всеобщий беспорядок. Позже в районе Эйфеля к западу от Рейна на военных учениях один генерал впал в полное отчаяние, поскольку все пошло наперекосяк.

Когда национал-социалисты пришли к власти, Германия располагала, может, всего четырьмя военными самолетами. Все авиазаводы были банкротами. Работали только заводы Хейнкеля и Юнкерса. Основатель заводов Юнкерса был не профессиональным предпринимателем, а скорее талантливым профессором, увлеченным новыми моделями, и его заводы постоянно занимались испытанием опытных моделей, которые он конструировал. Это, безусловно, сказывалось на рентабельности заводов Юнкерса, и государству всегда приходилось их субсидировать, так как необходимо было сохранить немногочисленные имеющиеся авиазаводы.

Естественно, что с самого начала нацистского правления возрождение авиации было особенно близко сердцу капитана — ныне фельдмаршала — Геринга, который в войну 1914—1918 годов был летчиком. Геринг попросил меня о помощи, и мы прикомандировали к нему челове-

ка, представлявшего на его рассмотрение крупномасштабные планы. Это был господин Коппенберг. Его разместили в техническом отделе заводов Юнкерса, и вскоре там закипела жизнь. Достижения Коппенберга всего за два года поражают воображение. Коппенберг побывал в США и применил на заводах Юнкерса увиденные там технологии. В результате из заводика, представлявшего нечто вроде лаборатории, выросло настоящее крупное промышленное предприятие. Только Геринг ни разу там не появился, что очень огорчало Коппенберга. Он прекрасно выполнил приказ производить главным образом бомбардировщики, которые всегда были любимым детищем самого Юнкерса. В основном Коппенберг использовал для этих самолетов моторы Дизеля.

Одним из главных компонентов в производстве самолетов является проволока. В самом начале проволоку приходилось импортировать из Англии, но мы первым делом поощрили немецкую промышленность производить эту проволоку внутри страны. Проект в основном оказался успешным, так что импорт из Англии вскоре почти полностью прекратился. Тот факт, что заказы на проволоку больше не поступают, видимо, ввел англичан в заблуждение относительно происходящего в Германии.

Проволоку надо делать из очень хорошей стали, особенно для тросов, используемых в органах управления. К концу 1934 года реконструкция заводов Юнкерса так продвинулась, что можно было внедрять конвейер по американскому образцу. Тогда Коппенберг так реорганизовал производство Юнкерса, что во всех важных регионах построили заводы, выпускающие отдельные детали, которые затем собирались на специальном сборочном заводе. Этот метод является секретом производственного успеха США, поскольку позволяет бесперебойно производить продукцию. Америка знаменита качеством своих материалов; в Европе слишком многое еще делается небрежно. Однако немецкая авиационная промышленность, без сомнения, сильно прогрессировала; без преувеличе-

ния можно сказать, что это, пожалуй, самая современная отрасль немецкой военной промышленности.

Но какой прок от самолетов без керосина? И здесь мы подходим к самому важному для ударной мощи немецкой армии вопросу. В американской прессе публиковали расчеты ежедневного потребления керосина немецкой армией. За основу расчетов принималось потребление в Польской кампании. В Польше в сражение вступили шестьдесят немецких дивизий; я здесь оцениваю численность немецкой армии примерно в сто моторизованных дивизий. В Польше ежедневно потреблялось около 15 тысяч тонн керосина, значит, нынешнее потребление составило бы 25 тысяч тонн в день. Но это расчет лишь для нужд моторизованной армии. Кроме этого авиации требуется еще 6500 тонн. Вместе это составляет более 30 тысяч тонн ежедневно. Однако немецкая промышленность может дать только 10 тысяч тонн в день, а вся синтетическая немецкая продукция не годится для авиации. Запасов авиационного керосина нет. До самого конца Польской кампании помощь заводам, производившим синтетический керосин, не оказывалась. Следовало создать условия для производства керосина, пригодного для авиации. Конечно, можно производить авиационный керосин из угля, но эти планы еще только зарождаются.

Керосин производится из угля по технологии, запатентованной «И. Г. Фарбениндустри», однако керосин, полученный таким способом, слишком легкий и из-за этого не годится даже для автомобилей. Завод, построенный для производства синтетического керосина, прекрасен, но цеха для производства авиационного керосина сейчас едва ли начали строиться.

Другая важная проблема для надлежащего функционирования авиации — персонал, то есть летчики. Обучение немецких пилотов шло слишком быстро. Только в 1936 году Германия начала массовое строительство самолетов. Я как-то беседовал с одним из наших лучших гражданских пилотов, и он сказал: «Для обучения хорошего пилота бомбардировщика требуется от трех до пяти

лет. Я не верю в хорошее качество обучения летчиков в Германии; слишком оно ускоренное».

(Армия оказалась более предусмотрительной. Власти понимали необходимость создания хорошо обученного в техническом отношении офицерского корпуса, тем более что в это время Германии недоставало большого количества унтер-офицеров, игравших важнейшую роль в мировой войне 1914—1918 годов.)

В отношении авиации я хотел бы добавить, что как руководитель люфтваффе Геринг всегда обращал внимание лишь на то, что устраивало его, и ни на что другое (я уже упоминал, что он ни разу не посетил заводы Юнкерса), поэтому его первый заместитель, маршал авиации Мильх, занимался только аэродромами. Строить хорошие аэродромы в Германии не сложно, ибо на деньги не скупятся. Для этой цели можно любой ценой реквизировать лучшие земли. (С другой стороны, землевладельцы, у которых выкупается земля, могут ставить любые условия. Например, мой зять сохранил права на траву, растущую на земле, которую он продает военным властям.)

Можно привести и несколько типичных примеров повсеместной расточительности немецкого военного казначея. В городе Крефельд после окончания последней войны военные плацы оказались ненужными, и их превратили в прекрасные поля для гольфа. Когда настало время перевооружения Германии, Крефельд, конечно, снова стал гарнизонным городом и плацы пришлось восстановить. Армия положила глаз на поля для гольфа, ландшафт которых позволял преобразовать их для строевой подготовки. Поэтому построили новое поле для гольфа рядом со старым, отдали его владельцу старых полей. Это кажется безумием, но, как я уже отмечал, деньги — не препятствие. Аналогично ганноверскую школу верховой езды просто перевели в Берлин.

Однако деньги швыряли не только на перевооружение. Например, в Кельне казармы кирасирского полка были перестроены в очень красивый музей. Этот музей находится как раз напротив Кельнского кафедрального собо-

ра. На этом месте, прямо перед величественной древней церковью, нацисты построили — в целях духовной конкуренции — огромный дворец для партийных съездов. Эти люди не погнушались снести музей, реконструкция которого обошлась в гигантскую сумму. Это лишь то, что происходило в непосредственной близости от меня и что я мог видеть своими глазами во всех деталях.

Тем не менее не остается сомнений в величайших достижениях нацистов в перевооружении авиации. Многое было сделано и для моторизации армии — великой цели последних десятилетий. Но все, что говорилось в связи с обеспечением керосином авиации, справедливо и для бронемашин, и для танков. До начала войны не было реального опыта функционирования моторизованных войск. В беседе со мной один из наших генералов выразил некоторые сомнения в этом отношении: «Вначале, безусловно, все будет хорошо. Но что потом? Большие трудности возникнут, в частности, в снабжении моторизованных войск горючим и смазочными материалами, поскольку эти войска продвигаются с большой скоростью. Для обслуживания этих войск придется посылать колонны бензовозов».

Во всяком случае, так и не определились, в какой степени армия должна быть моторизованной, чтобы действовать эффективно. Несомненно, то, что было сделано, было сделано хорошо, но я убежден, что масштабные сражения нельзя выиграть одними танковыми дивизиями. Они являются отличным оружием для прорыва фронта, но и войска, посылаемые в брешь, тоже должны быть современными. И я также верю, что слабость на сто процентов механизированной армии состоит именно в высокой степени ее механизации. Как ремонтировать всю эту технику? Чтобы содержать в порядке такую армию, пришлось бы оборудовать повсюду ремонтные мастерские, а численность ремонтных команд была бы слишком велика в соотношении с численностью боевых войск. В идеале пришлось бы последовать примеру Генри Форда, чьи ремонтные мастер-

ские разбросаны по всему миру и нет разницы между Германией и Бразилией.

По сравнению с авиацией и моторизованными войсками немецкая артиллерия находится в плачевном состоянии. Конечно, имеется очень много больших самоходных пушек, но обычно используемая защитная 88-мм пушка полевой артиллерии слишком тяжела и слишком громоздка. Пять лет — небольшой срок для проектирования и производства пушки. За это время немцы сосредоточились главным образом на зенитных орудиях, но последняя война со всей очевидностью продемонстрировала важную роль легкой артиллерии. Именно легкая артиллерия вселяет в пехоту необходимую уверенность на поле боя. 88-мм зенитная пушка отлично выполняет свои задачи; у нее большой радиус действия и огневая мощь, но, как я говорил, она слишком тяжела для использования на поле боя.

Насколько я знаком с фактами, Германия взялась за создание артиллерии с широким размахом лишь с 1938 года. Фактически это началось лишь тогда, когда нацисты взяли под свой контроль заводы «Шкода» в Богемии после чешского кризиса 1938 года. Уже в Первой мировой войне заводы «Шкода» играли огромную роль в вооружении армий Германии и ее австрийских союзников. Крупп никогда не производил минометы, только «Шкода».

В заключение я еще кое-что хотел бы сказать о немецком оружии. Сегодня Германия располагает очень хорошей особой сталью, которую можно обрабатывать на заводах гораздо быстрее, чем раньше, но нет специализированного оборудования. Следовало построить все необходимое до начала войны, однако не хватило времени. Эта брешь в немецком военном производстве, вероятно, и является ключом к попыткам нацистов решать все вопросы блицкригом. Желание применить к другим странам метод быстрого прорыва и захвата, который привел к успеху в Польше, было наглядно продемонстрировано. Чисто внешним свидетельством является тот факт, что эскадрильям немецких бомбардировщиков разрешили

при нападении пренебречь любыми представлениями о человечности, к чему всегда и стремился Геринг. Для меня самым страшным примером явился Роттердам. Большой торговый город, давний близкий сосед Германии, где многие здания находились в собственности немцев. Невозможно описать словами, какие разрушения претерпел этот город. Не могу представить, чтобы французы столь же безжалостно разрушили бы Страсбург. Все это еще раз демонстрирует стремление быстро продвигаться вперед; в этом причина повсеместного насаждения страха. В будущем ни один немец не посмеет без стыда показаться за границами Германии.

Некоторое время тому назад, когда маршал Ворошилов казался угрозой сталинскому режиму, в Германии ходили слухи, что Сталин принимал Ворошилова только в том случае, если он являлся без оружия. Не знаю, как ведет себя ныне Гитлер; заставляет ли он перед аудиенцией обыскивать генералов и забирать у них оружие, но он точно им не до конца доверяет. В любом случае Гитлера охраняют с абсурдным рвением. Несомненно, читатель знаком с историей, которую часто рассказывал бывший французский посол в Берлине М. Франсуа-Понсе: в один из его визитов к Гитлеру свалился цветочный горшок, и тут же в комнату через все двери ворвался десяток эсэсовцев.

Правдива эта история или нет, но она иллюстрирует меры безопасности, принимаемые Гитлером. В наши дни Гитлер может делать все, что пожелает, не опасаясь никакой оппозиции; и он вверг страну в эту войну. Однако я уверен, что он войну не выиграет и сам будет в этом виноват.

ПРИМЕЧАНИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Трудно оспаривать тот факт, что такой выдающийся промышленник, как Фриц Тиссен, имел возможность судить о состоянии вооружения Германии. Хотя он мог не знать кое-что из того, что делалось в нескольких от-

traslях немецкой военной индустрии, его утверждениям о качестве немецкого оружия следует доверять. Он говорит, что это качество не равнозначно, и к началу войны не был выполнен ряд экономических условий, необходимых для ровного функционирования немецкой военной машины в случае продолжительного конфликта. Однако первый этап военных действий на Западе продемонстрировал возможности немецкой армии, в особенности экономического характера. И эти возможности были учтены теми политическими группами в Германии, которые считали возможным применить методы, использованные в Польской кампании, к войне против западных демократий. Нет необходимости разъяснять, что война, решающая судьбы миллионов, не должна основываться на таких умозрениях. Однако Адольф Гитлер действительно сумел завоевать Бельгию и Голландию блицкригом и заставил Францию подписать не очень достойный мир, и все это с не до конца оснащенной армией, как, вероятно, вполне обоснованно описал Фриц Тиссен. Эти факты, пожалуй, подтверждают теорию о том, что до сих пор исход войны Гитлера в Западной Европе решался не силой оружия, а скорее беспринципной деятельностью «пятой колонны» и предательскими актами ее союзников в Бельгии, Голландии и Франции.

Глава 3
МЕСТО ДВУХ ГЕРМАНИЙ В ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЕ

Объявляя войну Польше, Гитлер и его советник Иоахим фон Риббентроп не предвидели, что на этот раз Франция и Великобритания примут их вызов. Даже после Польской кампании, до самого последнего момента перед нападением на Запад Гитлер надеялся, что сможет манипулировать обеими союзными державами с помощью дипломатии и пропаганды. Однако, осознав тщетность своих усилий, он поставил все на одну карту. Проигнорировав самые торжественные обязательства,

он вторгся в три нейтральных страны, осуществив самое грозное в истории нападение на две самые могущественные западные державы. Он начал «тотальную войну» со всеми ее страшными последствиями в Западной Европе, включая мой родной Рейнланд.

Я абсолютно убежден в том, что Гитлер проиграет эту войну. Однако отрицающие все общепризнанное нацисты не уклонились от варварского нападения на европейскую цивилизацию в целом. До самого опубликования документов с моим протестом против войны во мне еще теплилась надежда на то, что войну остановят, если не сам Гитлер, то хотя бы те, кто еще не растерял чувство ответственности; остановят на краю пропасти, куда безрассудство нацистского лидера привело целый народ. Но остались ли в Германии люди, думающие о будущем? И если да, то что они могут сделать?

Ответственность за эту тотальную войну, за это нападение на все человеческие и христианские ценности западной цивилизации несут нацистские лидеры, и только они. Именно они рискнули всем будущим Германии. Они заботятся о своих личных интересах, интересах своей партии, своем тираническом господстве, но не о благе страны, правление которой они узурпировали.

И все же я должен признать, что до настоящего момента никому не удалось их удержать. Немецкая армия исполняет их волю.

Что касается меня, то это преступление положило конец всем сомнениям, которые, может быть, у меня еще оставались. Европа не переживет еще одну современную войну. Необходимо сделать все, чтобы отныне война стала невозможной. На карту поставлено будущее человечества, ибо разрушение и уничтожение Западной Европы навсегда иссушит духовные источники, из которых выросла наша цивилизация и к которым она припадает снова и снова.

Основывая империю, Бисмарк сравнивал немецкий народ с всадником: «Посадите его в седло, и он поскачет». Это слова дерзновенного государственного лидера, уве-

ренного в немецком народе. Однако его дерзость сочеталась с расчетливостью и осторожностью. Двадцать лет Бисмарк неустанно следил за своим всадником — показывал ему, как преодолевать препятствия, но в то же время не давал споткнуться и уклониться на опасные тропы. На каждом повороте Бисмарк сознавал трудность обеспечения сносного существования новой империи в европейских рамках. Он никогда бы не воспользовался ницшианским принципом «жить с риском» для политики великого государства. Он принял все меры предосторожности для обеспечения политической стабильности рейха. Он сам написал конституцию. Прусская монархия должна была уравновешивать федеральное государство, но федеральная форма правления ограничивала влияние Пруссии в Германии и вынуждала императора принимать во внимание интересы каждого отдельного государства. В высшем федеральном органе, Имперском совете, голоса правящих князей нескольких государств уравновешивались голосом короля и императора. С другой стороны, рейхстаг, избранный всеобщим голосованием, должен был поддерживать и контролировать центральное правительство через народную волю. Для такой унифицированной и централизованной республики, как Франция, подобный орган кажется слишком громоздким, но он соответствует историческому развитию и разнообразию Германии, Германии, которую дерзкие и успешные интриги Бисмарка объединили в великое современное государство.

В течение двадцати лет новая империя под руководством своего основателя, казалось, оправдывала возложенные на нее надежды. Во внешней политике она осуществила воссоединение с Австро-Венгерской империей, обеспечила дружеские отношения с молодым Итальянским королевством, внушила уважение к своему могуществу только что потерпевшей поражение Франции и в то же время избегала любых провокаций. Одновременно Бисмарк пытался наладить дружбу с Россией. Он избегал союза с Англией в военно-морской и колониальной сфе-

рах. Через двадцать лет он посадил Германию в седло и научил скакать верхом. Германия прогрессировала во всех отраслях, обогатилась за счет своего труда и стала процветать.

Заставив великого министра уйти в отставку вскоре после своего воцарения, Вильгельм II поставил под угрозу все его достижения. Ослепленный пышностью своего имперского величия, вдохновленный собственной властью, он не сумел воспользоваться деликатным конституционным инструментом, созданным Бисмарком. В его царствование прусская система, чуждая тогда западным и южным регионам, распространила свое влияние на всю Германию. Немецкий народ, забыв местные обычаи, присоединился к своему юному императору. Сдержанных скептиков считали старомодными чудаками. Очень скоро немецкий народ, следуя выражению Бисмарка, уже не мог вскарабкаться на собственного жеребца и довольствовался тем, что шел на поводу роскошного царственного всадника в блестящих доспехах и шлеме, не спрашивая, куда его ведут. Конечно, кайзер не замышлял ничего плохого, но, почти как все немцы, плохо разбирался в политике. Различные совершенные им ошибки в один прекрасный день вынудили его применить силу, чтобы спасти лицо. Такая опасность неизменно сопутствует политике, основанной на сохранении престижа. За все свое правление Вильгельм II так и не понял, что политика — дитя разума, а применение силы только доказывает отсутствие оного.

Результатом неудачной политики Вильгельма II стала война 1914 года с ее катастрофическими последствиями не только для Германии, но и для всего мира.

Превыше всего я обвиняю Гитлера в том, что он опять вовлек Германию в войну. Было бы так легко реализовать все его разумные желания методами разумной политики. Он должен был просто жить и давать жить другим. Любой бы согласился с тем, что война 1914 года стала результатом ряда политических ошибок. Однако на этот раз Гитлер грубо отказался рассматривать любое решение, осно-

ванное на трезвой политике, и сознательно вверг Европу в эту новую катастрофу.

Я признаю, что Гитлер в «Майн кампф» возродил безумные надежды пангерманцев. Но даже самые правые круги в Германии никогда не воспринимали столь истеричные идеи всерьез. Гитлер ошибался.

Методы гитлеровского завоевания Польши, как они описаны в официальных документах, доказывают, что то, чему мы стали свидетелями, является возвращением варварства в середине XX века. Если этих доказательств мало, то вспомним нападения на Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию и Люксембург. Осуществляя право сильнейшего, гитлеровская Германия, не сдерживаемая уважением к данному слову и закону, открыто демонстрирует презрение ко всем цивилизованным народам. Перенеся поле боя в Голландию, Бельгию и Францию, немецкая армия, ведомая Гитлером, атаковала старейшие и самые высокоразвитые страны Европы с древнейшими и богатейшими духовными традициями. Все это грозит тотальной войной, и среди прочих жертв — мой родной Рейнланд.

Я твердо убежден в том, что атаки варварских орд на Запад в конце концов будут отражены, однако из этого нового опыта следует сделать вывод. Условия мирного соглашения должны быть такими, чтобы любая новая агрессия на Западе была невозможна. Ни одну из стран, подвергшихся нападению, не обуревали экспансионистские идеи, ни одна из них не угрожала существованию немецкого рейха. В наше время Англия, первая среди равных, уже не прежний колониальный завоеватель, а страна, как и другие страны, защищающая благосостояние свободных людей во всех частях света. Англия совершенно естественно приспособилась к условиям современной жизни и не мечтает злоупотреблять своей индустриальной мощью, терроризируя соседей. Определенно отказалась от идей завоевания Франция. Поведение Гитлера — неувядаемое доказательство того, что любой, кто вынашивает зловещие планы, неизменно подозревает других в собственных грехах.

Распространив войну на запад нападением на маленькие нейтральные страны, беззащитные перед лицом германского колосса, Гитлер открыто опроверг пророчество основателя империи. Немецкий народ не оправдал надежд Бисмарка; не смог укротить своего коня. При Гитлере существование великой Германии снова стало смертельной угрозой жизни свободных народов Европы. Было бы безумием в третий раз затевать столь опасную авантюру.

С какой стороны ни посмотреть, гитлеровский режим, как продемонстрировал самый проницательный аналитик Герман Раушнинг, — не что иное, как нигилизм. За четыре месяца до войны один из личных советников Гитлера, госсекретарь Вильгельм Кепплер, после обеда, данного президентом Рейхсбанка, в моем присутствии сказал: «В наших интересах посеять как можно больше беспорядков в Европе». Как принцип дипломатии, это чудовищно. Лидеры, готовые допустить, чтобы в основе политики великой страны лежал такой принцип, безумцы и преступники; их следует помещать в такие условия, где они не смогут никому причинять вред.

Однако если задуматься о происшедшем, этот гитлеровский принцип применим ко всей дипломатии режима. С момента своего прихода к власти Гитлер пытался посеять раздор и недоверие между всеми европейскими государствами. Четыре года он заигрывал с Польшей, чтобы облегчить задуманное нападение. Долгое время он успешно обманывал Англию и Францию относительно своих истинных намерений. В первые восемь месяцев войны он пытался рассорить обоих союзников. Аннексировав Австрию, он официально успокоил Чехословакию. Получив с помощью шантажа контроль над Судетской областью, он пообещал уважать независимость оставшейся территории Чехословакии. В предвоенные месяцы и после начала войны гитлеровская Германия объявила себя ярым защитником нейтралитета маленьких стран. Дания, Голландия, Бельгия, Люксембург и Швейцария получили неоднократные заверения и официальные обещания. Чтобы еще больше ввести в заблуждение

будущие жертвы, дипломаты рейха обвиняли их в недостаточном соблюдении нейтралитета. Эта вероломная тактика помогла Гитлеру систематично готовиться к агрессии. Он сумел предотвратить создание адекватной линии обороны на западе, что было бы возможно лишь при заключении договора между малыми странами и координации затрат из их скромных средств. Даже смутные планы создания оборонного альянса между Голландией и Бельгией, мелькавшие в разговорах военного командования, нацистские дипломаты считали угрозой рейху!

Мир, который наступит после поражения Гитлера, должен застраховать Европу от возрождения этой нигилистской политики. Страны Западной Европы, большие и малые, имеют право на безопасность. Родившись на берегах Рейна, я считаю, что мой Рейнланд, как часть Западной Европы, должен быть гарантирован от военного или любого другого вторжения. Несмотря на все официальные заверения, Бельгия за последние двадцать пять лет дважды подвергалась нападению, и Франция вторично стала жертвой безжалостной, опустошительной современной войны. Гитлер напал на Францию, невзирая на торжественное обещание, данное министром иностранных дел фон Риббентропом в декабре 1938 года в Париже.

Вскоре после заключения франко-германского договора перед всеми рабочими и служащими заводов Августа Тиссена, отмечавшими двадцатипятилетие работы на предприятиях, основанных моим отцом, я похвалил этот договор в следующих выражениях: «Это день счастья для немецких матерей. Больше не будет войны между Германией и Францией». Все аплодировали. Только несколько делегатов от нацистской партии казались не очень довольными, но они осмотрительно удержались от комментариев. Немцы — мирный народ, но они так и не поняли, что другие народы тоже хотят жить в мире. Пропаганда заставила их поверить, что Франция и Англия планируют напасть на Германию.

Как показано выше, гитлеровский режим попытался внедрить свой нигилизм в души и совесть людей. Глу-

бокая пропасть снова разверзлась между истинной Германией Запада, где «Культуркампф» Бисмарка (его огромную и, возможно, единственную ошибку) никогда полностью не забыли и не простили, и пронизанной воинственным прусским духом Германией Востока. Покушение на свободу вероисповедания и попытка разрушить христианство — формы тотальной войны в духовной сфере. Гитлер хочет уничтожить душу. В настоящий момент католики Запада не могут восстать, но они никогда не забудут поругания своей религии, своих священников и своих самых святых чувств, в особенности во времена скандальных преследований за надуманные преступления перед нравственностью, в которых обвинили католическое духовенство. Никогда не будут наведены мосты через бездну между двумя Германиями.

Необходимо спасти истинную Германию, Германию Запада. Она не должна потерять своей роли в цивилизации, в которую веками вносила огромный вклад и которую неизмеримо обогатит в грядущие годы. Необходимо гарантировать западным немцам основные права, составляющие наследие всех западных народов, и прежде всего свободу вероисповедания. Они должны иметь возможность защищать себя от новой иноземной тирании. Охрана Европы от войны и гарантия свободы вероисповедания — вот две великие нравственные идеи, которые должны стать базисом справедливого и стабильного будущего мира.

Новый статус Германии будет не просто откатом к прошлому; он не будет означать возврат к некоей германской федерации или Священной Римской империи, состоящей из крохотных княжеств. Для независимости современному государству требуется определенная территория. После «Культуркампф» Бисмарка и антикатолических эксцессов нацистов, поддерживавших прусский порядок, я вижу лишь одно решение и одну гарантию против подобных злоупотреблений, а именно католическая Германия должна быть католической монархией.

Возврат к монархической системе не стал бы попыткой возродить респектабельную историческую традицию.

В период между последней войной и нынешней немецкий народ доказал, что не в состоянии приспособиться к демократическим атрибутам; он не умеет ими пользоваться. Принятая после длинного ряда ошибок Веймарская конституция, модель такого рода, вымостила дорогу авторитарному правительству, которое, в свою очередь, привело к диктатуре. Нельзя забывать, что именно канцлер Брюнинг применил известную статью 48 Веймарской конституции и против своей воли два года правил вразрез с духом той же конституции, более невыполнимой[1]. Возврат к монархии исключил бы необходимость прибегать к таким уловкам в будущем. Возьмем, к примеру, Бельгию. Последние несколько лет этой стране пришлось преодолевать серьезные внутренние трудности. Где была бы Бельгия сейчас без власти короля, олицетворяющего страну и стоящего превыше партий?

Более того, восстановление двух германских монархий, одной на Западе и другой на Востоке, позволило бы каждому из обоих таким образом учрежденных государств развивать собственную политическую «индивидуальность». Западная Германия, столь богатая историческими традициями и столь современная по духу, совершенно естественно вернулась бы к традициям старой Германии в рамках христианства. Лежащая восточнее Пруссия смогла бы снова обрести свой особый характер колониальной территории, установленный бранденбургскими курфюрстами и их преемниками, королями Пруссии. Кто знает? Может быть, освободившись от прежней жажды завоеваний, эта страна смогла бы оказать полезное и пацифистское влияние в Восточной Европе.

В этом предположении нет ничего утопического; оно согласуется с нуждами Европы и нынешними реалиями Германии. Разница между двумя германскими регионами, которые я только что описал, недостаточно сознает-

---

[1] Статья 48 Веймарской конституции обеспечивала всю исполнительную власть на чрезвычайный период, объявляемый президентом. В такие чрезвычайные периоды правительство могло издавать декреты, впоследствии ратифицируемые рейхстагом. (*Примеч. авт.*)

ся за границей. Единение, достигнутое Бисмарком, было актом преднамеренно примененной силы, хотя и одобренным в конце концов народами обеих стран. Вымышленная окончательная унификация Германии, которой Гитлер хвастает как личным достижением, является, как и все действия режима, всего лишь мошенничеством. Старые германские государства в теории исчезли, но на деле они сменились партийными сатрапиями. Гаулейтеры обладают большей властью в своих районах, чем их предшественники, царствующие князья. Оттого, что Австрию называют Остмарк (Восточной маркой)[1], страна не потеряла своей политической и региональной индивидуальности, а тот факт, что название Баварии «официально» упразднено, не означает исчезновения Баварии.

Однако действительно новым в нынешней Германии является внутренний протест католиков против религиозных преследований. В XVI веке после Реформации Германию раздирали религиозные войны. Это в конце концов привело к государственному строю, характеризующемуся терпимостью и определенной свободой вероисповедания. Современная форма нетерпимости, созданная национал-социалистами с их посягательствами на свободу совести и вероисповедания, абсолютно противоречит немецкому духу и немецкой исторической традиции. Даже в Пруссии XVIII века Фридрих Великий имел обыкновение приговаривать: «Jeder soll nach seiner Fasson selig warden» («Каждому человеку — свое собственное царство небесное»).

Розенберг, великий «интеллектуал» национал-социализма, — русский импорт. В нем нет ни капли немецкой крови. Именно ему и его приверженцам Германия обязана методами «союзов безбожников» — методами большевистской России.

У национал-социализма есть еще одна сторона, вскрывающая различие между двумя Германиями. Абсолютизм лидеров, их настойчивое требование пассивной

---

[1] М а р к а — пограничная или спорная полоса. (*Примеч. пер.*)

покорности и подобострастия от подчиненных — даже на самых высоких постах — совершенно чужды Германии Запада. В прежние времена рейнландский карнавал с его веселым неуважением к высокопоставленным персонам, собственными способами корректировал слишком восточный менталитет некоторых прусских чиновников. Счастливый смех рейнландцев подавлял тиранию режима или, в лучшем случае, служил официальной политике. Эти западные немцы возмущаются подавлением всех человеческих прав — свободы вероисповедания и свободы выражения мнения — как оскорблением собственного достоинства. Тлеет мятеж, готовый разгореться в пламя. С другой стороны, создается впечатление, что население Восточной Германии приспособилось гораздо легче. Насаждение прусской военной дисциплины во всех сферах жизни — «Parieren, nicht rasonnieren!» («Повинуйся, не рассуждай!») — принято совершенно естественно, как необходимое условие претворения в жизнь великих планов завоевания.

«Фюрер всегда прав» — осовремененная форма «Повинуйся, не рассуждай!». Является ли подобострастие, примеры коего уже приводились на этих страницах, чертой славянского характера? Я склонен в это верить, ибо оно точно не свойственно европейцам. Никогда в Западной Европе, даже до Французской революции, не существовало такого презрения к отдельному человеку.

Суть вопроса не в разделении Германии на две части или принудительном создании двух Германий. Просто снова необходимо вспомнить о границе между Европой Запада и Европой Востока — границе, которую Германия пыталась уничтожить в течение почти целого столетия. Истинную Германию с ее западными традициями следует отделить от Пруссии, принадлежащей Востоку.

Одним немцам с этой проблемой не справиться, и не им одним ее решать. Война — преступление, за которым непременно последует наказание, но чисто военное решение проблемы безопасности в конечном итоге окажется столь же сомнительным после этой войны, как и

после предыдущей. Державы-победительницы не могут беспредельно оккупировать иностранную территорию. Общественное мнение в демократических странах будет развиваться, как и после предыдущей войны. В 1914 году Англия прибегла к войне ради уничтожения военно-морской мощи Германии. Двадцать лет спустя Англия одобрила возрождение немецкого военного флота и в 1935 году заключила с Гитлером военно-морской договор. Даже Франция в конце концов примирилась с ремилитаризацией[1] Рейнланда и восстановлением обязательной военной службы в Германии. Таким образом, победителям неразумно рассчитывать на нынешнее чувство самосохранения, поскольку даже Гитлеру удалось его убаюкать. Что требуется сделать, так это разработать действительно эффективную самообеспечивающуюся систему.

Более того, предложенное отделение Германии от Пруссии следует проводить в соответствии с новым политическим духом. В нынешней Европе нет места спорам по вопросам господства. Вестфальские договора устарели. Содержание военных гарнизонов на чужой земле уже пятьдесят лет как не соответствует времени. Вера в то, что великую страну можно долгое время держать в беспомощном состоянии, — опасная иллюзия. Страшный час отрезвления, только что пробивший для Европы, ясно доказывает, что Версальский договор устарел. Сегодня следует убрать все препятствия к будущему основанию Соединенных Штатов Европы.

Экономическое поле может оказаться самым плодородным для новых решений. Разумная экономика, позволяющая всем народам Европы жить и процветать, представляет для них больший интерес, чем амбиции диктаторов, которые сначала разрушают свою страну чрезмерным вооружением, а в конце подвергают страданиям все народы, включая свой собственный.

---

[1] Р е м и л и т а р и з а ц и я — восстановление вооруженных сил и военного потенциала ранее разоруженного — демилитаризованного — государства. (*Примеч. пер.*)

Приложение

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ ОБ ОСНОВНЫХ ПЕРСОНАЖАХ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ЭТОЙ КНИГЕ

ОТТО БРАУН. Перед мировой войной он был секретарем социал-демократической партии. После революции стал министром сельского хозяйства в прусском правительстве. В 1920 году был назначен премьер-министром Пруссии и оставался на этом посту с короткими интервалами до 20 июня 1932 года. Смещен с поста государственным переворотом фон Папена. Уехал в Швейцарию в день всеобщих выборов, 5 марта 1933 года. Обладал многими достоинствами, честно служил социал-демократической партии.

ГРАФ БРОКДОРФ-РАНЦАУ. Отпрыск старинной аристократической семьи, во время Первой мировой войны был немецким посланником в Дании. Государственный деятель с либеральными взглядами; поддерживал дружеские отношения с социал-демократической партией Германии. После немецкой революции канцлер Шейдеман назначил его министром иностранных дел. В 1919 году, после тщетных попыток добиться согласия союзников на допуск Германии к мирным переговорам в Париже, он отказался подписать Версальский договор. После подписания Рапалльского договора между Германией и Советской Россией был назначен немецким послом в Москву, где через несколько лет скончался.

ГЕНРИХ БРЮНИНГ. Как член католический партии «Центр», Брюнинг был близок к католическому рабочему движению. С 1921 по 1930 год был исполнительным президентом немецкого Gewerkschaftsbund — центральной организации католических профсоюзов. В рейхстаге ему доверяли ежегодные отчеты о бюжете. В 1930 году был избран председателем католической партии. 31 марта того же года президент Гинденбург

поручил ему сформировать новый кабинет министров. Несомненно, Брюнинг принял пост в самое трудное время, когда безработица достигла пика, когда немецкие банки объявили о невозможности выполнять обязательства перед иностранными кредиторами и когда национал-социалисты угрожали спокойствию в стране. Он считал, что в данных обстоятельствах можно управлять страной лишь с помощью чрезвычайных декретов, ограничивая власть рейхстага. Свою политику он обосновывал положениями конституции (статья 48) на чрезвычайный период. Таким образом он невольно создал прецедент для Гитлера и дал ему возможность ликвидировать парламент, не нарушая конституцию. В 1932 году президент Гинденбург в результате интриг Папена несколькими резкими словами предложил ему уйти в отставку.

ДОКТОР ГЕНРИХ КЛАСС. До 1919 года был юристом в Майнце и председателем Пангерманского союза. Под влиянием Класса союз проводил еще более радикальную националистическую политику, оказывая воздействие на политический курс имперского правительства, особенно в период марокканских кризисов 1908 и 1911 годов. В 1913 году под псевдонимом Даниэль Фрайман опубликовал книгу «Если бы я был императором. Политическая правда и необходимость». Удивительно, что многие из предложений Класса были почти дословно включены в программу национал-социалистической партии и детально выполнялись Адольфом Гитлером.

ВИЛЬГЕЛЬМ КУНО. При кайзере Вильгельме II был тайным советником в казначействе рейха. Альберт Баллин — основатель и генеральный директор немецкой судоходной компании ГАПАГ («Гамбург—Америка—Линие»), назначил его директором этой компании, а после самоубийства Баллина в 1918 году Куно стал его преемником и, заняв этот пост, присутствовал на Женевской конференции в качестве экономического советника немецкой делегации. Куно был членом Немецкой народной партии до капповского путча 1920 года; а затем из партии вышел. В 1922 году президент Эберт назначил его рейхсканцлером вместо Вирта. Его правительство не продемонстрировало дипломатических талантов на переговорах с союзными державами по вопросу военных репараций. Вследствие этого в 1922 году Репарационная комиссия, опираясь на условия Версальского договора, объявила в Германии дефолт. Это решение привело к оккупации промышленных районов Рура французскими и бельгийскими войсками. Куно умер 1 января 1933 года.

МАЙОР ДЮСТЕРБЕРГ. Во время мировой войны он входил в немецкий Генеральный штаб. Близкий друг генерала Людендорфа. После поражения Германии организовал союз немецких ветеранов мировой войны — Stahlhelm («Стальной шлем»). В последующие годы националистическая организация «Стальной шлем» играла важную роль. На президентских выборах 1932 года Дюстерберг потерпел сокрушительное поражение. Когда Гитлер стал канцлером рейха, Дюстербергу пришлось уйти в отставку с поста председателя «Стального шлема» из-за своего отчасти еврейского происхождения.

ФРИДРИХ ЭБЕРТ. Помощник шорника и позже профсоюзный чиновник в Бремене. Вскоре Эберт добился высокого положения, как в немецком профсоюзном движении, так и в социал-демократической партии. После смерти Августа Бебеля ему удалось стать председателем социал-демократической партии. После начала революции 1918 года князь Макс Баденский, в то время рейхсканцлер, передал ему государственную власть. С объявлением Германской республики Эберт стал президентом временного правительства народных уполномоченных. Это правительство, куда входили по три представителя от каждого из двух крыльев социал-демократической партии, оставалось у власти до созыва Германского учредительного собрания. Учредительное собрание избрало Эберта президентом Германской республики, и на этом посту он оставался до своей смерти в 1925 году. В последние годы своей жизни Эберт неоднократно подвергался злобным нападкам со стороны националистических элементов, обвинявших его в том, что в 1917 году он подстрекал к забастовке рабочих немецких военных заводов и тем самым внес свой вклад в поражение Германии.

КАПИТАН ЭРХАРДТ. Эрхардт был руководителем одного из самых активных немецких фрайкоров — одной из многочисленных нелегальных военных организаций, создававшихся по всей Германии между 1918 и 1921 годами, чтобы обойти условия Версальского договора по разоружению.

МАТТИАС ЭРЦБЕРГЕР. Перед Первой мировой войной Эрцбергер представлял в рейхстаге католическую партию «Центр». Во время войны несколько раз ездил за границу с целью подготовки возможных мирных переговоров. В 1917 году сыграл важную роль в вынесении рейхстагом резолюции об обращении с просьбой к папе римскому выступить посредником на мирных переговорах. Это и его жесткая критика финансовой

политики имперского правительства навлекли на него ненависть националистических групп. После поражения Германии правительство послало его на переговоры по заключению перемирия с маршалом Фошем в Компьенском лесу, где ему пришлось подписать условия, продиктованные победителями-союзниками. Это не только сделало Эрцбергера еще более непопулярным среди националистов, но означало также, что республиканское правительство совершило ошибку, возложив на себя ответственность за поражение в войне. Эрцбергера обвинили в том, что он продал Германию ее врагам. Доктор Хельферих, бывший имперский секретарь государства, даже обвинил Эрцбергера в коррупции. В 1920 году, вскоре после отставки с поста министра финансов, Эрцбергер был застрелен несколькими молодыми националистами в Вюртемберге, куда отправился на короткий отдых.

ВАЛЬТЕР ФУНК. Функ был редактором экономического отдела «Берлинер борзенцайтунг», ежедневника, считавшегося политическим органом военного министерства. Главная обязанность Функа состояла в поддержании отношений газеты с высшими финансовыми и промышленными кругами. Он был официальным экономическим советником нацистской партии задолго до прихода Гитлера к власти. В 1938 году этот весьма средненький журналист стал преемником доктора Ялмара Шахта на посту министра экономики, а в 1939 году — на посту президента Рейхсбанка.

ЙОГАНН ГИСБЕРТС. Член католических профсоюзов; в 1919—1922 годах генеральный секретарь немецких католических профсоюзов. Занимая этот пост, оказывал большое влияние на политику католический партии «Центр» в рейхстаге, депутатом которого был давно. Он считался одним из главных представителей левого, социалистически настроенного крыла партии и постоянно пытался наладить хорошие отношения между своей партией и социал-демократами. В нескольких правительствах занимал пост министра почтовой связи. После захвата власти Гитлером штурмовики арестовали Гисбертса и с триумфом протащили по улицам. Некоторое время его продержали в концентрационном лагере, откуда после ужасных унижений в конце концов освободили.

ВИЛЬГЕЛЬМ ГРЕНЕР. Гренер отличился в Первой мировой войне, руководя, как начальник транспортного отдела немецкого верховного командования, организацией военных же-

лезнодорожных перевозок. Некоторое время он был начальником военного ведомства — должность, близкая к министру вооружений. Будучи по духу демократом, Гренер в сотрудничестве с лидерами немецких профсоюзов и социал-демократической партии успешно выполнял свои задачи. Он сменил Людендорфа на посту 1-го генерал-квартирмейстера и, по существу, начальника Генштаба. Он был одним из генералов, советовавших императору отречься от престола. После поражения Германии нес ответственность за соблюдение порядка в возвращавшихся на родину немецких армиях. В кабинете Брюнинга Гренер стал министром обороны, а впоследствии еще и министром внутренних дел. Как министр внутренних дел, он запретил ношение «политических» униформ; эта мера была нацелена против нацистских организаций СА и СС. Вскоре после этого он лишился своих постов благодаря интригам генерала фон Шлейхера, своего бывшего подчиненного в министерстве обороны.

МАКС ХЁЛЬЦ. Коммунистический агитатор Макс Хёльц сыграл важную роль в рабочем восстании 1921 года, организованном им в Центральной Германии, в частности в Тюрингии. Восстание было главным образом ответом на националистический мятеж, бесславно закончившийся капповским путчем. Хёльц, идеалист-авантюрист, недолго наслаждался романтической репутацией. Армия подавила мятеж. Хёльца поймали и приговорили к пожизненному заключению. Освободившись по амнистии республиканского правительства, он уехал в Россию. Его дальнейшая судьба неизвестна.

АЛЬФРЕД ГУГЕНБЕРГ. Распрощавшись с юношескими мечтами о литературной деятельности, Гугенберг поступил на прусскую государственную службу, стал сторонником реакционных политических тенденций и женился на дочери влиятельного бургомистра Франкфурта-на-Майне, Адикса. Женитьба благоприятно сказалась на его карьере; он стал тайным советником и оказал существенную помощь Прусскому королевству, когда правительство конфисковало собственность поляков, проживавших в прусской провинции Позен. Благодаря своему успеху в этом деле он стал одним из самых выдающихся лидеров антипольского движения в Германии. В Первую мировую войну господин Крупп фон Болен унд Гальбах назначил его исполнительным директором военных заводов Круппа. После поражения Германии Гугенберг вступил в Немецкую национальную народную партию, реорганизованную партию прусских юнкеров. Через его руки проходили средства, собиравши-

еся немецкими промышленниками для борьбы с немецкой республикой. Более того, он основал рекламную фирму АЛА, которая постепенно стала полностью контролировать распределение промышленной рекламы, как в немецких, так и в зарубежных газетах; он создал ряд информационных агентств, которые дешево продавали новости и редакционные статьи нищей в то время национал-социалистической прессе. Постепенно он встал во главе ряда газет, которые скупил в период инфляции, и придал им национал-социалистическое направление. Он оказывал сильное влияние на немецкое издательство Августа Шерля и практически был владельцем крупнейшей германской киностудии УФА. Став единоличным руководителем Немецкой национальной народной партии, он в 1932 году заключил официальный союз с национал-социалистами. Уверившись в незыблемости позиций, как собственной, так и своей партии, и положившись на обещание Гитлера отдать ему посты министров экономики и сельского хозяйства, он стал одним из активнейших сторонников прихода Гитлера к власти. В действительности Гитлер пообещал президенту фон Гинденбургу не менять курс кабинета министров в течение следующих четырех лет без согласия Гугенберга, но «сдержал» обещание в своей обычной манере и 27 июня 1933 года вынудил Гугенберга отказаться от всех его постов. Партия Гугенберга наряду со всеми другими была объявлена вне закона. Оставаясь официально депутатом рейхстага, Гугенберг сегодня является одним из многочисленных молчаливых и разочарованных стариков, которые сделали Гитлера тем, что он есть.

ДОКТОР ВОЛЬФГАНГ КАПП. Будучи директором Сельскохозяйственного закладного банка в Кенигсберге, Капп во время мировой войны основал немецкую патриотическую партию, в чью программу входила борьба с любыми попытками заключения мира и требование обширных территориальных аннексий во Франции, Бельгии и России. Под псевдонимом он опубликовал свое мнение в агрессивном памфлете. После объявления Германской республики Капп вступил в тайный сговор со всеми доступными националистическими группами и в марте 1920 года объявил о свержении коалиционного правительства, провозгласил себя канцлером рейха и сформировал собственное правительство. Однако через несколько дней этот переворот, получивший название капповского путча, провалился, поскольку высшие государственные чиновники отказались сотрудничать с незаконным «правительством», а рабочие по всей Германии объявили всеобщую забастовку. Законное, кон-

ституционное правительство под руководством Густава Бауэра вернулось в Берлин из Штутгарта, куда бежало от заговорщиков, и снова возглавило Германию.

РОБЕРТ ЛЕЙ. Лей — заведующий организационным отделом НСДАП и руководитель Германского трудового фронта, в который вынудили вступить всех немецких рабочих. Когда он был делегатом международной рабочей конференции в Женеве, «прославился» сильным пристрастием к алкоголю. Некогда издатель кельнской желтой газетенки, теперь он пользуется неограниченной властью. Германский трудовой фронт насчитывает двадцать миллионов рабочих, чьи ежегодные взносы используются для финансирования различных предприятий. Одна из самых прибыльных инициатив Лея — «народный автомобиль» — детально описана в этой книге. От Трудового фронта зависит также организация «Сила через радость», предоставляющая своим членам дешевые поездки на праздники и выходные дни, посещение театров и концертов по сниженным ценам и дешевые круизы на пароходах, построенных специально для этих целей, но ныне использующихся военным флотом для перевозки войск.

ЭРИХ ЛЮДЕНДОРФ. Считавшийся еще до мировой войны одним из лучших немецких генералов, Людендорф продемонстрировал свой военный талант взятием бельгийской крепости Льеж. Поскольку он был начальником штаба фельдмаршала Гинденбурга, считается, что он выиграл сражение на Мазурских озерах на русском фронте. Когда в 1916 году Гинденбурга назначили верховным командующим, Людендорф последовал за ним. Военные эксперты сильно расходятся в оценке операций Людендорфа на Западном фронте. Когда провалилось последнее наступление Гинденбурга в 1918 году, Людендорф настоял на том, чтобы правительство князя Макса Баденского попросило врага о перемирии. Опасаясь, что после установления Германской республики события примут другой оборот и придется отвечать за свои действия перед военным трибуналом, Людендорф, изменив внешний вид, бежал в Швецию. Однако он убедился в необоснованности своих опасений и вскоре вернулся в Германию, где поначалу вел себя тихо, занимаясь написанием мемуаров. Переехав в Мюнхен, он вернулся к общественной деятельности: присоединился к заговору Каппа, собирал средства для Гитлера и участвовал в гитлеровском путче 1923 года. Обвинения в государственной измене с него сняли, но, видимо, тогда у него проявились признаки душевной болезни.

Вскоре он полностью попал под влияние своей второй жены Матильды Людендорф, которая хоть и была специалистом по душевным расстройствам, основала новую «арианскую» религию, названную ею «Источником немецкой силы». Людендорф стал ее проповедником и таким образом потерял большинство своих прежних друзей. Гитлер, с которым он также рассорился, неоднократно предлагал ему командование над немецкими армиями, но он неизменно отказывался.

ГЕРМАН МЮЛЛЕР. Мюллер начинал свою карьеру коммивояжером, но вскоре стал редактором социал-демократической газеты, а позднее штатным чиновником партии. Он был министром иностранных дел в недолговечном правительстве Густава Бауэра с июня 1919 года по март 1920 года и в числе тех, кто подписал Версальский договор, и вместе со Штреземаном пытался установить дружеские отношения со странами-победительницами, а также смягчить условия договора. Однако, когда он в 1928 году возглавил немецкую делегацию на заседании Лиги Наций на время первой болезни Штреземана, его недипломатичность вызвала серьезное напряжение между ним и Брианом и Остином Чемберленом, которое позже пришлось снимать Штреземану. Мюллера в 1930 году сменил Герман Брюнинг. Умер Мюллер некоторое время спустя.

ГУСТАВ НОСКЕ. В течение многих лет Носке был редактором «Фольксштимме» в саксонском Хемнице, скромной социал-демократической газеты. Став депутатом рейхстага, он во время Первой мировой войны критиковал верховное командование, и на гребне этой критики республиканское правительство после революции назначило его военным министром. На этом посту Носке резко выступал против радикальных социалистов и коммунистов, чем завоевал ненависть и тех и других. С другой стороны, он все больше подпадал под влияние реакционных офицеров, окружавших его в военном министерстве. Ему довелось разочароваться в верности этих людей, восставших против республики в капповском путче. Когда после путча демократическое правительство вернулось в Берлин, Носке вынужден был уйти в отставку.

КАРЛ РАДЕК. Этот польский социал-демократ эмигрировал в Германию перед Первой мировой войной. В Германии он сотрудничал в нескольких социал-демократических газетах. Во время войны он отправился в Швейцарию, где сдружился с Лениным и в 1917 году уехал с ним в Россию. После поражения

Германии советское правительство послало Радека в Германию русским эмиссаром. Вернувшись в Россию, Радек успешно занимался журналистикой. В период советских чисток 1937 года его приговорили к десятилетнему тюремному заключению.

ЭРИХ РЕДЕР. Морской офицер с большим опытом, в 1928 году Редер был произведен в адмиралы и назначен начальником германского военного флота. В 1935 году Гитлер вновь утвердил его на этом посту и в 1939 году произвел в гросс-адмиралы. С 1938 года Редер входил в гитлеровский тайный правительственный совет.

ГЕРМАН РАУШНИНГ. Много лет Раушнинг был одним из самых молодых доверенных лиц Гитлера. В конце концов Гитлер назначил его президентом сената свободного города Данцига. После многолетнего — несмотря на все ее преступления — членства в национал-социалистической партии Раушнинг неожиданно бежал из Германии и попытался оправдать свою перемену взглядов в нескольких книгах. Особый интерес представляет его книга «Голос разрушения», поскольку в ней приводятся беседы с Гитлером, до начала войны казавшиеся надуманными и не совсем достоверными, но теперь подтвержденные событиями в Бельгии, Голландии и Франции.

ЭРНСТ РЁМ. В начале восхождения Гитлера к власти Рём, офицер бывшей имперской армии, помогал финансировать национал-социалистическую партию, пользуясь казной немецкой армии. Проведя несколько лет в республике Боливия, где он занимался реорганизацией армии, Рём вернулся в Германию и стал ближайшим другом Гитлера. Вдохновленный более жестокими методами южноамериканских революционеров, он реорганизовал отряды СА для грядущей внутренней борьбы в Германии. После захвата власти Гитлером Рём расширил сферу деятельности СА, чему воспротивился рейхсвер: офицеры обвинили Рёма в том, что он планирует поставить СА выше регулярной армии. Таинственные события открыли Гитлеру глаза — наверняка не без влияния армейских кругов — на опасность настроений, царивших среди штурмовиков. 30 июня 1934 года Гитлер спешно выехал в Мюнхен, где ему «сказали», что Рём готовит восстание. Адольф Гитлер предательски убил своего друга. Известно, какие ужасы последовали за этим убийством; множество преданных национал-социалистов поплатились своими жизнями только потому, что у кого-то из их партийных товарищей зародились смутные подозрения или простая зависть.

ДОКТОР ЯЛМАР ШАХТ. Шахт изучал национальную экономику в Берлинском университете, затем быстро сделал карьеру в банковской сфере и, несмотря на молодость, был назначен директором Национального банка Германии, впоследствии слившегося с Дармштадтским банком. Во время Первой мировой войны он занимал важный пост в немецкой банковской администрации в оккупированной Бельгии. После войны он был одним из основателей демократической партии и одним из самых ярых сторонников демократии. Сразу после инфляционного периода рейхстаг доверил ему контроль за немецкой валютой. Когда немецкий Рейхсбанк благодаря плану Дауэса был возрожден как сильный Имперский банк Германии, Шахт стал его президентом, несмотря на оппозицию высших финансовых кругов и совета директоров Рейхсбанка. Несколько лет спустя Шахт совершенно неожиданно вышел из рядов демократической партии, объяснив это своим несогласием с решением партии отказать бывшим правящим немецким князьям в компенсации за оставленные в Германии средства и тем, что, как президент Рейхсбанка, он не может отвечать перед иностранными правительствами за объявленную партией конфискацию частной собственности. В 1928 году немецкое правительство послало Шахта экспертом в Париж для участия в заседании по облегчению бремени репарационных обязательств Германии. Шахт был настроен столь воинственно, что чуть не сорвал конференцию. После того как немецкое правительство приняло план Янга, Шахт подал в отставку с поста президента Рейхсбанка, но был вновь назначен на этот пост Гитлером в 1933 году. В 1934 году ему доверили министерство экономики. Именно он изобрел хитроумные методы, позволившие нацистскому режиму увеличить масштабы инфляции незаметно для немецкого народа. Шахт ушел с поста министра экономики в ноябре 1937 года и с поста президента Рейхсбанка в январе 1939 года. Предположительно, эта отставка была вызвана его конфронтацией с маршалом Герингом, который в то время уже руководил всей немецкой экономикой. Тем не менее доктор Шахт до сих пор служит немецкому правительству, в чьих интересах несколько раз ездил за границу.

ШЛАГЕТЕР. Этот молодой человек играл активную роль в нескольких немецких фрайкорах (см. Эрхардт). Во время оккупации Рура французские власти обвинили его в саботаже и расстреляли. С тех пор социал-националисты чтят его, как одного из своих национальных святых.

ДОКТОР КУРТ ШМИДТ. Короткое время он занимал пост министра экономики в национал-социалистическом правительстве; ушел в отставку потому, что не желал нести ответственность за политические и экономические приказы, которые партийные чиновники отдавали министерствам при нацистском режиме. После отставки вернулся на свой прежний пост генерального директора в крупной немецкой страховой компании.

ХУГО ШТИННЕС. Заметная фигура в угольной и металлургической промышленности Рурского региона. В Первую мировую войну не только получал огромные заказы от армии, но и оказывал большое влияние на генерала фон Людендорфа. Особенно интересовался планом аннексии бельгийского промышленного региона Кемпен. После поражения Германии Штиннес вступил в Немецкую народную партию и резко выступал против ее основателя Штреземана. Убедившись, что немецкое правительство не собирается останавливать инфляцию, продолжая печатать новые банкноты, решил крупномасштабно поддержать немецкую валюту и скупил все предприятия, какие только мог. В конце концов в его собственности оказались не только его бывшие угольные шахты и металлургические заводы, но и ряд предприятий — от бумажных фабрик до нефтеперегонных заводов и киностудий. Более того, он приобрел «Дойче альгемайне цайтунг», влиятельную берлинскую ежедневную газету. После стабилизации немецкой валюты на функционирование всех своих предприятий ему не хватило капитала. Из затруднительной ситуации его выручила неожиданная смерть, решение проблемы он оставил своим сыновьям. Им не удалось одолжить необходимые средства у разных банкиров, и колоссальный концерн Штиннеса рухнул.

ГРЕГОР ШТРАССЕР. Уроженец Баварии Грегор Штрассер обосновался в Мюнхене и содержал там аптеку. Он присоединился к национал-социалистическому движению на его раннем этапе и стал одним из ближайших сподвижников Гитлера. В 1932 году у него возникли разногласия с Гитлером, поскольку он не одобрял намерения Гитлера захватить власть, не считаясь с другими партиями. Штрассер начал переговоры с генералом Штрейхером, надеясь войти в правительство Шлейхера и дать возможность генералу создать правительство, поддерживаемое всеми немецкими трудящимися. Штрассер рассчитывал на раскол национал-социалистической партии, однако Гитлеру удалось изолировать его, и впоследствии он отомстил

Штрассеру (тем временем ставшему управляющим большим химическим концерном), приказав убить его в ночь 30 июня 1934 года.

ЮЛИУС ШТРЕЙХЕР. Имя Юлиуса Штрейхера ассоциируется со «Штюрмером», нюрнбергским еженедельником, основанным в 1922 году и известным своим антисемитским и порнографическим направлением. Штрейхер также нападал на всех, кого подозревал в республиканских симпатиях. Еще до прихода нацистов к власти суд не раз предъявлял ему обвинения и выносил приговор. Однако это не помешало Штрейхеру, как одному из ближайших друзей Гитлера, получить абсолютную власть над баварской провинцией Франкония. «Царь Франконии» до сих пор издает свое кровожадное детище, официально поддерживаемое правительством, и является руководителем немецкой политики погромов. Его еженедельник, естественно, широко распространяется в странах, оккупированных Германией.

ДОКТОР ГУСТАВ ШТРЕЗЕМАН. Штреземан был членом национал-либеральной партии, которую представлял в рейхстаге до Первой мировой войны. Во время войны он был сторонником неограниченных действий подводного флота. В последний военный год он изменил свое мнение, требовал политических реформ и боролся с реакционными прусскими юнкерами. После поражения Германии основатели новой демократической партии не простили ему прежних настроений и отказались предоставить руководящий пост в своей партии. Это вынудило его основать Немецкую народную партию. Когда оккупация Рура вызвала полный коллапс немецких финансов и экономики, Штреземана призвали сформировать новое правительство, что он и сделал на основе партийной коалиции. Внешняя политика Штреземана привела к соглашениям Дауэса, Локарнской конференции в 1925 году и приему Германии в Совет Лиги Наций в 1926 году. Он подружился с Остином Чемберленом и особенно с Аристидом Брианом; эта дружба закончилась лишь с его смертью. Сделав для Германии больше, чем кто бы то ни было другой, испытывая противодействие своему курсу даже со стороны членов собственной партии, он серьезно заболел и умер осенью 1929 года.

АЛЬБЕРТ ФЁГЛЕР. Еще в имперской Германии Фёглер был одним из самых влиятельных директоров в промышленном регионе Рура. Затем он стал генеральным директором концерна

«Объединенные сталелитейные заводы», самого мощного и крупного промышленного предприятия в Германии, президентом которого был Фриц Тиссен. После революции, последовавшей за Первой мировой войной, он был избран в рейхстаг от консервативной Немецкой народной партии и стал членом экономического совета рейха. Он всегда поддерживал любые группировки, выступавшие против республиканских правительств. Тем не менее правительство послало его в Париж вместе с доктором Шахтом на предварительные переговоры по плану Янга. Пока еще шли обсуждения, он вдруг вернулся в Германию посоветоваться с друзьями, рурскими промышленниками, и отказался от мандата по той причине, что ему не понравились парижские предложения. В последующих обсуждениях плана Янга в рейхстаге он был лидером националистической оппозиции, отказавшейся принять этот план.

ГУСТАВ ФОН КАР. Он был лидером баварского движения федералистской независимости, намеревавшегося возвести на баварский трон кронпринца Рупрехта Баварского. Будучи назначенным комиссаром баварского государства в 1922 году, он поощрял зарождавшееся тогда в Мюнхене национал-социалистическое движение. Когда 9 ноября 1923 года Гитлер в компании с Людендорфом провозгласил в мюнхенской пивной («Бюргербрау») свое собственное правительство, он был уверен, что Кар на его стороне. Однако в ту же самую ночь Кар осознал опасность и бесполезность нового движения и приказал полиции стрелять в национал-социалистов, которые с Гитлером и Людендорфом во главе торжественно маршировали к мюнхенскому пантеону военных героев Фельдхернхалле. После неудавшегося переворота Гитлера обвинили в государственной измене и приговорили к тюремному заключению в крепости Ландсберг. Гитлер отомстил, приказав убить Кара вскоре после своего прихода к власти.

ФРАНЦ ФОН ПАПЕН. Как германский военный атташе в Вашингтоне во время мировой войны, Папен несет большую долю ответственности за отвратительные акты саботажа на территории США, вынудившие Америку вступить в войну. После окончания войны Папен получил большое состояние, женившись на дочери богатого промышленника из Саарской области. Он был членом прусского парламента, а когда в 1932 году, благодаря его и генерала Шлейхера интригам, пал кабинет их товарища по партии Брюнинга, Папен стал рейхсканцлером. Оказавшись на этом посту, он не только попытался ввести в Герма-

нии диктатуру, но и устроил переворот в Пруссии, сместив всех членов прусского правительства. За короткий срок своего правления Папен добился больших успехов во внешней политике, ибо на конференции в Лозанне добился согласия союзников на прекращение выплат Германией репараций после окончательного платежа в один миллиард рейхсмарок наличными. Правительство Папена потерпело сокрушительное поражение на выборах в рейхстаг, и его сменило правительство генерала Шлейхера. Несколько месяцев спустя Папен отомстил, спровоцировав падение Шлейхера, преемником которого стал Адольф Гитлер. 30 июня 1934 года, когда были убиты Рём и многие другие, вооруженные солдаты проникли в офис Папена и убили его секретаря. Однако сам Папен продолжал пользоваться милостью Гитлера, доверявшего ему отдельные важные дипломатические миссии. Как посол Германии в Вене, Папен подготовил австрийский аншлюс; впоследствии он стал немецким послом в Анкаре, в Турции.

КУРТ ФОН ШЛЕЙХЕР. Сначала он был членом Генерального штаба имперской армии, затем получил важный административный пост в министерстве обороны Германской республики. Вскоре его произвели в полковники, а затем в генералы. Обожая политику, он благоприятствовал созданию «черного рейхсвера» — незаконных армейских подразделений, чье существование ловко скрывал как от рейхстага, так и от стран-победительниц. Шлейхер симпатизировал национал-социалистическому движению с самого начала. Когда генерал Гренер, министр обороны в кабинете Брюнинга, запретил ношение униформы национал-социалистической милиции, Шлейхер организовал заговор с целью свержения генерала Гренера, собственного начальника. Сбросив кабинет Брюнинга, Шлейхер решил, что его время еще не пришло, и в качестве своей марионетки использовал Франца фон Папена. Папен был неожиданно уволен президентом фон Гинденбургом в результате новых интриг Шлейхера. По желанию президента, Шлейхер открыто выступил на политическое поле и принял поручение сформировать новый кабинет. Несмотря на стремление править единолично, он хотел завоевать популярность, заигрывая с трудящимися. Однако его истинное намерение состояло в том, чтобы отколоть профсоюзы от связанных с ними партий. Одновременно он собирался спровоцировать раскол в национал-социалистической партии, перетянув на свою сторону Грегора Штрассера, одного из ее лидеров. Но Шлейхер не успел добиться желаемого, так как был смещен с поста канцлера. Отомстил Па-

пен: настроил президента фон Гинденбурга против Шлейхера, сообщив, что генерал замыслил против президента вооруженное восстание и что в Потсдаме уже стоят войска, готовые наступать на Берлин. Фон Гинденбург уволил Шлейхера и заменил его Гитлером. 30 июня 1934 года отряд штурмовиков расстрелял Шлейхера и пытавшуюся защитить его жену. Полуофициально его смерть объяснили тем, что он вступил в заговор с французским послом М. Франсуа-Понсе. На самом деле Франсуа-Понсе, друг Шлейхера, всего лишь доложил в Париж, что до конца года армия практически наверняка положит конец существующему режиму. Более того, поговаривали, что Шлейхер обладал документами, доказывающими коррумпированность генерала Геринга и тот факт, что Гитлер незаконно завладел Железным крестом.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть четвертая
ГЕРМАНИЯ И БУДУЩЕЕ МИРА

Тиссен Фриц

Я ЗАПЛАТИЛ ГИТЛЕРУ

ИСПОВЕДЬ НЕМЕЦКОГО МАГНАТА

1939—1945

Ответственный редактор *Ю.И. Шенгелая*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.04.2008.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 11,18.

Тираж 5 000 экз. Заказ № 2375.

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ОАО «ИПП «Курск»
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.

E-mail:kursk-2005@yandex.ru
www.petit.ru

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
МЕМУАРЫ

Фриц Тиссен

Я ЗАПЛАТИЛ ГИТЛЕРУ

ИСПОВЕДЬ НЕМЕЦКОГО МАГНАТА

1939–1945

Личности, определившие судьбу нацистской Германии, известны многим. Тем не менее одной из них удалось надолго укрыться от внимания общественности. Фриц Тиссен, глава мощнейшего немецкого промышленного концерна «Металлургические заводы Августа Тиссена», ярый националист, более пятнадцати лет поддерживал Гитлера и финансировал его движение. Его мемуары, за право издания которых в 1939 году боролись десятки издателей, — это история политической ошибки фюрера, имевшей трагические последствия для миллионов людей. В книге раскрыты основные механизмы одного из самых парадоксальных мировых кризисов, шокирующие подробности проведения антиеврейской кампании и внедрения системы концентрационных лагерей, а также причины поражения Германии во Второй мировой войне.

Впечатляющая исповедь разочарованного и подвергнутого гонениям Тиссена внесла неоценимый вклад в разоблачение национал-социалистического режима и подвела итоги жестокого идеологического эксперимента над немецким народом.

ISBN 978-5-9524-3704-3
9 785952 437043

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®